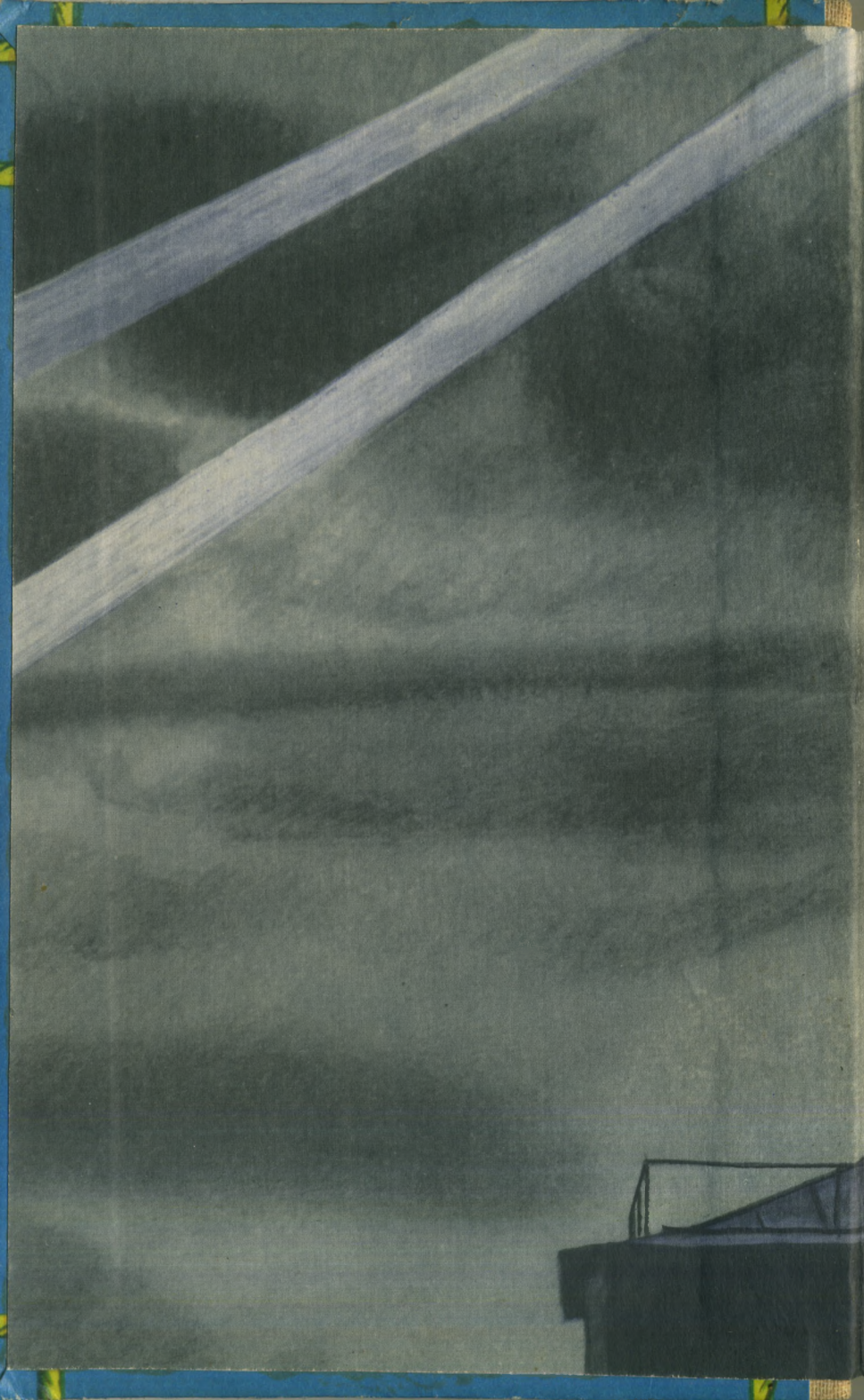

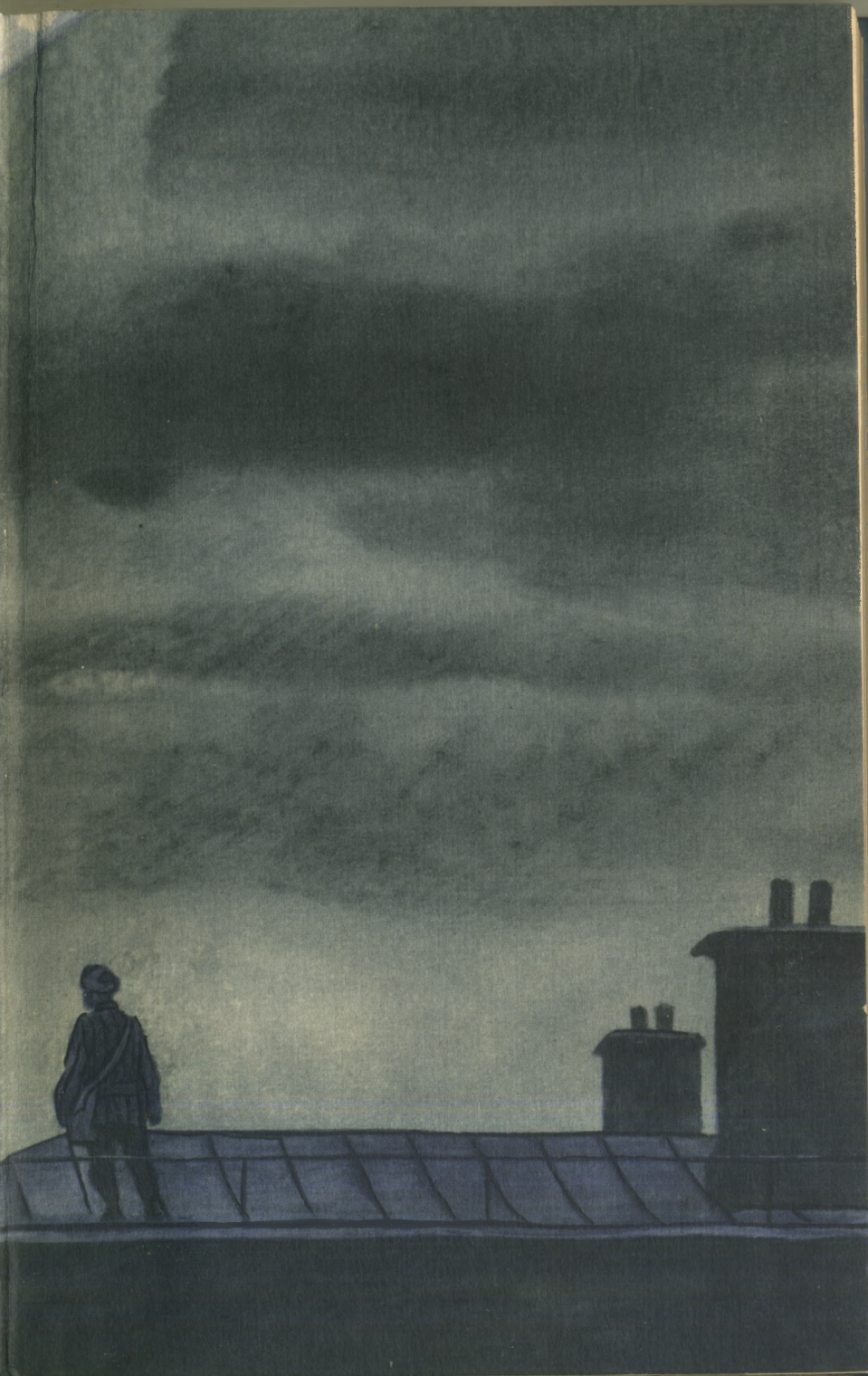
ВИКТОР ПУШКИН

**ВТОРОЕ
ДЫХАНИЕ**

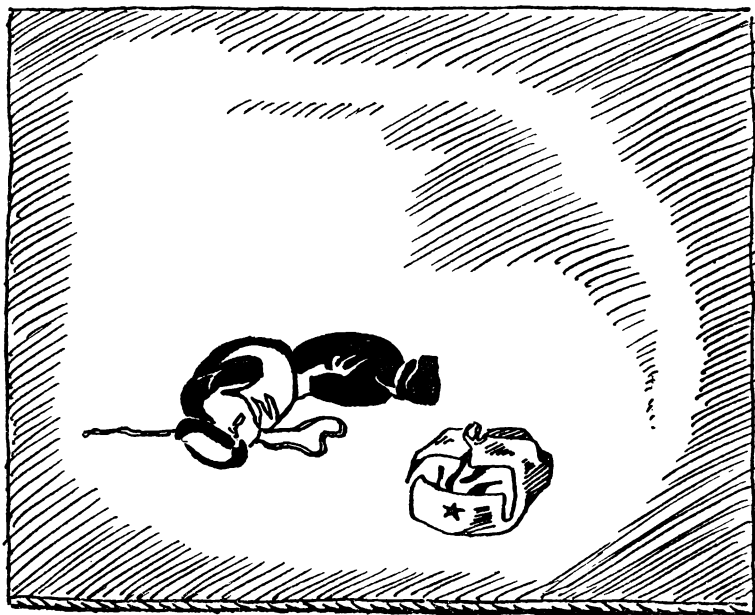

ВИКТОР ПУШКИН

**ВТОРОЕ
ДЫХАНИЕ**

Р О М А Н

МОСКВА 'ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА' 1983

P2
П91

Рисунки
В. Юдина

П 4803010102—350 291—83
М101(03)83

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г.

ГЛАВА 1

Почувствовав озноб, Андрей проснулся. И хотя был в свитере, лыжных брюках и шерстяных носках, лихорадочно натянул одеяло до самого подбородка. В комнате стоял почти такой же холод, что и на улице, а топить нечем: все сараи с дровами во время летних бомбежек сгорели. Да и растрескавшийся от сотрясений дом мудро обогреть.

Равнодушно стучали в тишине ходики. Из-за двойных рам не доносилось ни звука. Трамваи, автомашины по улице с осени не ходили: фугаски в двух местах вырыли огромные ямы. Люди же по десяти—двенадцати часов, а иные сутками с заводов и фабрик не возвращались. Немцы стоят у самой Москвы.

В серые, покрытые толстым слоем инея окна уныло струится серый свет. Серыми были потолок, стены, пыльное зеркало на комод у противоположной стены, сере-

бряный кубок, выигранный перед самой войной, на который теперь смотреть не хотелось, так как он лишь напоминал, что больше ему, инвалиду, не выйти на ринг, что с этим все кончено.

«И хоть бы уж повоевал! — подбирая бессильно свисшую до полу руку и как неживую пихая ее под одеяло, с горечью подумал Андрей. — А то ведь после первого же задания выбыл!..»

Он устало закрыл глаза и тотчас услышал натужное гудение грузовиков, в которых отряд их глубокой ночью перебрасывался к линии фронта. Яростно сечет в темноте дождь, с треском разметывают воду колеса, а вокруг время от времени все внезапно озаряется. И тогда на какую-то долю секунды вырисовываются силуэты завернувшихся в плащ-палатки ребят, плотно сидевших перед ним. Подразделение отдельной мотострелковой бригады особого назначения после короткой, напряженной подготовки направлялось в тыл врага.

В их машине почти полностью сборная команда страны по боксу, — только-только на первенство Союза съехались, так все вместе решили и фашистов бить. Даже тренер сборной Артем Иванович, у которого четыре года назад тренироваться начал и до мастера дорос, возле борта ссутулился. Те, что прибыли издалека, — полутяжеловес Товмасын из Еревана, «петух» Гоглидзе из Тбилиси, четверо ленинградцев, двое из Иванова — домой не поехали, чтоб от остальных не отбиться. В других машинах разместились борцы, гимнасты, лыжники, пловцы, легкоатлеты, футболисты. В бригаду, предназначавшуюся для особо ответственных заданий, отбирались и особой закалки люди. А где как не среди спортсменов можно найти таких!

С обеих сторон к нему притиснулись два его лучших ученика — заводские ребята: крутоплечий, с массивным подбородком тяжеловес Вася Фофанов и курносый, смешливый средневес Толя Малякин. Они, правда, еще не мастера, незадолго до войны едва лишь по первому разряду выступать начали. Но он упросил командование включить и их в отряд: за время тренировок убедился, что уж эти не сдрейфят, не подведут.

Ехали без разговоров, молча. Каждый, точно перед решающим матчем, взвешивал, прикидывал свои силы,

внутренне подготавливался к предстоящему экзамену, по-своему представляя его себе. В одном лишь все сходилось — уж фашистам от встречи с ними не поздоровится! И он, Андрей, так же думал.

Обосновались в глуши Брянского леса. Внимательно осмотрелись. И вот наконец первое задание: уничтожить идущий в сторону фронта эшелон.

Всю ночь вчетвером, поочередно неся десятикилограммовый заряд, они пробирались чащобой к линии железной дороги. На рассвете вышли к ней, притаились на опушке, метрах в тридцати. Вскоре выяснили, что, громыхая сапогами и вполголоса переговариваясь, по шпалам время от времени проходят шесть-семь патрулей с автоматами на груди. Более трех часов следили за ними: в таких делах ошибок быть не должно. Выждав, когда приглушенные голоса и топот кованых сапог затихли вдалеке, два минера втащили на насыпь заряд, заложили под рельс, замаскировали, протянули шнур. Теперь оставалось лишь крутнуть ручку взрывной машинки.

Андрея все более охватывало чувство, очень похожее на то, какое испытывал перед выходом на ринг: легкая тревога и нетерпение. Стиснув карабин, он лежал в высокой траве, напряженно вслушивался и страстно желал одного: чтоб посланный фашистами в сторону Москвы эшелон с танками, пушками и солдатами дальше этого места не прошел.

Наконец возник, стал стремительно надвигаться шум мчащегося на большой скорости тяжелого состава. Все ближе, ближе. Уже совсем рядом!.. Когда же под красными колесами вырвавшегося слева паровоза ослепительно сверкнуло и от взрыва дрогнула земля, а вагоны беззвучно вздыбились, его словно бревном по головехватило. Пришел в себя на третьи сутки — белые стены, белые занавеси на окнах, вся в белом склонилась медсестра. Оказывается, товарищи донесли до лагеря, но, поняв, что собственными силами не выходить, той же ночью переправили через линию фронта.

За его жизнь боролись долго. Операции, надежды и снова операции. И если б не молодой хирург, призвавший в нем чемпиона страны в легком весе Андрея Горячева, правой руки, возможно, не было бы. Да что из

того, что она осталась? До сих пор висит как плеть. Самые обычные вещи: одеться, умыться, причесаться, — о чем раньше и не задумывался, вначале сделать не мог. А ребята били фашистов. Воевали многие ученики — молодые рабочие с соседнего завода, где до войны боксерскую секцию вел. Ушли на фронт все сверстники со двора. Он же, известный боксер, чемпион, стал совершенно бесполезен и никому не нужен.

Дома тоже было невесело: второй месяц не приходило никаких известий от отца. Двое приятелей погибли. Вдобавок же ко всему, вышла замуж Виктория, девушка, с которой дружил до войны и которая обещала ждать. И его все сильнее стала охватывать тоска. Он перестал выходить из дому, подолгу залеживался в постели. Понимал, конечно, что всюду недостает людей, нужно работать, но подходящего занятия для себя не находил. «Вот если бы опять — тренером!..» — с надеждой думал он, хотя не сомневался, что в такое время спортивные клубы, конечно, нигде не работают.

Так по возвращении из госпиталя и жил, пока не подвернулся один развеселый человек — Мишка Барабанщик, невысокий, разбитый парень с соседнего двора. До войны это была известная в районе личность. Несмотря на то, что Мишка был всего на два года постарше, он считался незаменимым в джазе Центрального парка ударником. Все ходили любоваться, как в черном смокинге, белоснежной сорочке с бабочкой под тощей шеей, восседая со своим барабаном, тарелками и всякими другими штуками на возвышении, словно на троне, Мишка ловко ударял тонкими палочками по всему, что перед ним стояло, лежало и висело, притом еще ухитрялся подбрасывать эти самые палочки кверху. Так вот он вообще не доехал до фронта, попал под бомбежку, потерял ногу, но не унывал — талант к картам обнаружился. Теперь, скрипя протезом, Барабанщик целыми днями болтался на Тишинском рынке, как сам выражался, «колдовал» в «три листика» и по-прежнему был навеселе, всегда при деньгах. Как выяснилось, он давно «болел» за Горячева, и отказаться от его угощений, хотя было крайне неловко толочься на рынке, у Андрея не хватало сил: продуктов по карточкам выдавали все меньше, продавать было уже нечего. Правда, Мишка

упорно приставал, чтоб Горячев с ним и водку пил. Но он, Андрей, за годы занятий боксом привыкший смотреть на спиртное, как на злейшего врага, втайне веря, что еще выйдет на ринг, решительно отвергал его домогательства. Ему было все неприятнее находиться рядом с Мишкой. Тот играл нечестно, то и дело назревали скандалы. А вот вчера, под самый конец, уличивший Мишку в мошенничестве рыжий мужчина все-таки не выдержал, полез с кулаками, и Барабанщик, отскакивая, истошно завопил: «Андрюшк!..» Поняв, что Мишка не один, мужчина нехотя отошел со словами: «Ну ладно, сват, еще свидимся!» Это происшествие особенно неприятно легло Андрею на душу. К тому же часом позже случилось такое, что вообще заставило его всерьез задуматься.

Дело было так. Распрощавшись с Мишкой и подойдя к своему дому, он увидел бессильно опершегося спиной о закрытую дверь парадного немолодого человека в телогрейке, солдатской ушанке и валенках. Торопливо шагнув к нему, спросил, не требуется ли помощь. Но тот ответил, что нет, и виновато пояснил: «Это я, браток, к протезу привыкаю. Сегодня на завод, с завода уже один иду...— Нахмурившись, добавил: — Разве усидишь дома, когда видишь, что кругом мужских рук не хватает!» Затем оттолкнулся от двери и, неловко выкидывая вперед негнущуюся ногу, двинулся дальше. А он, Андрей, провожая его взглядом, испытывал мучительный стыд и за себя и за Мишку, в сущности думавших все это время лишь о собственной выгоде. Так что хватит с него, жить подобным образом он больше не хочет!..

В передней сердито заговорила тетя Наташа:

— Ну куда прешь-то?! Русским языком сказано: нету дома!

Затем раздался хриплый Мишкин голос:

— Вр-решь! — и он зычно позвал: — Андрюшк!.. Слышь иль нет?!

Андрей замер. Ох, до чего же не хотелось видеть его!

Мишка позвал еще раз, потом чертыхнулся и хлопнул дверью, которую тетя Наташа тотчас с лязгом за-

перла на огромный крюк. А через минуту в комнату, чуть повыше дверной ручки, просунулась ее повязанная белой косынкой голова: соседка работала няней в помещавшемся наискосок от дома Протезном институте, который с первых дней войны стал госпиталем.

— Ну, все дрыхнешь, идол?.. — на всякий случай негромко спросила она; морщинистое, с мешками под глазами лицо ее было суровым, утомленным: по-видимому, у них опять наплыв раненых. — Вот, записку тебе передали...

Андрей взял протянутый клочок бумаги, развернул. Там карандашом было нацарапано:

«Тов. Горячев, случайно узнали, что вы третью неделю уже дома, но к нам, во Дворец физкультуры «Крылья Советов», не показываетесь. А вы здесь очень нужны. Прошу зайти завтра, 11 ноября 1941 г., в десять утра. Директор». И следовала еще более неразборчивая подпись.

«Вот это да! — ахнув, сел на постели Андрей. — Так, значит, дворец все-таки работает?!» Ругнул себя, что не наведался туда, не проверил. «Но... зачем, для чего я понадобился?! — недоуменно подумал, вспыхнул от пришедшей догадки, сам же поспешно отверг ее: — Да вздор, чепуха! Раз видели меня, стало быть, заметили и что со мной!»

— Ай из начальства кто? — кивнув на записку, подозрительно спросила тетя Наташа. — Ведь я разобрала: тебя вроде бы на работу приглашают. Иди!

— «Иди»! — с горечью усмехнулся Андрей; встал с постели, зло дернул мертво висящую руку. — А кому я там... вот такой... нужен-то?!

— Сам директор зовет, стал быть нужен! — резонно возразила тетя Наташа. — Уж он не стал бы...

— Ну хорошо, — сдерживая раздражение, перебил ее Андрей, — я... подумаю.

Оставшись один, он не знал, за что взяться, мучился: ехать или не ехать во дворец, куда снова так потянуло. Ведь раньше дня без него прожить не мог, роднее родного дома был. Вдруг ощутил, что в глазах темнеет; затем шатнуло так, что пришлось ухватиться за угол стоящего посреди комнаты стола. Вслед за этим почув-

ствовал тошнотную пустоту в желудке, вспомнил, что ничего со вчерашнего дня не ел.

Переждав, пока прихлынувшая к ногам слабость прошла, Андрей шагнул к буфету — нахмурился: забыл попросить тетю Наташу, чтоб она купила на их долю хлеба. Взял карточки, с трудом надел старые, давно служившие палочкой-выручалочкой лыжные ботинки, кое-как натянул грубошерстное, с потертым воротником пальто, надвинул до бровей лыжный картузик и нетвердыми шагами выбрался из квартиры. Выйдя же на сумеречную, всю в сугробах улицу, невольно обернулся влево, на огромное старинное, господствовавшее над одно-, двухэтажными домиками белое здание. Там в конце прошлого лета поселилась Виктория. Возле него он в первый раз и увидел ее. Синеглазая, с темными бровями и ресницами, со вкусом одетая, она однажды вышла из подъезда и, высоко держа свою красивую, с густыми каштановыми волосами голову, четко отстукивая каблучками каждый шаг, направилась к площади. Почти все прохожие на нее оборачивались. А он, ошеломленный, даже остановился и долго смотрел девушке вслед. Потом, тщательно изучив время ее появления на улице, как бы случайно выходил из своего парадного, шел навстречу и незаметно любовался «прекрасной незнакомкой». И тогда все окружающее куда-то исчезало, уходило прочь, оставались лишь он и она да звучала в душе волшебная музыка. Такое с ним происходило впервые...

Тяжело вздохнув, Андрей отвернулся от белого дома, двинулся к Крымской площади. Шел и не узнавал улицу, так она изменилась. Вместо двух с детства знакомых домишек рядом с Теплым переулком горбатились, присыпанные снегом, кучи битого кирпича да чернели аккуратно сложенные обугленные бревна. Некоторые заборы сгорели, иные поломали. На месте же пышного Заботинского сада, что тянулся против их окон и от которого уцелело всего несколько яблонь, расположилась зенитная батарея — настороженно уставившись в темно-серое небо черные стволы пушек, а вокруг все было изрыто траншеями; дымила высокой тонкой трубой землянка.

Исчез старинный трехэтажный дом в начале Метро-

строевской, на его месте зияла огромная заснеженная воронка, Садовое кольцо возле самой площади перего-
раживала баррикада из припущенных снегом мешков с песком. Через узенький проход, по обеим сторонам которого стояли одетые в полушубки, шапки-ушанки и валенки красноармейцы с автоматами на груди, тянулся нескончаемый поток автомашин.

Мешками с песком были обложены и первые этажи зданий, станция метро. Стекла перекрещены бумажными полосками. На крыше школы, что высилась сразу за метро, чернел счетверенный зенитный пулемет, и было слышно, как яростно колотит рукавицами расхаживающий там часовой. От домов к тяжелому, низкому, то и дело озаряемому зловещими сполохами небу отвесно тянулись редкие дымы. Поскрипывая снегом, сосредоточенные, молчаливые, по тротуару торопливо шли прохожие. Немцы были совсем рядом с Москвой. Даже не верилось. Не хотелось верить! Правда, их теперь остановили, заставили в землю зарыться.

Со стен домов и оставшихся заборов строго смотрела седоволосая женщина в красной шали. Одной рукой она указывала за спину, на лес штыков, а другой держала лист с текстом военной присяги. Мать-родина звала...

За хлебом Андрей простоял более двух часов. За это время на улице стемнело. Пошел мелкий, крупинками, снег. Налетавший ветер больно стегал им по лицу, закручивал вдоль Садового кольца туманную карусель. А сквозь нее темными громадами, утробно рыча, двигались и двигались с незажженными фарами тяжелые автомашины. Над городом стоял с детства привычный слуху ровный, глухой шум. Город-труженик не склонял головы, день и ночь, напрягая все силы, помогал фронту...

Когда Андрей возвратился домой, там при свете самодельного светильника — электричество отключили более трех месяцев назад — хозяйничала мать, сухая, угловатая. Лицо серое, изможденное, а в глазах тоска. С тех пор как ушел на фронт отец, она ни разу не улыбнулась, не запела, хотя и слыла певуньей, посела, ссутулилась. На столе стояли с детства знакомые — одна надтреснутая, другая со щербинкой — тарелки с полустершимися лиловыми цветочками, темнели ста-

рые алюминиевые ложки. Окна были занавешены; от горячей в центре стола керосинки в комнате потеплело.

Взглянув на помятое, хмурое лицо вошедшего сына, Ольга Николаевна удержала вздох и, стараясь не обнаруживать своих чувств, кивнула на стоявшую на керосинке кастрюлю, в которой громко булькало:

— Раздевайся. Крупы по талонам дали: супчику поедим...— и, отрезав хлеба, подвинула к тому месту, где обычно сидел Андрей, большой ломоть.

— Э, нет, так дело не пойдет! — решительно отодвинул он его на прежнее место.

— Да ладно уж, ладно,— устало возразила Ольга Николаевна,— я на заводе лишний раз перехватила.

— Ты говоришь неправду! — пристально глядя на нее, повысил голос Андрей.— И прошу тебя: никогда больше так не поступай! Я уже не маленький!..— Он помолчал, потупившись, хмуро добавил: — К тому же — ты работаешь, а я еще...

Ели молча. Потом Ольга Николаевна, не поднимая от тарелки глаз, негромко сказала:

— Меня с зарядки автоматов на электрокару перевели...

— Как так? — вскинул на нее глаза Андрей.

— Да вчера электрокарщица одна заснула, на столб налетела — плечо повредила. Мастер мне: «Товарищ Горячева, больше сажать некого: ты самая молодая». Уже училась сегодня, ездила. Руки-ноги трясутся, а стою, на рычаги нажимаю...— Она зачерпнула ложкой суп.— Никуда не денешься — нужно!

Андрей медленно отвел взгляд, не зная, что сказать, но в уличную дверь застучали, и он шмыгнул в переднюю, строго спросил:

— Кто здесь?

— Горячев тут живет? — вместо ответа раздался из-за двери мальчишеский голос.

Из своей комнаты, выплеснув в переднюю затрепетавший свет, выглянула настороженная тетя Наташа. Недоуменно посмотрев на нее, Андрей откинул крючок: за порогом, в шапке-ушанке и пальто с поднятым воротником, стоял паренек лет тринадцати.

— Это вам! — выпалил он и, сунув в руки Андрея бумажку, стал сбегать по лестнице.

— Да от кого хоть?! — крикнул вслед Андрей.

— От директора Дворца физкультуры! — ответил паренек снизу.

Андрей задумчиво затворил дверь.

— Ну-ка, ну-ка, что он тебе теперь-то пишет? — протискиваясь за ним в комнату, с интересом говорила тетя Наташа.

Шагнув к столу, Андрей поднес бумажку поближе к свету горящей керосинки и, не без труда разбирая, стал читать:

— «Тов. Горячев! Я весь день сегодня, 11 ноября, прождал вас. Теперь жду завтра, 12 ноября, также к 10 утра по... вопросу работы... тренером по боксу. Директор Дворца физкультуры...» — И снова неразборчивая подпись.

«Тренером по боксу?! — поднимая от записки голову и растерянно глядя перед собой, подумал Андрей. — Так и есть, не знает, что я... что у меня...»

— Малый, поезжай, — коротко взглянув на потупившуюся Ольгу Николаевну, наставительно проговорила тетя Наташа. — Не брыкайся. И с одной рукой, коли дело знаешь, растолковать можно. Не то дока-тишься ты с этим Барабанщиком до тюрьмы!

«Руки-ноги трясутся, а стою, на рычаги нажимаю!..» — прозвучало вдруг в ушах Андрея, и он отчетливо увидел, как, оттолкнувшись от двери парадного и неуклюже выкидывая негнущуюся ногу, зашагал немолодой человек в телогрейке и солдатской ушанке. «Да, да, завтра поеду... Нужно ехать. То есть обязан!»

ГЛАВА 2

После завтрака — ломоть черного хлеба да стакан кипятка — Андрей торопливо оделся и вышел на заснеженную улицу. Однако, отойдя чуть от дома, остановился, постоял, затем резко повернулся и зашагал обратно. «Да нет, какой теперь из меня тренер!» — зло подумал он.

— Ты что?.. — открывая дверь, спросила тетя Наташа.

Ничего не ответив, Андрей прошел в свою комнату,

не раздеваясь, плюхнулся на диван лицом к стене. И так, стиснув зубы, лежал до тех пор, пока не ввалился Мишка.

— У, порядок! — обрадовался он. — Поехали!

Андрей промолчал, не пошевелился даже, только еще сильнее сжал челюсти. Ну нет уж, сегодня он никуда не поедет. Хватит. С этой жизнью — все. Люди воюют, кровь проливают или же, сутками не отходя от станков, на протезах вкалывают. А он, видите ли, путается с этим шулером у всех под ногами. И это вместо того, чтобы хоть как-то помогать общему делу в такое трудное время! Ну и что ж, что тренером нельзя! Сейчас люди везде нужны. Не такие работают!..

— Да слышь, что ль?! — нетерпеливо повторил Мишка. — Ведь не спишь, вижу! Вставай, золотое времечко теряем!

Андрей приподнялся, нащупал взглядом его мутные с перепоя глазки, отдельно проговорил:

— Никуда я больше с тобой не поеду, ясно? Тебе же в последний раз советую бросить это грязное дело и заняться чем-то полезным!.. Не желаешь, езжай один!

Мишка демонстративно отступил на шаг, прищурился:

— А-а, все понятно! Того, рыжего, испугался, да? Хорош чемпион, хорош, нечего сказать!

— Че-го?! — мигом сообразив, почему сам-то маг и волшебник так поздно на промысел направляется, рявкнул Андрей, в бешенстве вскочил с дивана. — Так вот зачем я тебе на рынке нужен!

Втянув голову в плечи, Мишка попятился. Толком не зная, как с ним поступить, Андрей помедлил, затем брезгливо взял его за шиворот, выволок в переднюю и вытолкнул на лестничную площадку.

— Скотина! Ах, какая скотина! — возвращаясь в комнату, шептал он. — Так вот за что меня кормили-угощали все это время! — задержался взглядом на висевшей над комодом фотографии, сделанной перед самой войной: он, под бокс подстриженный, в трусах и майке, черных боксерках, над которыми валиками закатаны белые носки, и боевых перчатках, строго глядя перед собой, замер в стойке. Мускулистые плечи, руки,

хищно изогнутый торс, сухие, сильные ноги и строгое, совсем юное лицо. Невольно сунулся к стоявшему на комоде зеркалу — оттуда глянула плохо выбритая, сумрачная физиономия с копной нечесаных волос; глаза тусклые, губы шершавые, потрескавшиеся...

Некоторое время колебавшись, Андрей наспех побрился, оделся, схватил с комода записку директора Дворца физкультуры, взглянул на часы — еще не поздно! — и выбежал из квартиры.

В вагоне метро стоял возле двери полный нетерпения и боязни опоздать, напряженно смотрел на стремительно пронесившиеся мимо серые, шероховатые стены тоннеля, желтые точки лампочек, бесконечную пыльную арматуру и внезапно открывавшиеся станции. На пустынных платформах громоздились раскладушки, матрацы — летом здесь, спасаясь от бомбежек, ночевали дети, женщины и старики. А на «Маяковской», кроме того, стояли сдвинутые в кучу стулья, возвышались в глубине покрытый скатертью стол и трибуна. Шесть дней назад тут — уж теперь это знал всякий — вечером шестого ноября проходило предпраздничное торжественное заседание.

Ленинградское шоссе осталось почти таким, каким он видел его в последний раз. Так же тщательно очищены от снега аллеи, мостовая, тротуары по обеим сторонам; как обычно, деловито катят троллейбусы, автобусы, автомашины, идут пешеходы. О войне напоминают лишь перекрещенные бумажными лентами промерзшие окна домов и магазинов, зенитки да зенитные пулеметы, чернеющие на крышах некоторых зданий. А так — просто не верится, что фашисты рядом, всего в каких-нибудь двадцати—двадцати пяти километрах. Все вокруг спокойны, все идет своим чередом. Да что! Седьмого ноября, как всегда, военный парад на Красной площади состоялся! Пехота шла, кавалерия шла, танки.

А вот и Дворец физкультуры — желтый приземистый фасад с «фонарем» посередине, из-за которого в обе стороны выступает огромный, с окнами во все стены, гимнастический зал. Ничего не пострадало.

Забыв обо всем, Андрей, как и прежде, легко взбежал по ступенькам, ворвался в вестибюль — задержался,

услышав знакомый, скрипучий голос швейцара дяди Лавруши:

— А тебе кого?..

Привыкнув к серой полутьме, Андрей увидел: из-за столика справа от входа, все такой же маленький — седенькие усы, нахлобученная по самые брови старенькая папаха и длинное, с чужого плеча, пальто — выбирается страж дворца. Радостно крикнул:

— Здравствуй, дядь Лавруш! Ну как вы тут? Что делаете?

Сдвигая редкие седые брови, швейцар взгляделся:

— Батюшки, да никак Горячев?! Кақ это — что делаем? — удивился он. — А что всегда делали, то и теперь. Да вот, слышишь?

Андрей насторожился: сверху, из Большого гимнастического зала, доносился топот — там шла тренировка. Справа время от времени лязгало железо — это, конечно, упражнялись гиревики. А вот раздался глухой удар с левой стороны — не иначе как бросили кого-то на ковер в борцовском зале. Все это были привычные, родные звуки!..

Андрей прикрыл глаза, напряженно вслушиваясь, вздохнул: нет, из его зала, который помещался сразу за гиревым и к двери которого вела лестничка в несколько ступенек, не доносилось ни звука. Хотел осторожно выведать, отчего не слышать боксеров-то, но из борцовского зала стремительно вышел невысокий, с короткой прической, подтянутый человек лет тридцати пяти в спортивных брюках и свитере. Андрей сразу узнал его: один из сильнейших борцов страны в легчайшем весе, заслуженный мастер спорта Алексей Ходаков. С ним не раз участвовал в показательных выступлениях, ездил в пионерлагеря, на заводы, в колхозы. Правда, сам он последнее время уже не боролся, так как был серьезно ранен в голову во время финской кампании. Но он мастерски демонстрировал игру мускулатуры, неизменно поражая своим искусством зрителей. У этого небольшого, ладно сложенного человека не было мышцы, которая бы не подчинялась ему. Он мог пошевелить, поиграть каждой из них или же напрячь все разом, становясь в этот момент похожим на античную статую.

Взглянув в их сторону, Ходаков быстрым шагом направился к ним.

— Он директор теперь у нас,— успел шепнуть дядя Лавруша.

— Здравствуйте, Горячев,— подойдя, деловито сказал Ходаков.

— Здравствуйте, Алексей Васильевич! — пробормотал Андрей и подумал: «Так знает, что со мной-то, или нет?»

— Пройдемте, поговорим...— Ходаков по-хозяйски указал на дверь директорского кабинета, который помещался слева, в начале полутемного фойе.

«Сейчас даст жизни, что не сразу явился!» — стараясь не отставать, конфузливо подумал Андрей.

Но ничего подобного не случилось. Когда они вошли в кабинет, Ходаков предложил Андрею сесть в массивное кожаное кресло, стоявшее возле письменного стола, а сам прошел за стол, поднял серые твердые глаза и сказал:

— Нужно немедленно начинать работать. Все наши мастера, имеющие отсрочки от призыва,— студенты, рабочие оборонных заводов — уже ведут секции.

«Нет,— подумал Андрей, поправляя руку,— ничего не знает».

— Да я... да разве ж я...— страдальчески взглядывая на Ходакова, прсбормотал он.— Но ведь у меня же...

— Это-то нам известно,— перебил Ходаков, кивнул на руку: — Совсем не подчиняется?

— Совсем.

Ходаков подумал, затем решительно сказал:

— Вот что. Потом зайдите на лыжную базу и спросите там Анечку маленькую и Анечку большую. Да вы их знаете: наши лучшие гребчихи и лыжницы. Они как раз по верхним конечностям в подшефном Боткинском госпитале лечебную физкультуру ведут.

Андрей безнадежно махнул здоровой рукой.

— А вы не отмахивайтесь,— нахмурился Ходаков.— Посоветуйтесь все-таки... Теперь насчет секции: когда начнете?

Андрей отвел взгляд в сторону, проговорил шепотом:

— Боюсь, ничего не выйдет...

— Это почему?

— А как буду показывать?

— А как показываю я?! — возмутился Ходаков; наклонил голову и приподнял с темени жесткие, седеющие волосы, открывая розовую, в ладонь величиной, пленку.

— Вот так, что могу, демонстрирую, а что не в состоянии, растолковываю на учениках, ясно? — вскидывая голову, сердито закончил он. — В общем, больше ждать нельзя. — Он поморщился: — Правда, зал ваш не совсем в порядке. Какие-то идиоты летом груши, кожаные мешки порезали, растащили перчатки. Во время бомбежек стекла-то повывлетели, вот они и...

Андрей поджал губы.

— Груши, мешки — это уж ладно бы. И без них первое время обойдемся. А вот перчатки...

— Будут! — вставая, сказал Ходаков. — Да! Кладовщица обещала поискать. Пойдемте к ней. Зал потом осмотрите.

Андрей заволновался, вспомнив, что у него теперь нет спортивного костюма, виновато сказал об этом.

— А где же он? — задержался Ходаков.

— На картошку сменял... — хмуро ответил Андрей.

— А-а. Свой дам, — и Ходаков двинулся из кабинета.

Когда Андрей пересек вслед за ним просторное фойе и шагнул в полутемный коридор, опоясывающий круглый, предназначенный для состязаний и показательных выступлений зал, он заметил, что по внешней стене его, как и до войны, тянутся, скрываясь за изгибом, большие, в красивых рамах, портреты лучших спортсменов клуба с подписью под ними: «Воспитанники Дворца», к которой теперь добавили: «фронтовики». С чувством неловкости разглядел и свой. Двинувшись было дальше, с пресекавшимся дыханием остановился: один портрет был обвит черной и красной лентами.

— Трое у нас... уже вот так... Еще два легкоатлета... — оглянувшись и сразу поняв причину заминки, негромко сказал Ходаков; помолчал, добавил: — Что ж теперь поделаешь, война...

В кладовой, огромной, с низким потолком, пахнущей плесенью комнате, им дали бесформенный, покрытый зеленоватым налетом ком, в котором Андрей с болью

признал безжалостно скрученные электрическим шнуром перчатки.

Вид зала огорчил Андрея еще больше. Несмотря на ясный солнечный день, в нем царил полумрак, потому что окна почти сплошь были заколочены фанерой. Покрытые инеем стены и потолок искрились, точно в пещере; изо рта вырывался густой пар. Но это бы еще было полбеды — в зале ничего не осталось из боксерского хозяйства. Вместо груш и мешков с потолка свисали лишь обрывки заиндевевших тросов. От занимавшего же почти полстены зеркала, перед которым проверялась правильность движений, ударов, торчали по краям рамы остроугольные осколки.

Андрей взглянул на то место, где раньше, белея канатами и сверкая никелированными столбиками, четко вырисовывался на фоне стены ринг, — там валялись грязные, перепутанные веревки; рыжие от ржавчины столбики были повалены. Однако крепко прибитый брезент и войлочный ковер под ним уцелели. Андрей сунулся в небольшую, помещавшуюся слева от входа кладовую, в которой раньше было тесно от висевших перчаток и другого спортивного инвентаря. С горечью обнаружил лишь несколько рваных груш, мешков да всякий иной хлам.

— Ничего-ничего, — сказал Ходаков. — В других секциях все сами в порядок привели. А я сегодня же распоряжусь, чтоб стекла вставили. — Он взглянул на часы. — Ну вы тут осматривайтесь, а меня группа ждет. — И Ходаков ушел.

Андрей снова огляделся. Нет, невзирая ни на что, зал был родным и близким. Вон там, у самого входа, шесть лет назад, он с бьющимся сердцем стоял в ожидании, что ответит Артем Иванович, когда после долгих колебаний все же отважился войти сюда. Большой, горбоносый, тот некоторое время сурово смотрел на худенького, малорослого паренька и вряд ли собирался принять в секцию, однако, тронутый мольбою без слов, все же сказал: «Ладно, ступай на медосмотр!..»

А вот тут, возле стены, ему растолковывали азы бокса... У этого же наглухо забитого окна он впервые с благоговением надел настоящие боксерские перчатки. И Андрей вдруг отчетливо увидел, как вокруг крутятся,

прыгают через скакалку, размахивают руками, колотят по грушам и мешкам загорелые, крепкие, в трусах и майках, ребята. И тогда по сердцу хлестнуло: «Как они там?.. Все ли живы?!»

Не позволив тревожному, тяжкому чувству овладеть собой, он шагнул в дверь. Войдя же в борцовский зал, оторопел от неожиданности: там, несмотря на то что стены так же сверкали инеем, а окна на палец промерзли, возились на ковре, упражнялись со штангой и гантелями, качались на кольцах раскрасневшиеся ребята в борцовских трико.

— Заканчивайте, заканчивайте! — посмотрев на часы, крикнул им Ходаков. — И бегите в душевую, пока вода есть!..

Андрей перевел на него радостный взгляд.

— Что, даже горячую пускают?

— Дорогой мой, — усмехнулся Ходаков, — холодная-то теперь не всегда бывает!

— Холодная?! — широко раскрыл глаза Андрей.

— Вот-вот, — Ходаков скрылся в кладовке, — многие вначале ахали. И можете себе представить? Ничего плохого еще ни с кем не случилось.

«Не может быть!» — зябко поежился Андрей, услышав в следующую минуту дробный плеск воды.

— «Холодная»! — доносилось из глубины кладовки бормотание Ходакова. — И за нее-то мы должны стоящую у нас воинскую часть благодарить, в иных клубах и этого нет! Да куда, куда я его задевал-то?.. — раздраженно спросил он себя; сам же ответил: — А, вот, посмотрите. — И вынес старенький лыжный костюм.

Андрей взял брюки, приложил к себе — они оказались коротковаты.

— Ничего, — кивнул Ходаков, — послужат.

— Спасибо, — растроганно пробормотал Андрей.

Домой он ехал возбужденный, думая только об одном: о завтрашней тренировке. Мысленно повторял, что скажет, как поведет себя с будущими учениками, — и получалось неплохо. Одно страшило: каким образом станет показывать с одной рукой?..

Ольга Николаевна пришла в двенадцатом часу — Андрей даже беспокоиться начал — и, сияя, сказала,

что сегодня на электрокаре уже вывозила из цеха стаканы для зенитных снарядов.

Андрей смотрел на нее с уважением. Молодец! Все-таки преодолела страх. Да с войною все внутренне подтянулись. Многие женщины на чердак за бельем вечером без провожатого не шли, а теперь во время бомбежек лезут, не боятся.

ГЛАВА 3

Во Дворец Андрей приехал задолго до назначенного часа и, скрывая тревогу, спросил дядю Лаврушу, нашлись ли желающие заниматься в боксерской секции.

— Да вон поджидают два с половиной человека! — невесело кивнул тот в сторону слабо освещенного фойе.

Там под горячей вполнакала люстрой стояли и что-то негромко обсуждали двое рослых, заводского типа парней со свертками под мышкой и, приходившийся им по пояс, укутанный вязаным платком поверх воротника пальто, мальчуган с потрепанным портфелем, по виду третьеклассник.

«Все равно проведу тренировку!» — подавляя разочарование, упрямо подумал Андрей и двинулся к своему залу.

Заслышав его шаги, стоявшие в фойе обернулись, замолчали, потом сдернули шапки и вразнобой крикнули:

— Здравсте!.. Здрасс!.. — и замялись.

— Привет, друзья, — ответил Андрей, бросил взгляд на вделанные в стену круглые часы. — Что ж, время у нас пока есть, подождем немного, может, еще кто-нибудь придет. — Поднялся по лестничке, прошел в зал, придирчиво оглядел его. Там было подметено, светло: стекла вставили. Учебный журнал и тренировочный костюм лежали на месте. Теперь оставалось только решить: в чем заниматься ребятам? Конечно, очень хотелось, чтоб они были в трусах и майках. Но такой холодище!

Когда до начала тренировки осталось пять минут, Андрей выглянул в фойе: под люстрой по-прежнему

стояли «два с половиной» человека. Стараясь не выказывать досады, он по-хозяйски распахнул дверь.

— Поднимайтесь! — пригласил, а сам незаметно любовался робко входившими в раздевалку заводскими ребятами. Оба отлично сложены; наметанным взглядом определил: средневесы. На одном, чернобровом, — потертое бобриковое полупальто, на другом — до блеска замасленная стеганка; этот оказался чуть рослее своего товарища, и у него было доброе, со вздернутым носом лицо. Но обоих роднил, делал похожими утомленный, несвежий вид и серые от вьевшейся металлической пыли руки, — явно пришли прямо из цеха.

«М-да, — со вздохом подумал Андрей, — нелегко будет работать с такими». Озабоченно посмотрел на шагнувшего в раздевалку большеглазого мальчугана, хотел остановить: «Ты еще куда?» — но, увидев, как тот из всех сил надувается, выгибает грудь, вспомнил, что и сам ведь явился в этот зал немногим старше и так же из всех сил выгибался и надувался, сочувственно спросил, не будут ли его бранить дома. Но мальчуган до того смутился, что за него ответил парень в стеганке:

— Да нет, не беспокойтесь!.. Мы с одного двора. Отец его воюет. Мать с утра до вечера на заводе, и она только обрадуется, если он будет меньше болтаться по улице. Верно, Генк?

— Угу, — кивнул тот.

— Ну, тогда скажи: а почему ты решил заниматься боксом, а не чем-нибудь еще? — обратился к нему Андрей.

— А я это... на фронт хочу... — еле слышно пробурчал он, — а папка пишет — силенок маловато, поднакопить нужно...

— Ясно, — сдерживая улыбку, кивнул Андрей. — Ну что ж, в таком случае будем накапливать. — И обратился ко всем: — Снимайте пальто, шапки и — в медкабинет. — Задержал взгляд на курносом. — Но отчего... вас так мало?.. Как ваша фамилия?..

— Голубев! — ответил тот. — А мало потому, что поздно вчера объявление повесили. Верно, Антон?.. — обратился он к своему товарищу.

— А, вот теперь понятно, — успокоился Андрей.

Поднимаясь во врачебный кабинет, он в который раз торопливо повторял про себя, каким образом начнет тренировку, что предложит новичкам. Однако едва лишь ребята, поживаясь, разделись по пояс, осознал, что тщательно продуманный урок рассыпается: будущие боксеры были так истощены, что спланированная нагрузка оказалась бы для них непосильной.

Когда Андрей с ребятами спустился в раздевалку, все еще не решив, стоит ли разрешать им переодеваться в спортивные костюмы, туда вошел Ходаков.

— Все в сборе? — возбужденно спросил он.

— Вообще-то... все... — со вздохом ответил Андрей.

— Зря, зря вы так, — насупился Ходаков. — Не сразу Москва строилась. — И обратился к ребятам: — Нужно срочно разгрузить две машины стройматериалов для ремонта лыжной базы: в нее летом зажигалка попала. Борцы, гимнасты, акробаты и гиревики уже пошли. Как вы?

Те дружно кивнули.

После того как грузовики были разгружены и Андрей с учениками возвратился в раздевалку, они выглядели еще более утомленными.

«Что же делать-то? — напряженно думал он, переводя взгляд с одного на другого. — Может, отменить тренировку?..»

Но ребята, словно поняв его мысли, смотрели просительно, и пришлось разрешить им переодеваться; он ничего не сказал даже тогда, когда увидел, что Голубев с Антоном стали скидывать с себя пиджаки, свитера и брюки. Не позволил это сделать только Генке, приказал ему остаться в валенках и вельветовом костюме, крайне обидев этим.

Когда все вышли в зал и построились, Андрей, делая вид, будто не замечает его недовольного вида, приосанился, бодрым голосом обратился ко всем:

— Напра-во! По залу вокруг — шагом марш!.. — Едва же ребята, избегая обледенелые места, пошли, торопливо добавил: — Подробней знакомиться будем потом. Сейчас внимательно смотрите и запоминайте, как строится боксерская тренировка. — И, с трудом беря себя в руки, также двинулся по внутреннему кругу. — Так вот, она, между прочим, как все тренировки во-

обще, начинается с разогревания. Почему? Никто не ответит? Нет?.. Тогда я поясню: потому что иначе можно растянуть, а то и порвать при резком движении мышцы: неразогретые, они недостаточно эластичны, понятно?.. Поэтому на первых порах все ваши тренировки будут начинаться со специально подобранных гимнастических упражнений, которые я вам сейчас и покажу.

В зал бесшумно вошел Ходаков, в темном свитере, лыжных брюках и высоких борцовских ботинках,— явно от собственной тренировки оторвался. Он постоял, внимательно посмотрел, послушал и так же бесшумно исчез. И Андрей с облегчением понял, что все в порядке, и это прибавило ему сил и уверенности.

Однако, когда последовали более сложные упражнения, он столкнулся с тем, чего так страшился: с одной рукой показать их уже было невозможно. Попытался помочь себе словами, но их от волнения не хватало, ребята все равно не понимали и потому выполняли то одно, то другое неправильно. Его возмущала бестолковость и неуклюжесть учеников, он невольно повышал голос, однако тотчас спохватывался и снова показывал, растолковывал. А после зарядки, объяснив на Голубеве, что такое боксерская стойка, как следует передвигаться в бою, объявил, что на этом тренировка окончена.

— У-у! — протянул Генка.— А я думал, вы нам перчатки надеть разрешите и это самое... дадите подраться!

Притушив улыбку, Андрей строго сказал, что, во-первых, «дерутся» только пьяные да хулиганы, а здесь «боксируют»; во-вторых, перед тем как надеть перчатки, необходимо отработать хотя бы один удар, защиту от него и умение правильно двигаться по рингу.

— Кстати о ринге! — воскликнул он, вспомнив, что недосчитался двух талрепов.— Чтоб его поставить — а это нам скоро потребуется,— необходимо сделать две вот такие детали! — Он вынес из кладовки, показал один из них.

— Разрешите,— попросил Голубев и, деловито осмотрев растяжку, честно признался, что точно такие у него, конечно, не получатся, но натянуть канаты будет можно.

— Что ж, для начала и это неплохо, — выходя вместе с учениками из зала, кивнул Андрей; оглядел их, раскрасневшихся, блестящих от пота, вспомнил, как бросились в душевую ходаковские ребята, несмело предложил ополоснуться.

Радостно переглянувшись, Голубев с Антоном стали раздеваться; засуетился и Генка. Но Андрей, опять обидев его до слез, не позволил ему, разрешил лишь умыться.

Заглянув через некоторое время в раздевалку, он увидел, как из душевой, откуда, точно из ледника, веяло холодом, один за другим, багровые, с мокрыми волосами, в каплях воды, выскочили возбужденные парни и принялись яростно растираться полотенцами. «Ну вот скажи кто об этом до войны — ни за что бы не поверил!» — подумал он; задержался: сходил за журналом и попросил Голубева взять на себя обязанность старосты.

Когда ребята стали надевать пальто и шапки, Андрей посоветовал им с завтрашнего же утра делать небольшую, минут на десять, зарядку, в которую можно включить только что освоенные упражнения. Потом он стоял возле двери, прощался с учениками и следил, чтоб у них были застегнуты все пуговицы, закрыты шеи.

Генку, несмотря на отчаянные протесты, заставил вытащить запятанный в портфель платок и крепко обмотал им опять поверх воротника.

Оставшись один, Андрей направился в тренерскую и только тогда обнаружил, что от слабости дрожат колени и слегка кружится голова.

Опустившись на стул, он некоторое время сидел неподвижно, затем поднялся, с трудом надел пальто. Когда же запер дверь и, едва передвигая ноги, понес ключ дяде Лавруше, из борцовского зала неожиданно выглянул Ходаков.

— Ну как? — спросил он. — Все в порядке?

— Да вроде как да. Вот только народу маловато... — оборачиваясь, пробормотал Андрей.

— Будет, — уверенно сказал Ходаков, — будет народ. Так что делайте свое дело... Да! Завтра приходите пораньше. Нужно оформить в бухгалтерии. Продуктовые карточки будете получать теперь у нас. Не за-

будьте паспорт, справку из домоуправления и форму номер три.— И он снова исчез.

Андрей понял, что все это время Ходаков не забывал о нем, беспокоился, с благодарностью прошептал:

— Вот человек!

Повесив на место ключ, он хотел двинуться домой, однако подумав, что мать придет с завода поздно, есть там нечего, изменил решение и, как бы оправдываясь перед вахтером, сказал:

— Давненько Дворца не видел, пойду пройдуся...— И снова, но уже не спеша, пересек фойе, вошел в полутемный и гулкий Круглый зал.

Через некоторое время, приглядевшись, он в который раз восхитился той легкостью и изяществом, с каким уходил вверх яйцеобразный, как в Планетарии, купол, окинул взглядом расположенные, точно в цирке — кругом, места для зрителей. С удовольствием вспомнил, как шумно и оживленно бывало тут во время первенств — особенно боксерских, — тотчас увидел ярко освещенный ринг и себя на нем. Ловко сидят тщательно отглаженные голубые трусы с темно-синим шелковым поясом и белоснежная майка, плотно натянуты на руки тугие, лоснящиеся новой кожей боевые перчатки. А вот теперь... Ощутил, что на душе делается муторно, резко повернулся и зашагал прочь: нужно было видеть людей! Слышать их!..

Вернувшись в фойе, он направился к лестничке, что вела на балкон Большого гимнастического зала, который всегда поражал своими размерами. Почти что футбольное поле под крышей. Обычно в нем было многолюдно и оживленно. Мелькали на брусках, турнике и кольцах мускулистые тела гимнастов, летели в корзины разноцветные мячи баскетболистов, прыгали на батуте, крутили сальто, ходили колесом озорноватые акробаты. Теперь там стояла больничная тишина, и лишь едва доносились приглушаемые матами звуки прыжков. Даже рояль звучал как-то робко.

Андрей насторожился: а это что за команды?.. «Коли — назад! Коли — назад!..» — после чего следовал грузный топот.

Прибавив шагу, он вышел на балкон. Обычно ярко освещенный зал был погружен в полумрак — лишь в

центре уныло горело несколько плафонов. Огромные окна были занавешены темными занавесями. Сам же зал, по стенам которого висели керосиновые лампы «летучая мышь», был как бы разделен на две части. В первой — с деревянными винтовками в руках — замерли в пальто и шапках парни, которым показывал приемы штыкового боя голенастый, с выпученными глазами белобрысый человек лет сорока пяти в мешковато сидящем лыжном костюме и огромных лыжных ботинках. Это был старший тренер клуба по лыжам Лев Августович Невинский.

В левой части тренировались гимнасты. Перед брусьями, глядя на упражнявшихся подружек, застыли в разноцветных купальниках девушки. Неподалеку от них неуклюже прыгали через «козла» угловатые парни: сразу видно — начинающие. Чуть в стороне на кольцах отработывали что-то сложное разрядники. Эти с завидной легкостью бросали свои тела вверх, бесстрашно выделявали «в каче» всякие штуки. А на огромном, занимавшем дальний угол зала пестром ковре выполняли под аккомпанемент рояля вольные движения две худенькие девочки с тощими косичками. И все как бы старались не шуметь, словно проводилась секретная тренировка. Это вызвало у Андрея недоумение. Однако, понаблюдав, он понял, в чем дело: сэкономили силы.

И еще одно бросилось в глаза. Раньше у каждого снаряда страховал тренер. Теперь их было всего два: пожилой, в спортивных брюках и свитере, мужчина и невысокая, с вьющимися каштановыми волосами молоденькая женщина в джемпере и рейтузах.

И с этими Андрей был знаком. Мужчина — известный московский тренер Василий Федорович Колесников. А женщина — первоклассная гимнастка Аля Неведомцева, с которой Андрей не раз участвовал в показательных выступлениях. Несмотря на то что у нее было двое детей, она перед войной с блеском выиграла звание чемпионки страны по вольным движениям. Алю особенно хорошо знал, так как с ее мужем, Димой, сильнейшим в Союзе борцом вольного стиля, его связывала давняя крепкая дружба.

Андрей невольно оглянулся в сторону Невинского:

тот зычно подал команду и повел своих подопечных из зала. Андрей пожалел, что не успел поздороваться с ним, снова повернулся к гимнастам. Заметив, что Аля подняла на него глаза и в удивлении застыла, улыбнулся, помахал рукой.

— Горячев?! — вскрикнула она. — Это ты?

— Какой Горячев? Боксер Горячев?.. — с живостью оборачиваясь и подслеповато щурясь, проговорил Василий Федорович и, разглядев, просиял: — У! Так спускайся сюда, дорогой! Дай хоть мы, понимаешь ли, убедимся!

Андрей сбежал по лестнице, смущенный, вошел в зал. А радостно подскочившие Аля и Василий Федорович стали жать ему руку.

— Жив! Жив! — время от времени говорила Аля.

— Да ладно, ладно обо мне, — еще более смутился Андрей. — Ты лучше скажи: что Дима-то пишет?..

Аля сразу притихла, с ее лица словно сошел свет, и Андрей невольно обратил внимание — до чего же она за это время похудела и побледнела.

— Уже давно не пишет... — еле слышно прошептала она.

Андрей пожалел, что спросил ее о муже, и стал убеждать, сам тому веря, что ничего страшного в этом не находит, просто забросили куда-нибудь очень далеко.

Краем глаза он видел, что подходившие гимнасты и гимнастки смотрят на него с восхищением, как на героя. Особенно же восторженный взгляд был у невысокой светловолосой и черноглазой девушки, почти девочки, в темно-синем плотно облегавшем ее небольшую, какую-то очень женственную фигуру купальнике. Вдруг вспомнил, что это же та самая малышка, которую в конце прошлой зимы защитил от хулиганов...

Дело было так. Закончив вечернюю тренировку, он вышел из Дворца на слабо освещенный, заваленный снегом двор и увидел, что пятеро великовозрастных парней увлекают куда-то растрепанную, отчаянно сопротивляющуюся Алину ученицу. Не раздумывая, кинулся к ним, требуя, чтоб они немедленно оставили ее в покое. Не узнав его, один из них с бранью размахнулся, но ударить не успел — ткнулся носом в сугроб: Андрей провел молниеносный прямой справа по челюс-

ти. Второй подскочил сзади, все-таки ударил, но удар, к счастью, пришелся по меховой шапке и вреда не причинил. В следующую секунду и этот раскинулся на снегу. Остальные в растерянности замерли. А потом кто-то, крикнув: «Это Горячев!» — увлек их к черному проему арки.

Девчушка же, не проронив во все это время ни звука, оставалась на месте, как зачарованная глядя на него распахнутыми глазами. Приказав ей немедленно застегнуть пальто, найдя в снегу ее чемоданчик с тренировочными вещами и шапочку, он, хотя и очень торопился, проводил юную гимнастку до дома, который оказался неподалеку. С этого вечера она, тайком кидавшая на него любопытные взгляды и раньше, глядела уже не таясь.

И вот он снова видит ее, живую и невредимую. За это время она немного подросла, повзрослела. Но все равно по-прежнему выглядела малышкой. Андрей открыто посмотрел на девушку, по-свойски улыбнулся, крайне смутив ее этим.

— Да ты Расскажи, Расскажи,— просил Василий Федорович,— как воевал-то!

Андрей конфузливо помялся, с трудом выговорил:

— Ну как воевал... Так ведь я же... так ведь мне же... не пришлось... Во время первого же задания контузило... — кивнул на безжизненно торчащую из кармана правую руку.

В зале некоторое время стояла неловкая тишина.

— Ну и что?! — посмотрев направо-налево, возмутился Василий Федорович. — И не твоя это вина! Со всяким, понимаешь ли, могло такое получиться! — Дело-вито спросил: — Что с нею? Что-нибудь серьезное? Надеются врачи?

Андрей пожал плечами, а он возмутился еще больше:

— Так ты сам, понимаешь ли, надеяться обязан! Верить в успех! Ты же спортсмен, а не... мокрая курица, понимаешь ли!

Андрей хотел перевести разговор, но подслеповато посмотревший на учеников Василий Федорович крикнул:

— По местам, друзья! Не стоять! — и обернулся к

Андрею: — Извини, дорогой, стынет народ. А ты не церемонься, заходи к нам. Работать-то думаешь? Начал уже? Молодчина, понимаешь ли!

Радуюсь, что можно закончить неприятный разговор, Андрей повернулся и двинулся к выходу, спустился в фойе. Заметил, что и там висят по стенам «летучие мыши», спросил дядю Лаврушу о них. Оказалось, летом из-за бомбежек часто гас свет, так при них тренировались.

Выйдя из Дворца, Андрей услышал глухой шум, доносившийся с улицы. Миновав арку, остановился: во всю ширь мостовой и по шоссе в сторону поселка Сокол шли войска. В белых валенках, стеганках и заиндевелых подшлемниках шагали автоматчики, в маскхалатах — лыжники, звонко цокая, рысила кавалерия. А по самому шоссе, натужно гудя, приземистые грузовики тянули пушки да, из-за свежавывающего снега приглушенно лязгая гусеницами, ползли громоздкие грязно-белые танки.

Андрей смотрел на двигавшуюся перед ним массу войск, вспоминал, что видел и слышал во Дворце, — и в его душе стала расти и крепнуть уверенность, что все будет хорошо, что вновь зажгутся на московских улицах фонари, засветятся в домах окна.

В этот вечер он допоздна рассказывал матери и тете Наташе о первой тренировке, Дворце, о двигавшихся к Соколу войсках, и на сердце у него становилось все радостнее.

...Мишка все-таки доигрался. Тетя Наташа в обед видела, как его, окровавленного, домой волокли.

Андрей болезненно поморщился: ведь не раз отговаривал Барабанщика от подлого занятия, да ни к чему это не приводило. «И все же надо будет как следует взяться за него, — подумал он, — парень-то неплохой...»

Г Л А В А 4

В третий раз Андрей входил во Дворец уже как прежде, точно к себе домой. Он по-хозяйски обколотил перед дверью от снега ботинки, запросто поздоровался с дядей

Лаврушей и, услышав доносящиеся из директорского кабинета возбужденные голоса, направился туда.

В заставленной призами, увешанной грамотами и вымпелами большой комнате было тесно и шумно. Прихода Андрея никто не заметил. Кроме Ходакова, там был и Василий Федорович, Аля, Невинский, кладовщица, невысокий, кряжистый, со сморщенной, как у черепахи, шеей седоволосый старик, две молоденькие женщины — одна серьезная, крепко сложенная, с пучком, другая потоньше, с короткими волосами, голубыми веселыми глазами — и лысый, худой, в круглых железных очках человек лет сорока пяти.

В молоденьких женщинах Андрей сразу же признал неразлучных Анечек. Седоволосый старик был известным до революции гиревиком — кто в тогдашней Москве не слышал о непобедимом силаче дяде Пете! Он и сейчас был довольно силен: совершенно свободно выжимал мизинцем двухпудовик. Некоторые, думая, что гиря внутри пустая, подходили — и двумя-то руками едва от пола отрывали. Узнал и лысого очкарика — бухгалтер Дворца.

Невинский, горячась, что-то доказывал. Ходаков сидел за письменным столом и строго смотрел на спорящих, уже явно все решив про себя. Случайно взглянув в сторону Андрея, старый лыжник воскликнул, поднимая рыжеватые брови:

— Ба-ба-ба! Никак, герой наш объявился?.. Ну и как? Небось сотни две фрицев-то нокаутировал, а?! — и, не дав Андрею опомниться, строго спросил: — Н-ну, отвечай: стоит вновь во Дворце заводить танцы, какие у нас до войны были, или нет?..

Все замолчали, повернулись к Андрею. А он, вспомнив, как рвались в деревенский клуб, тащились более пяти километров подчас под дождем, по ужасающей грязи удиравшие из госпиталя выздоравливающие, как потом оживленно рассказывали о новых знакомых и весело проведенном времени, задумчиво проговорил:

— По-моему, стоит.

— Правильно! — подхватил Невинский. — А у меня уже и оркестр один на примете имеется! Правда, у них пока ударника нету...

— Что ж, давайте попробуем, — сказал Ходаков. —

В самом деле, сколько с соседних заводов уже забежали, спрашивали, где бы вечерок провести.— Он насупился.— Теперь другой вопрос. Необходимо срочно пополнить бригаду. Двое гимнастов и акробат получили повестки из военкомата.— Он обернулся к Андрею: — Я думаю, скоро к нам и боксеры присоединятся?.. Это мы о бригаде мастеров спорта, которая с самого начала войны регулярно выступает перед уходящими на фронт, в госпиталях, воинских частях, на заводах, понимаете?, Сегодня вечером как раз в Круглом зале состоится такое выступление.

— Ну какие у меня мастера,— смутился Андрей,— еще ни одного удара толком не знают.

— Надо, чтоб поскорей узнали,— сказал Ходаков.— Да! А вы тех, что до войны в секцию ходили, не пытались разыскать? Не все же на фронте, многие на наших заводах работают!

«Верно! Ну правильно же!..» — ахнул Андрей, досадуя, что раньше об этом не подумал.

— А теперь поднимитесь в бухгалтерию и оформляйтесь на должность старшего тренера,— продолжал Ходаков.— Со вчерашнего дня. Так пусть и пишут: с двенадцатого ноября тысяча девятьсот сорок первого года. Паспорт не забыли?.. Справку из домоуправления?.. — И уже в спину крикнул: — Кладовщица вам грушу отыскала! Спуститесь потом к ней!..

В бухгалтерии для Андрея все было подготовлено. Он только неуклюже с непривычки расписался левой рукой да как курица лапой нацарапал заявление. Главный бухгалтер сказал:

— Завтра, товарищ Горячев, вы зайдете за продуктовыми карточками. К сожалению, обеденной дать пока не сможем — лишь с нового месяца.

Андрей хотел сказать: «Да ничего, две недели уже прошло», но вмешался Невинский:

— Держись возле нас, ясно? Накормим. Досыта — не обещаю, но помереть с голоду не дадим. Пошли, мы как раз на заправку.

Недоверчиво посмотрев на старого лыжника, Андрей все же двинулся вслед за ним. Внизу, в фойе, их ожидал тренер по акробатике Колодин, невысокий, тучнеющий, с одутловатым лицом человек неопреде-

ленного возраста в щеголеватом сером пальто с каракулевым воротником, новеньких брюках, добротных ботинках в меховой шапке. Этот, несмотря на то что часто виделись во Дворце, без конца ездили на показательные выступления, был далек ему. К тому же он вызывал неприятное, брезгливое чувство своими двусмысленными, а порой и откровенно сальными шуточками. Рядом с ним стоял борец-самбист Красиков, также невысокий, коренастый парень, добродушный и бесхитростный. Этого знал хорошо — учились в одном институте — и с первого же дня испытывал к нему хорошее, доброе чувство. За минувшие полгода Красиков похудел, розовые щеки его потускнели, серые, опущенные густыми ресницами глаза ввалились.

Как-то так получилось, что они пошли рядом. Красиков спросил, не думает ли Андрей продолжать учение, на что тот ответил, что пока нет, так как не может уехать из Москвы и оставить мать одну. Красиков признался, что и у него дела с институтом обстоят приблизительно так же.

На улице бушевала метель. Шквалистый ветер срывал с сугробов белую пыль, закручивал ее и с размаху швырял в лицо.

— А невесело, невесело сейчас фрицам-то, а? — отгибая угол поднятого воротника и подмигивая, прохрипел Невинский. — Кто последнюю сводку читал?.. Как там, в Химках?

— Да все так же. Остановились «непобедимые», уперлись, — ответил Красиков. — И на других фронтах затишье.

Снова шагали молча. Когда вышли на аллею, то увидели, что по шоссе сквозь бешеную круговороть метели в сторону «Сокола» движется колонна войск; все в полушубках, валенках, туго стянуты под подбородками наушники шапок, мех которых вокруг лица густо поседел от инея; мерно, в такт шагам, покачиваясь за спиной сизые от мороза стволы винтовок.

— Затишье!.. — проговорил Невинский. — Покажут им скоро затишье! Не зря парад-то на Красной площади был!..

Столовая, к которой были прикреплены тренеры Дворца, помещалась в бывшем ресторане «Спорт». Все,

не раздеваясь, поднялись на второй этаж, обстучав лишь от снега у входа ноги.

— В общем, с нами, брат, не пропадешь! — то и дело оборачиваясь, подбадривал Андрея Невинский. — У нас тут своя подавальщица имеется, понял? Мы сейчас прямо к ней!

Обеденный зал, в котором раньше было просторно и светло, стал похожим на зал ожидания железнодорожного вокзала. Он был полон людей в пальто, шапках, платках, одновременно говоривших, беспокойно двигавшихся. Одни сидели за столиками, что-то ели или ожидали, когда им принесут еду, другие толпились между столиков, вдоль стен и широких окон, томились в очереди. Маскировочные занавеси были подняты не до конца, отчего в зале было сумрачно, и он еще более походил на вокзал в ранние часы.

Вскоре выяснилось, что на каждое место народу набралось по три-четыре смены, и это ужаснуло Андрея. Но он видел, что его спутников нимало не смутило такое обстоятельство, они, деловито окинув взглядом зал, преспокойно заняли очередь.

Привыкнув к сумеречному свету, Андрей разглядел, что подавалось на столы. У всех было одно и то же: на первое — жидкий овсяный суп, на второе — каша из плохо очищенного овса с небольшим жестким кусочком трески. И, не ощущавший до этого голода, он вдруг обнаружил, что желудок до тошноты пуст.

Стоять возле столиков Андрею казалось неловко. Но стоять было некуда, да и, как предупредил Невинский, опасно: очередь потеряешь. Вскоре Андрей обратил внимание, что кое-кто из обедавших — чаще люди пожилые — извлекали из карманов баночки и аккуратно отливали в них из своих тарелок первое, откладывали часть второго, хотя чувствовалось, что они и сами бы все съели. Некоторое время понаблюдав за сухопарым стариком, который, как драгоценность, клал дрожащей рукой в банку кусочек рыбы, он вопросительно взглянул на Невинского.

— А у тебя детей, внуков еще нету?.. Младших братишек, сестренку? — вместо ответа спросил тот. — Тогда, конечно, баночка тебе ни к чему.

Андрей отвернулся от столов. Да-а, вот ведь как война души человеческие высветила!..

Когда подошла их очередь, ему показалось, что они простояли целую вечность. Устали и озябли ноги, ломило спину. От непрерывного гомона, звона и стука посуды он отупел и даже забыл про голод. Вот к их столу бесцеремонно протиснулась худая носатая подавальщица. У нее были усталые, ничего не выражающие глаза и недобро сжатый рот. Ни слова не сказав, она властно протянула руку, в которую Невинский, заискивающе улыбаясь, положил четыре талончика.

Подавальщица окинула их взглядом, один холодно отбросила.

— Миленькая, как-нибудь, а?.. — подхватывая и снова протягивая, стал просить Невинский.

— Не могу! — зло раскладывая на столе алюминиевые вилки и ложки, возражала та. — Теперь на завтрашние не дают!

— То есть как — на завтрашние? — поднялся с места Андрей. — Значит, кто-то из-за меня завтра останется голодным?

— Да нет же, нет! — с досадой усадил его обратно Невинский. — Это талон Красикова! Он целый день будет на заводе!

Андрей вопросительно посмотрел на сидевшего напротив Красикова — тот торопливо покивал.

— Ну в последний раз, а?.. — как ребенок, клянчил Невинский. — А уж мы с тобой потом — ух как попляшем! Теперь точно — скоро начнутся танцы-то!

— Каждый раз — все последний! — огрызалась подавальщица. — А уж с этими танцами ты мне только голову морочишь!

— Да будут же, будут! — клятвенно ударяя себя в грудь кулаком, убеждал Невинский. — Оркестр уж пригласили, честно!.. Кстати, а ты знаешь, кого ты не хочешь покормить-то? Это же знаменитый чемпион, Андрей Горячев!

— Все у тебя знаменитые мастера да чемпионы! — не удастая Андрей взглядом, упиралась подавальщица.

Искося глядя на нее, все острее испытывая неловкость и неприязнь, Андрей хотел подняться — да ладно,

черт с ней, не нужно ее обеда! Но та, раздраженно сказав, что уступает в последний раз, все же взяла талон.

Стараясь не обнаруживать обиды, Андрей сидел, потупившись, не смея поднять глаз.

— На, бери, что ль! — услышал он вдруг снова ее голос, вскинул голову — та совала тарелку к его правому плечу и, не видя из-за полного подноса, взял ли он, выпустила ее из рук.

Андрей резко развернулся, чтоб схватить тарелку здоровой рукой, но не успел, — она с треском хлопнулась об пол, обдав его и стоявших вокруг брызгами супа.

— Да ты что?! — взорвалась подавальщица. — Руку лень протянуть, да?

Вокруг зароптали.

— Не лень — не могу! — вспыхнул Андрей, снова порываясь встать.

Но Невинский опять удержал, успокаивающе пояснил:

— Правда, не может. Как раз правая рука у него ранена.

— Это где же такое?

— Ну не в бане, конечно. На фронте. Он же недавно из госпиталя.

Подавальщицахватила ртом воздух.

— Так что же ты мне сразу-то об этом не сказал?! — возмутилась она; виновато обернулась к Андрею: — Ну прости, прости, миленький, не знала ведь!

Она живо рассовала принесенное сидящим за столом, бросилась к раздаточной и вернулась с налитой до краев тарелкой, поставила ее перед Андреем.

— Кушай, кушай...

Андрей, еще чувствуя обиду, сидел не двигаясь.

— Ничего, бывает, — похлопал его по спине Невинский. — Ешь!

Стоящие сзади поддержали его:

— Ешьте, ешьте, молодой человек. Вам необходимо!.. Да что же вы молчали, что инвалид войны? Мы б вас — без очереди!

Андрей все ниже опускал голову. Ему было совестно и потому, что ему отдают последнее, и оттого, что его

принимают за фронтовика, но Невинский, кладя ему на колено руку, сказал:

— Вкалывай, дорогой, вкалывай, а то ведь мы и так опаздываем. Да и людей зря задерживаем.

Андрей взял ложку, начал бесчувственно есть.

— Не, не, ты не обижайся,— сказал Невинский, когда они вышли на улицу.— Ведь ты посмотри, как ей-то, бедной, достается. Думаешь, легко целый день с подносиками-то бегать? — Неожиданно переменил разговор: — А у тебя когда тренировка-то?.. Через полчаса? Тогда пошли к нам. У нас, хоть мы и не достроились, есть где погреться.

Когда Андрей с Невинским обогнули Дворец, они увидели, что человек десять ребят пилят, рубят, обтесывают и строгают доски, а пятеро, бесстрашно передвигаясь по крутой крыше базы, приколачивают к свежим обрешетинам куски ржавого кровельного железа.

— Видал? — торжествуя кивнул на них Невинский.— Свои плотники, столяры, жестянщики обнаружили! — Он взглянул на старенькие часы, решительно крикнул работающим: — Шабаш, орлы! А то на завод опоздаете!

— Как — на завод?.. — не понял Андрей.

— Очень просто. Им — в ночную.

В просторной, заставленной лыжами и лыжными палками, со столярным верстаком у стены комнате было тепло: в центре весело потрескивала докрасна раскаленная «буржуйка». Пахло свежим деревом, смолой, лыжной мазью. На верстаке лежала старенькая лыжа без крепления.

— Не шалай-валяй, для фронта заказы выполняем! — кивнул на верстак Невинский.

Андрей с любопытством осматривался. Вокруг — лыжи, много лыж. Они до потолка громоздились на стеллажах, стояли вдоль стен, были аккуратно сложены на полу.

— И это далеко не все! — продолжал Невинский, подошел к верстаку и начал привинчивать к лежащей лыже крепление.— У нас еще под Круглым залом дело полным ходом идет. Каждый день готовую продукцию отгружаем. Глядя на нас, все московские лыжные базы в такое дело включились.

Бошла кладовщица с боксерской грушей в руках и сказала, что Ходаков приказал передать ее Горячеву.

— Я, конечно, могла бы оставить в вашем зале, но... тут горох! — оглядываясь и делая страшные глаза, прошептала она.

— Да ну?! — Невинский недоверчиво ощупал грушу. — Верно! Килограммов пять, а то и все шесть! — Он почесал затылок, подмигнул Андрею: — На весь Дворец супу наварить можно, а?!

— Да я бы... — замялся Андрей. — Но ведь это же...

— Пошутил, пошутил! — успокоил его Невинский. — Знаю, умрешь над ней, как скупой рыцарь, а полгорошины не откусишь!.. Ладно, ступай, штуковину же эту, — кивнул он на грушу, — запрятывай после тренировок как можно дальше! Не соблазняй добрых людей!

Андрей шагнул к двери — столкнулся с запорошенными снегом, краснощеками Анечками. Увидев, кто перед ними, они дружно напали на него, упрекая в том, что он не выполняет приказа директора Дворца относительно занятий лечебной физкультурой.

— С завтрашнего дня, многоуважаемый товарищ, — напирала та, что была поменьше, — извольте являться сюда к девяти ноль-ноль, ясно? Распишетесь в кондуите о прибытии на работу — и на полусогнутых сюда!..

— Попал, попал, брат, в ежовые, — усмехнулся Невинский.

Прибежав во Дворец, Андрей с досадой увидел, что возле двери боксерского зала никого нет. Никто не пришел и вечером. Он хлопнул себя по лбу: «Так ведь прав Ходаков: тех, кто раньше-то занимался, не всех же в армию призвали!» Взял карандаш — чернила замерзли — и принялся выводить левой рукой:

«Во Дворце физкультуры возобновляются занятия боксерской секции. Прошу зайти с предложениями о днях и часах тренировок».

Запирая дверь, он услышал звуки вальса, доносившиеся из Круглого зала, вспомнил: там бригада мастеров выступает! Поднялся в директорскую ложу и сразу увидел в центре зала ярко освещенную юпитерами Алю. В красном купальнике, статная, удивительно гибкая и пластичная, она выполняла вольные движения, полные

грации, силы и ловкости. И вначале Андрею даже показалось, будто зал пуст, — такая стояла тишина. Приглядевшись же, он обнаружил, что все места снизу доверху плотно забиты одетыми в шинели, полушубки и шапки-ушанки бойцами, даже проходы и лестницы заняты.

Когда Аля с последним аккордом замерла, а затем под грохот аплодисментов, мягко ступая на носки, пошла к занавесу, Андрей бросился за кулисы.

— Ты знаешь, здорово! — вбегая туда, восторженно начал он, однако в следующую секунду заметил осклабившегося Колодина, остановился, руку пожать не посмел.

— Да что я, ты взгляни, как одна из моих девочек свои комбинации выполняет! — ответив благодарным взглядом, оживленно отозвалась Аля и, накинув на плечи пальто, подвела Андрея к краю занавеса, слегка откинула его: на середине зала, тонкая и словно бы невесомая, порхала малышка. Глядя на ее голые руки, плечи и ноги, Андрей невольно поежился. А гимнастка, закончив выступление, смущенная аплодисментами, бросилась к кулисе и, едва не столкнувшись с ним, остановилась, часто дыша и диковато глядя своими большими черными глазами. Андрей замер, с уважением рассматривая ее. Аля спросила:

— Вы знакомы, Андрюша? Это одна из моих лучших учениц — Женечка Антипова.

ГЛАВА 5

Закончив с Анечками лечебную гимнастику, Андрей вышел из лыжной базы. Честно говоря, чувствовать стал себя значительно лучше — зря, конечно, по возвращении из госпиталя сам утреннюю зарядку не возобновил, — но вот чтобы упражнения оказывали какое-нибудь воздействие на контуженую руку, этого не сказал бы.

Перед боксерским залом волновалась толпа новичков. Ходаков оказался прав: физорги цехов объявили об открытии боксерской секции, и во Дворец повалил народ.

Ответив на недружное приветствие, Андрей открыл дверь зала, некоторое время в нерешительности оглядывал просительные лица, потом отчаянно махнул рукой:

— А, заходите все! — и едва успел посторониться от радостно кинувшихся в раздевалку ребят. «Ох уж и достанется мне с ними!» — подумал он.

Когда Андрей закончил тренировку, его пригласили на производственное совещание в кабинет директора. Ходаков подробно разбирал, как проходят занятия в секциях, ругал тех тренеров, которые небрежно оформляют учебные журналы групп. Протягивая Андрею его журнал, он хмуро сказал, что в боксерской секции особенно плохо относятся к фиксации учебного процесса: не составлены поурочные планы, не записано содержание тренировок. Да что! Подчас не отмечено даже, кто присутствовал, а кто нет.

Андрей потупился. Ну вот как объяснить, что иной раз не только журнал заполнить — пообедать не успевал.

— Вы хоть взгляните, как это делается, например, в акробатической секции, — посоветовал Ходаков.

Не дожидаясь конца совещания, Андрей, скрывая неприязнь, негромко попросил у Колодина его журнал. Тот с самодовольным видом протянул. Журнал действительно оказался отличным: чистым, красиво обернутым, аккуратно заполненным.

После совещания Андрей задумчиво поднялся в свой зал. Там было пустынно и тихо; с потолка печально свисали обрывки тросов. И ему захотелось преобразить зал, сделать таким, чтоб ученики входили в него с благоговением. Ну хотя бы повесить для начала несколько снарядов.

Притащив стремянку, он кое-как установил ее под одним из блоков, достал из кладовки грушу. Затем, прижимая ее подбородком к груди, вскарабкался на предпоследнюю ступеньку и, ежесекундно рискуя свалиться, потянулся к тросу.

— Вы что, разбиться хотите, да? — неожиданно раздался возмущенный голос Ходакова. — Сейчас же спускайтесь!

И он исчез. А вскоре явился с невысоким, одетым

в длинное демисезонное пальто, прихрамывающим человеком лет пятидесяти.

— Вот, знакомьтесь: наш новый комендант. И с сегодняшнего дня со всеми хозяйственными вопросами обращайтесь к нему.

Минут через двадцать, туго натянув тросы, висели мешок и две груши, отчего зал сразу стал настоящим боксерским.

Чтоб не томиться в ожидании тренировки, Андрей вышел в фойе. Услышав же доносившиеся из Большого гимнастического зала звуки рояля, поднялся на балкон.

В огромном, чисто убранном помещении было холодно и по-утреннему сумрачно. Спрятавшись за один из столбов, что поддерживали потолок, он посмотрел вниз. Прямо против него, возле ковра, все в тех же рейтузах и джемпере, вполоборота стояла Аля, а на ковре группа худеньких, бледных школьниц в шароварах и белых бумажных свитерах дружно и грациозно выполняла вольные движения. Но Але тем не менее что-то не нравилось. Она торопливо похлопала в ладоши и крикнула:

— Не так! Не так! — и вышла на ковер сама, по сравнению с ученицами крупная, массивная, кивнула пианистке. Затем вместе со звуками вальса взмахнула руками, повернулась, едва касаясь носками ковра, сделала несколько легких шагов, плавно перекатилась назад, точно подкинутаая пружиной, взлетела вверх, и Андрей от изумления широко раскрыл глаза: у нее получалось еще изящнее и красивее. «Да-а, вот что значит мастерство!» — подумал он.

— Теперь поняли, как нужно?.. — учащенно дыша, обратилась к ученицам Аля. — Так повторим это еще раз, — она повернулась к пианино, но из-под балкона раздался детский голос:

— Ма-ам! Пойдем домо-ой! Есть хочу-у!..

Голос прозвучал до того жалобно, что Андрей, забывшись, вышел из укрытия. На краю ковра, у стены, сидел сын Али, мальчик лет пяти, в пальтишке, вале-ночках и цигейковой шапке.

Аля подбежала к нему, склонилась, стала вполголоса уговаривать, чтоб он немножечко подождал. Но маль-

чик упрямо звал домой. И тогда она, теряя терпение, заговорила громче:

— Но дома же у нас все равно есть нечего! Ты ведь прекрасно знаешь, что бабушка потеряла карточки. («Так вот отчего ты такая бледная-то!» — подумал Андрей.) А сейчас она обменяет на рынке мой тренировочный костюм с платьем на картошку, — продолжала Аля, — зайдет к соседям за Леночкой и нас позовет, понимаешь?.. Потерпи еще немного, милый. Потерпишь?.. Умник! — Аля поцеловала сына в щеку, выпрямилась.

Андрей отпрянул в глубь балкона. «Тогда как же голодна она сама, если дома еще один некормленный ребенок?! — подумал он. — Помочь! Нужно им как-то помочь!»

Перед глазами встал переполненный народом обеденный зал ресторана «Спорт», баночки на столиках. Он обрадовался: «Правильно! Можно детям второе принести!»

Спустившись с балкона, Андрей попросил у дяди Лавруши стеклянную баночку, вымыл ее и пошел к Невинскому, чтоб отправиться с ним обедать. Когда же, простояв более часу в очереди, они, наконец, сели за стол и съели первое, Андрей вытащил из кармана баночку и смущенно поставил ее перед собой. Невинский удивленно вскинул брови.

— Да я... Да это у одного моего дружка мать карточки потеряла... — пробормотал Андрей.

Второго — трески с овсяной кашей — ему принесли явно больше, чем остальным. Ни на кого не глядя, он взял чистую вилку и хотел переложить все с тарелки в баночку, но в самый последний момент решил, что ту добавку, которую для него выпросила сострадательная подавальщица, все-таки можно съесть. Отделив же кусочек, не удержался, отщипнул еще немного и с ужасом обнаружил, что порция стала меньше, чем полагалось. Ненавидя себя за слабоволие, он поскорее сунул оставшееся в баночку.

Теперь предстояло не менее деликатное дело — передать Але, убедить, что у него остался лишний талон, сам наелся и потому решил узнать, не нужно ли случайно ей. Впрочем, ничего, конечно, из этого не выйдет — откажется. Проще зазвать ее сына к себе и хотя бы его на-

кормить. С бьющимся сердцем Андрей поднялся в гимнастический зал, осторожно отыскал глазами Алю — она уже занималась с девушками. Но мальчика нигде видно не было. Как бы между прочим спросил о нем у старушки-аккомпаниаторши. Та ответила, что зашла бабушка и увела домой.

Это было еще лучше! Выйдя на улицу и осторожно оглядевшись, Андрей юркнул за Дворец.

— Здравствуйте, — для начала сказал он открывшей ему дверь Алиной матери, не зная, каким образом приступить к тому, ради чего пришел.

Но неожиданно помог мальчик. Приподнявшись в постельке, он выпростал из-под одеяла тоненькие ручки и жалобно протянул:

— Ба-абусь, есть хочу-у...

— Не раскрывайся, не раскрывайся! — подскочила к нему бабушка, торопливо укутывая; затем шагнула к стоящей на столе керосинке, сняла с кастрюли крышку, выпустила наружу пар и картофельный дух, жестко потыкала ножом. — Нет, придется подождать, — со вздохом сказала, — еще не готово...

— Ох, так постойте же! — обрадовался Андрей. — Вот у меня случайно ну-у... осталось кое-что. Дайте ему, пожалуйста!

Женщина смотрела растерянno. Но девочка тоже попросила есть, и она достала из буфета два блюдечка.

Воспользовавшись тем, что о нем забыли, Андрей выскользнул на улицу. «Чем же им можно всерьез-то помочь?! Ну что такое один, даже два обеда на четверых!..» — напряженно думал он; вдруг вспомнил о серебряных карманных часах, оставшихся от деда. «Завтра же обменяю их на что-нибудь!.. Впрочем, лучше обратиться к Мишке. Он парень не злопамятный. А мать не осудит: нас-то Дима не раз выручал!»

Возле боксерского зала толпились ребята. Их опять было гораздо больше, чем следовало для одной группы. Андрей вдруг разглядел двоих, которые занимались в секции до войны и уже участвовали в состязаниях. Один был длинный, унылый на вид парень, а другой пониже, смешливый. Первого фамилия была Шустиков, другого все называли Балалаем.

«Дошли мои открытки!» — обрадованно подумал

Андрей; хотел спросить, а где же еще-то старенькие, но Балалай весело сказал:

— И Борька с Лешкой, и еще четверо хотели, да сегодня в ночную! Говорят, как только будем в день, обязательно придем!

Работать с группой в этот раз Андрею было уже гораздо легче, так как увереннее и смелее чувствовали себя новички, которым было на кого смотреть и сверять каждое свое движение.

Когда тренировка шла уже полным ходом, в зал, часто дыша, вбежал Голубев. Оказывается, он несколько дней оставался после работы в цеху и делал талрепы. Они получились отличные. Через полчаса, преобразив зал, прочно стоял на своем месте — прямо против входа — ринг.

Когда все ушли в душевую, Андрей огляделся, вздохнул: снарядов-то, конечно, висело маловато. А ведь они скоро будут крайне нужны. И главное, еще два мешка да три груши лежат в кладовке, их необходимо только зашить. «Нужно и мне, как на лыжной базе, к своим ребятам за помощью обратиться!» — подумал он.

Дождавшись, когда все с визгом и смехом выскочили из душевой, растерлись полотенцами и оделись, он попросил прийти утром тех, кто будет свободен, с иголками и суровыми нитками.

Едва Андрей проводил учеников, в зал вошла Аля — вид у нее был озабоченный.

— Послушай, Андрюш, — спросила она, — это, случайно, не ты часа полтора назад заходил к нам?

— Нет, а что? — небрежно листая журнал группы, ответил он.

— Ничего не понимаю... — пожала она плечами.

Андрей проводил ее глазами, уже не сдерживая улыбки. Когда он выходил на улицу, то увидел, что Ходаков, новый комендант и два плотника укрепляют на фасаде Дворца огромную, броско написанную на фанерном щите афишу об открытии вечеров отдыха, от которой повеяло чем-то мирным, довоенным.

Дома Андрей достал из комода часы, сунул их в карман. Заметил на столе письмо. Оно оказалось от одного из эвакуированных с заводом учеников по прозвищу Факир. Тот писал, как же все ребята рады, что их тренер

жив, просят передать привет и зовут к себе, в случае чего. Он интересовался, как Андрей Васильевич воевал, куда ранен, что теперь делает и как себя чувствует Москва. О себе же и своих товарищах сообщал скупое: «Хотели убежать с одним пацаном на фронт — воротили. Сейчас вкалываем на всю железку, но и про тренировки не забываем. Правда, у нас не только перчаток, помещения постоянного нету». И в самом конце добавлено скромно: «Тренером почему-то выбрали меня».

Взглянув на стучавшие на стене ходики и подумав, что к Мишке бежать еще рановато, Андрей сел писать ответ. О себе сообщал так же кратко: «Начал работать во Дворце. Со спортивентарем пока не густо, но как только разбогатею, поделюсь...» «А Москва, — видя перед собою мчащиеся по темным улицам автомашины, молчаливо идущих людей идвигающуюся по шоссе колонну войск, заканчивал он, — Москва стояла, стоит и стоять будет крепко!» И, сложив исписанный листок, как теперь из-за недостатка конвертов делали все, треугольничком, пошел на почту, а оттуда — к Мишке.

Тот лежал на диване в пальто, шапке; ногу в стоптанном валенке забросил на спинку.

— Ну и как мы себя чувствуем?.. — насмешливо глядя в его маленькие тусклые глазки, проговорил Андрей.

— А что я? — обиженно прогнусавил Мишка.

— Как это «что я»? — вскипел Андрей. — Люди сейчас там, на фронте, за нас жизни свои кладут, а ты... Хотя бы чем-нибудь помогал общему делу! Хотя какую-то пользу приносил!.. Кстати, похлеще твоего некоторые пострадали, а на полную железку вкалывают, за инвалидность не прячутся!

— Правильно Андрюша говорит! Правильно! — раздался из-за двери плаксивый голос Мишкиной матери. — Нужно работать! — она вошла в комнату, маленькая, жалкая.

— А где?! — рявкнул Мишка. — Я же сказал, вот откроют в Парке Горького танцы, тогда...

— Да какие теперь к лешему танцы! — возмутилась она.

— Ну, а деньги я тебе и так приношу, — отмахнулся Мишка.

— «Деньги»? Пропади пропадом эти твои деньги!.. —

Она понизила голос: — Ты-то не знаешь, а ведь я каждый день иду с работы, а сама думаю: «Господи, пристукнули его там за эти самые подлые деньги или еще нет?..» Они же почти что как ворованные!

— Ну-ну-ну! — цыкнул Мишка. — Думай, что говоришь! Я их честно... — Он поперхнулся, натолкнувшись на насмешливый взгляд Андрея, — так сказать, зарабатываю! Вот откроют в парке танцы, тогда я...

— А если не в парке? — перебил Андрей. — У нас во Дворце, допустим?..

Мишка напрягся, вытянул тонкую, жилистую шею, некоторое время подозрительно всматривался в него. Потом, радостно вскрикнув: «Иди ты! Точно, да?» — соскочил с дивана, запрыгал к нему, собираясь заключить в объятия.

Но Андрей холодно отстранился.

— Так вот, завтра утром придешь ко мне, — продолжал он, удерживая рвущегося Мишку на расстоянии вытянутой руки. — Вместе поедем. — И, подозрительно заглянув в его ликующие глаза, закончил: — Ну, а если ты меня подведешь, какой-нибудь фортель выкинешь, то уж...

— Да что ты! Что ты! Что я, без понятия, что ль?! — возмущенно перебил Мишка, ухватился за край стола, ударил себя в грудь кулаком. — Да я...

— Ну ладно, ладно, — остановил его Андрей, хотел повернуться и выйти, но вспомнил, зачем пришел: — Да! У меня же к тебе дело, — сказал и, протягивая часы, попросил смущенно: — Вот, обменяй, пожалуйста, на продукты...

ГЛАВА 6

Утром Андрея разбудил непонятный грохот. Поняв, что на первом этаже произошла какая-то беда, он наспех оделся, бросился туда. Оказалось, обвалился растрескавшийся от бомбежек потолок. На полу, среди увесистых кусков штукатурки лежала окровавленная тетка Агафья, одинокая, старая женщина, а вокруг нее, жалобно мяукая, бесшумно ходила тощая дымчатая кошка.

Страхнув с кровати мусор и осколки, Андрей с соседкой уложил пострадавшую, сбегал за врачом и, не завтракая, так как и без того уже порядком опаздывал, кинулся во Дворец.

— Где прохлаждаешься-то?.. — воскликнул, увидев его, дядя Лавруша. — Ребята уже больше часу ожидают!

— Какие ребята? — удивился Андрей, но тут же припомнил вчерашний разговор о ремонте снарядов, поспешил в фойе, — с дивана, как по команде, поднялись шесть человек, среди которых были Балалай и Шустиков.

Андрей подошел, виновато пожал всем руки.

— Да зачем же так рано-то? Вы сегодня что, выходные?

— Нет, — за всех ответил Шустиков. — После ночной.

Андрей отступил на шаг.

— Да вы что?! Ведь я просил прийти тех, кто свободен, а вы...

— Ничего, Андрей Васильич, мы привыкли, — сказал Балалай.

Андрей посмотрел на учеников: серые лица, старенькие пальто, нечищенные ботинки. Открыл дверь зала, прошел к кладовке, снял с полки рваные груши, кожаные мешки и, не глядя, протянул им.

Через некоторое время в зал стремительно вошел Ходаков. Он с одобрением оглядел орудующих иголками ребят и, как всегда, озабоченно обратился к Андрею.

— Что я хотел вам сказать?.. А, через сорок минут выступаем!

— Кто? Где?

— Бригада мастеров спорта. То есть и вы. В госпитале. Я же вам говорил — боксеры включены в программу. Раз не можете выставить ни одной пары, отвечайте за секцию сами.

— А мы-то... — не поднимая от работы головы, пробурчал Балалай. — Мы же выступали с вами до войны, помните?

Ходаков взглянул на него, обрадованно воскликнул:

— Правильно! — обернулся к Андрею: — Чего ж молчали?

— Так они всего одну тренировку провели. И отдохнуть бы перед работой нужно: им в ночную.

— Да ничего, Андрей Васильич! — Балалай бросил грушу, вскочил на ноги. — Да мы с Васькой... знаете как?!

Когда Андрей вместе со всеми вошел в госпиталь и услышал запах лекарств, затем, идя по коридору, увидел в приоткрытые двери палат неподвижно лежащих на койках раненых, его охватила тревога и чувство вины перед этими страдающими людьми. «Зачем мы явились сюда? — подумал он, осторожно заглядывая в следующую палату и видя все то же: забинтованные головы, руки, восковые лица. — Им же совсем не до нас!..»

Но из соседней двери неожиданно вышел на костылях одноногий парень в пижаме, веселыми глазами посмотрел на гостей, затем, оборачиваясь в палату, возбужденно крикнул:

— Славяне, шефы приехали! — и подмигнул Але с Женечкой.

Выступали прямо на каменном полу просторного вестибюля, куда пришли, приковыляли, прикатили в креслах на колесиках выздоравливающие. Начали юные воспитанницы гимнастической секции — ученицы пятых-шестых классов. Под аккомпанемент вывезенного на площадку пианино они — тонконогие, худенькие — с такой старательностью выполняли упражнения, что им потом долго хлопали. Женечку просили повторить вольные движения еще раз. Очень тепло встретили зрители и саму Алю, о которой многие слышали по радио, читали в газетах. К тому же Ходаков объявил, что ее муж в настоящее время выполняет ответственное задание командования в тылу у фашистов и что она — мать двоих детей. После нее вышел сам Ходаков, в маленьких трусиках, поджарый, смуглый, похожий на йога, и, конечно же, восхитил всех искусством владения мускулатурой. Отчаянно, безо всякой страховки, крутили сальто и выполняли другие трюки акробаты. Багровея от напряжения, поднимали над головой штангу ученики дяди Пети. Затем под возбужденные крики зрителей сходились на разложенных матрацах и из последнего стара-

лись припечатать к ним друг друга лопатками борцы под присмотром Красикова. Боксерам же, как всегда, место отводилось в самом конце.

Строго предупредив Балалаю и Шустикова, чтоб они ни в коем случае не наносили тяжелых ударов, так как пол жесткий, Андрей представил их, и те, наспех пожав руки, словно боясь куда-то опоздать, торопливо начали поединок. Зрители мигом притихли, смотрели напряженно. Когда же Шустиков с Балалаем кое-как дотянули до конца последний, третий, раунд и Ходаков объявил, что на этом бригада мастеров спорта Дворца физкультуры свое выступление заканчивает, они окружили участников, благодарили, приглашали к себе опять и очень просили, чтоб боксеров в следующий раз было побольше.

Еще не привыкший к костылям, то и дело судорожно вцеплявшийся в кого-нибудь рослый с детским лицом русоволосый парень в коротком халате стал рассказывать Ходакову о том, как начал заниматься перед самой войной борьбою и как у него было хорошо пошло.

Андрей повернулся, ища глазами Красикова, и замер: весело говоривший что-то чернобровый в пижаме крепыш, с ампутированной выше локтя рукой, достал из кармана пачку папирос, ловко вытянул одну губами, затем, отказавшись от помощи, сунул спичечный коробок под культю, извлек другой рукой спичку — и уже в следующую секунду выдернул ее из-под самой культи зажженной.

«Ну, молодец!» — подумал Андрей, хотел подойти к ним, но, услышав за спиной свою фамилию, удивленный, обернулся: его окликнул немолодой усатый человек в полосатом халате.

— Так вот вы, значит, какой! — дружески протягивая руку, заговорил он. — Нет-нет, и не пробуйте вспоминать: вы меня не знаете. Просто у нас с вами имеется один очень хороший общий знакомый. Воеводина. Помните?

— Ну как же, как же! — стискивая раненому широкую кисть, радостно воскликнул Андрей, а в памяти тотчас встала рослая, под мальчика подстриженная, светловолосая девушка с дерзким взглядом, которую все называли Лялькой. Она была лучшей баскетболисткой то-

го самого завода, где он вел до войны боксерскую секцию. Ей очень нравились боксерские тренировки, и она часами простаивала в дверях спортивного зала, иной раз подсмеиваясь над трусливыми или неуклюжими ребятами. Когда же один из таких, оскорбленный едким замечанием, запальчиво крикнул: «А ты сама перчатки надень да попробуй!» — смело вышла, натянула боевые рукавицы и так стремительно на него напала, с такой яростью принялась тузить, что тот испуганно закрылся обеими руками и не знал, что делать. Андрей в шутку предложил девушке записаться в его секцию. «А что, думаете, испугаюсь, да?» — еще не остыв от поединка, вызываясь ответила она. И в самом деле стала заниматься. Да так старательно, что вскоре всех догнала. Она отважно вела себя на ринге, и вначале шадившие ее ребята вскоре уже ничего не могли с нею поделать: новенькая оказалась на редкость быстрой, резкой в движениях, а удары, хоть и не особенно сильные, были удивительно точные и неожиданные.

Когда началась война, Лялька поступила на курсы медсестер. Однажды она заглянула, потом стала навещать к его матери. Они вместе читали приходившие от него письма, отвечали. А потом она попросилась на фронт. Вначале писала, затем прекратила. По приезде из госпиталя он попытался ее разыскать, однако ничего путного из этого не вышло. И вот...

— Да где она? Как она?

— Жива! Здорова! И преуспешно воюет на Западном фронте. В отдельном снайперском взводе! — радостно ответил усатый.

— Как — снайперском? — удивился Андрей. — Она же на курсах медсестер училась!

— Не знаю, не знаю. Но только уже третий месяц, как они приданы нашему полку и делают свое дело дай бог каждому!

Андрей вытащил из кармана блокнот, карандаш и попросил усатого написать Лялкин номер полевой почты.

Приехав домой, он услышал от тети Наташи, что тетка Агафья, хоть и вся забинтованная, уже двигается по квартире. Облегченно вздохнув, он поуужинал — запил

кипятком кусок черного хлеба — и написал письмо Ляльке. Рассказал о встрече в госпитале с ее однополчанином, коротко — о себе и подробно о заводской боксерской секции; признался, что очень обеспокоен длительным молчанием Фофанова и Малякина. В конце письма спросил, а каким это образом она, учась на курсах медсестер, попала в снайперы?

Г Л А В А 7

До обеда Андрей хлопотал с ребятами в зале. Вставили в очищенную от осколков раму новое зеркало, повесили отремонтированные груши, и зал стал выглядеть совсем как до войны. А когда они все, довольные своей работой, ушли, ворвался Красиков со свертком.

— Вот здорово, что ты здесь! — учащенно дыша, воскликнул он, извлек из кармана обеденный талон. — Вот что: у Невинского для тебя есть. Так что этот, ну-у... вернее, обед... занесешь Але, понял? — И протянул сверток: — Банки для первого и второго, ясно?.. В общем, иди на лыжную базу. Лева как раз в столовую собирается...

— А-а, рабочий, рабочий явился! — насмешливо встретил Андрея тот; он уже одевался — сунул руку в рукав пальто и, прижимая подбородком к груди концы шарфа, костлявыми пальцами искал другой рукав. — Чуть-чуть пробой не поцеловал!

Когда вышли на улицу, Невинский, посерьезнев, спросил:

— Ну как у тебя дела-то?.. Управляешься?..

— Не всегда, — признался Андрей. — Тяжеловато все-таки.

— А сейчас, брат, всем нелегко, — помолчав, проговорил Невинский; насутился: — Вон у Ходакова припадки начались...

— Какие припадки? Отчего?

— Как отчего? После контузии. Одно время совсем было прекратились, теперь вот от перегрузки — снова... — Невинский досадливо поморщился: — Да ведь он человек-то какой? Сколько раз ему советовал: «Не вни-

кай ты, Васильич, во все, не вникай!» А он: «Не могу! Уж если взялся, значит, должен во все!»

По шоссе, подгоняемые резким, леденящим ветром, опять шли войска. Пряча носы в воротники, Андрей с Невинским в ожидании остановились. Когда же мимо них проходила колонна лыжников, из середины ее вдруг помахал рукой неотличимый от других, как и все, одетый в белый комбинезон с капюшоном, боец и крикнул:

— Лев Августович! Лева!..

Невинский вскинул голову.

— Кто это?! — вглядываясь, крикнул он. — Кто?!

— Да Темкин! Темкин!.. Как Дворец? Как ребята?

— Митька! — рванулся к нему Невинский. — Во Дворце порядок! Как сам-то?!

— И у нас порядок! — удаляясь, прокричал Темкин. — Передавай привет дяде Пете, Ходакову, Анечкам! И всем, всем!..

— Обязательно! Ждем тебя! Знай: твои лыжи никому не даю!.. — надрывался Невинский — радостный, обернулся к Андрею: — Наш! Лыжник!.. — Страдальчески сдвинул брови: — Ай, как жаль, что Анечка-то маленькая с нами не пошла! Ведь у них же... ведь они же... Да всю дорогу не могли друг другу признаться!

Колонна меж тем удалялась, колыхая лесом лыж, на глазах уменьшалась, обтекаемая с обеих сторон поземкой.

— У-ух, не зря, не зря все туда идут!.. — с минуту посмотрев, добавил старый лыжник и размашисто зашагал к столовой.

У Али долго не открывали дверь — дети, видимо, уснули, а бабушки не было дома. Потом заплакала девочка, разбудила братишку, и только тогда, гулко стукнув пятками об пол, тот соскочил с постели и открыл.

Увидев мальчика в одних чулках, Андрей, торопливо поставив на стол банки, кое-как подхватил, сунул его к сестренке под одеяло, дал обоим по куску хлеба и хотел уйти, но в комнату в наброшенном на плечи пальто вбежала Аля.

— Ах, так вот кто таинственный благодетель-то! — воскликнула она, подбочениваясь. — Самому еще обеденную карточку не дали, а он... А ну сейчас же забирай все обратно!

Андрей выдержал ее взгляд.

— Во-первых, никаких благодетелей здесь нет, а есть друзья,— возразил он.— Во-вторых, делаю это не я один — с Красиковым мы... И в-третьих, разве можно скрывать ото всех то, что ты... что вы в беде оказались?!

— Да понимаешь ли,— сникла тотчас Аля,— я же вижу, что всем приходится нелегко, а тут еще мы...

— Нехорошо, плохо! — покачал головой Андрей. Ему хотелось рассказать о том, что, если Мишка выполнит слово, им будет гораздо легче дотянуть до новых карточек, но побоялся обнадеживать, кивнул: — Ну, я пошел.

В вестибюле Дворца дядя Лавруша сказал, что Андрея обыскался директор.

Оказалось, звонила учительница Генки и просила, чтоб его не допускали к тренировкам,— он учинил на перемене драку и расквасил нос семикласснику.

— Семикласснику? — воскликнул Андрей.— Не может быть! Сам-то он из пятого и для своего возраста очень щуплый!..— С чувством неловкости согнал с лица выражение торжества.— Но все равно, конечно, плохо, плохо, и я с ним поговорю...

Услышав, что его не допускают к тренировке, Генка разрыдался.

— Не я! Он — первый! Он!

Андрей опешил. Вспомнил, что нечто подобное пережил однажды и сам, стал успокаивать ученика:

— Ну хорошо, хорошо, я завтра попрошу учительницу как следует разобраться во всем. А пока можешь оставаться.

Андрей заметил много новеньких, поинтересовался, откуда они.

— Из моей школы,— пробурчал Генка.

«М-да,— подавляя улыбку, подумал Андрей,— один удар в нос забияке агитирует подчас куда сильнее всяких воззваний. Теперь придется группу делить...» Крикнул:

— Станови-ись!..

Домой он возвращался с сознанием, что, пожалуй, самое трудное преодолено, остается только работать, работать и работать.

ГЛАВА 8

— Смелее, смелее! — подбадривала Анечка маленькая. — Не бойся, сжимай!..

Андрей весь напрягся, побагровел, спина мгновенно покрылась испариной — и вдруг с волнением ощутил, что пальцы правой руки — все! — сжимаются! Правда, с огромным трудом, все еще как чужие, но они уже подчинялись ему!..

Боясь радоваться, весь дрожа мелкой дрожью, он подумал: «А ведь не верил, что это будет! Не верил! Так, выполнял упражнения, лишь бы только отстали эти надоеды Анечки! И вот... Да-а, теперь, пожалуй, можно и дома рассказать. Хотя нет ну что это — чуть пальцы шевелятся? Вот если б вся рука!..»

Невинский и оказавшийся на лыжной базе Красиков оглушительно захлопали в ладоши, а обе Анечки подскочили к Андрею, стали обнимать его, целовать.

— Так что сегодня танцевать с нами будешь! Танцевать! — под конец шлепнув его по плечу, сказала Анечка маленькая. — Слыхал, вечером танцы во Дворце начинаются?.. Вот так!

В Круглом зале стоял дым коромыслом: комендант с уборщицами выволакивали стулья, длинный судейский стол, скамьи, а плотники наспех сооружали невысокую эстрадку для оркестра. По залу метался, отдавая приказания, озабоченный Ходаков. Заметив Андрея, он подскочил к нему и, как всегда, проговорив: «Да! О чем я хотел вам сказать?...» — объявил, что они сегодня дежурные по Дворцу.

— Хорошо, — кивнул Андрей и направился к себе.

Тренировку с юношеской группой начал с удовольствием. Чувствовал себя уже увереннее, отчего ребята понимали с полуслова. До этого никогда не занимавшийся с мальчишками, он с первых уроков заметил, насколько легче находить с ними общий язык. Они, еще не испорченные вредными привычками, без ненужного самонадеянности, оказались так податливы, что из них, точно из глины, можно было лепить все, что угодно.

Возвращаясь после обеда из столовой, Андрей заметил возле арки перекосившегося от тяжести чемодана и еще сильнее хромавшего Мишку.

— У, здорово! — обрадовался тот. — А ведь это я тебе тащу. Домой-то уж некогда заезжать. Держи: консервы. Восемь килограммовых банок. Мясные. Больше твои ходики не потянули.

— Спасибо, — поблагодарил Андрей и, пропустив Мишку вперед, юркнул за Дворец.

— Нет-нет, я это не возьму! — увидев содержимое чемодана, замахала руками Аля. — Да как мы с тобой за все это рассчитаемся? Где мы...

— Рассчитаетесь! — остановил ее Андрей и выгрузил банки на стол. — Как появится возможность, так и рассчитаетесь!.. Кстати, твой Дима именно так мне говорил, давая деньги взаймы, ясно?!

...Когда Андрей вел тренировку со взрослыми, произошло ЧП. Начав учебный бой, упал, точно подкошенный, хотя и не получил никакого удара, Шустиков. Скользнув меж канатов в ринг и наклонившись над учеником, Андрей в первый раз обратил внимание на то, до чего же он худ и бледен. Врач констатировал голодный обморок. Все находившиеся в зале притихли, подавленные случившимся. Когда Шустиков пришел в себя и его спросили, давно ли он обедал, тот смущенно признался, что сегодня даже в столовую не заходил — не удержался, использовал обеденный талон еще вчера.

— Но я сейчас подзаправлюсь, — заверил он Андрея. — Мать что-нибудь даст...

Переодевшись в сухой свитер, лыжный костюм и лыжные ботинки, Андрей направился в Круглый зал и сразу же увидел Мишку. Помост был готов, на нем сидели музыканты, а над ними возвышался Мишка, как и все, в черной паре и белоснежной сорочке с черным галстуком.

Ходаков поторапливал подметавших зал уборщиц — они должны еще успеть в гардероб, так как через десять минут пустят публику.

«Какой гардероб?!» — чувствуя, что даже сквозь свитер и лыжную куртку прохватывает холод, подумал Андрей — и в изумлении остановился: когда двери рас-

пахнули, возле гардеробной стойки мгновенно образовалась длинная очередь.

В основном это была рабочая молодежь. Несмотря на то что все по десять — двенадцать часов отстояли у верстаков и станков, фойе тотчас наполнилось говором и смехом. Андрей с внутренней дрожью смотрел на раздевавшихся ребят и особенно на девушек. На них были легкие платица, а у некоторых к тому же оголенные по локоть руки. Там и сям зеленели гимнастерки, кители военных; изредка бросались в глаза костюмы несгибаемых щеголей трудной поры: широченные клеши и кургузые пиджаки. Ребята и девчата причесывались и спешили в Круглый зал. Там, скучившись, с нетерпением ожидали, когда грянет оркестр. Однако музыканты сидели невозмутимо, чего-то медлили. Но вот Мишка насторожился, взмахнул палочками, и джаз заиграл вальс.

Некоторое время никто из публики не трогался с места. Затем из кучки рядом со входом отделилась, бойко пошла по кругу одна пара, вслед за нею оттуда-отсюда вырвались разом вторая, третья, четвертая — и вскоре в зале уже стало тесно. Пары налетали одна на другую, сбивались с такта, лихорадочно ловили его.

— Ничего-ничего, разберутся! — веселыми глазами следя за танцующими, уверенно говорил Невинский.

И чудо — Андрей перестал ощущать голод, нудная, тянущая пустота в желудке сама собою пропала. Он смотрел на проносившиеся мимо него пары, невольно отбивая такт ногой, и ему казалось, что он, как и прежде, зашел сюда после тренировки послушать музыку, что скоро придет Виктория, они с ней немного потанцуют, а потом пойдут бродить по вечерним улицам. Сердце дрогнуло от обиды и тоски. Отвлекла Аля.

— Ну, тряхнем стариной?.. — подходя, задорно сказала она. — Нет-нет, пусть правая рука так и остается в кармане, я тебя сама обниму.

Андрей не стал противиться, позволил обнять себя за талию, несмело взял с какою-то особой грацией откинутую в сторону руку партнерши, дождался такта и, забывая обо всем на свете, отдаваясь целиком музыке, мягко двинулся вперед, словно поплыл по волнам. А потом явились Анечки, наперебой стали увлекать его в самую

сутолоку. К действительности вернул Ходаков, который сказал, что через пять минут вечер окончится и они, как дежурные, обязаны наблюдать за порядком возле гардероба, при выходе. Андрей с сожалением выбрался из зала.

Вскоре во всем Дворце остались только он, Ходаков да старик сторож. Огни вокруг были погашены, горели лишь контрольные лампочки; стало сумрачно, пустынно и еще более холодно. Сторож запер входные двери, а Андрей с Ходаковым прошлись по залам и душевым, проверили, не остался ли где свет, открытый кран, незапертые окна — и поднялись в бухгалтерию, которая после сторожки считалась самым теплым помещением.

Ходаков протянул руки к пышущей жаром плитке, стал с наслаждением поворачивать их над малиновой спиралью.

— А мне и в голову не приходило, — глядя на него, задумчиво проговорил Андрей, — что Дворец в такое время работает. И летом, когда тревоги были, тоже тренировались?..

— Еще как! — воскликнул Ходаков. — А тревога — все по крышам, зажигалки сбрасывать. Знаете, сколько мы их пошвыряли?! Потом залы стали использовать для отдыха проходивших на фронт частей, ополченцев. Но постояльцы и помогли Дворцу. Если б не они, он наверняка бы сгорел. Ведь каждый же день бомбежки. И хотя немцы приближались к Москве, бомбили все злее, занятия у нас почти не срывались! — Он насторожился: со стороны улицы донесся глухой рокот. — Танки... — подмигнул, заговорил радостно, заспешил: — Вчера встретил одного дружка-полковника. Так шепнул: сибиряки на помощь торопятся!

Ходаков принес от сторожа небольшой медный чайник и поставил его на плитку.

— Вот сейчас и мы погреемся, закусим, — по-хозяйски сказал он, извлекая из кармана пальто сверточек.

— Да нет, спасибо, — пробормотал Андрей. — Я... сыт...

— Ну-ну-ну, так уж и сыт! — доставая из ящика письменного стола стакан и кружку, усмехнулся Ходаков и сразу же спросил: — Ну, а как вы-то воевали?..

Андрей коротко рассказал, что с ним произошло.

— Так глупо! Ну, то есть так все глупо получилось!

— А такие вещи, между прочим, всегда глупо получаются,— заметил Ходаков.— Как меня ранило?.. Тоже глупо. Связистом был. Иду по проводу, ищу обрыв — артналет. Я прыг в воронку. Там уже сидят двое. Один посмотрел — и мне: «А ведь ты, браток, в голову... того!» Я сунул руку под шапку — кровь. Где, каким образом — не заметил!.. Другой, когда тот стал пере-вязывать, шепчет ему: «Дело-то табак: мозги видно!» А я уже сознание теряю, собрал последние силы и прошу: «Только не бросайте!» А мороз — под сорок. «Не беспокойся, не беспокойся, браток,— слышу,— все сделаем как надо!» И это было последнее, что осталось в памяти... Никто не думал, что выживу. Но когда главврач госпиталя узнал, кто я, сказал: «Только такой тренированный организм и мог выдюжить». И вот там, в госпитале, я впервые понял, как же много дал мне Дворец, и решил по выздоровлении целиком посвятить себя спорту,— раньше ведь смотрел на него как на что-то второстепенное.

Запел чайник, и в комнате сделалось по-домашнему уютно.

— И вот иной раз так обидно бывает,— после долгого молчания снова заговорил Ходаков,— когда какой-нибудь пустяшный человечешко, от которого и пользы-то на грош, узнав, что ты тренер, этак пренебрежительно посмотрит на тебя и высокомерно скажет: «А-а, физкультурничек!..»

Ходаков в сердцах снял с плитки закипевший чайник, стал наливать в стакан и кружку; налив, развернул сверточек: там оказалось два ломтика черного хлеба и две небольшие, уже облупленные вареные картофелины.

— Вот, берите,— кивнул он Андрею.

Андрей, поколебавшись, напряженно дотянулся, взял и, хотя очень хотелось сразу начать есть, помедлил, не сразу откусил, показывая, что действительно не голоден,— да и стакан держать было еще горячо.

Некоторое время они жевали молча, каждый думая о своем. Потом Ходаков, отстраняя от себя кружку и сдвигая брови, проговорил:

— Да! Что вам хотел сказать?.. А, вот: опять звони-

ла учительница вашего паренька, который, помните, кому-то нос расквасил?.. Так просила передать, что в той драке действительно виноват не он, а сам пострадавший. Да и вообще, говорит, этот ученик, после того как записался в боксерскую секцию, стал значительно лучше вести себя и учиться!

— Спасибо,— благодарно посмотрел на него Андрей.— Мне это так приятно слышать.

— И мне! — кивнул Ходаков.

Г Л А В А 9

Проведя утреннюю тренировку, Андрей попросил разрешения отлучиться — съездить домой поесть и запасть хлебом. По дороге — на улице, в метро — он видел утомленные лица москвичей, но сам смотрел на них уже без того стыда, который не оставлял вначале: появилось сознание, что также делает нужное дело.

Придя домой, он разогрел подернувшийся ледяной корочкой жидкий пшениный суп, поел, отрезал свою долю хлеба и опять направился во Дворец, хотя и было еще мало времени. Уже тянуло туда, да и делать дома было нечего.

Когда он начал тренировку со второй группой, в зал заглянул Ходаков.

— Горячев, зайдите потом ко мне! — крикнул он.— Для вас письмо!..

Оно оказалось от ребят, с которыми Андрей ехал на задание. У него отлегло от сердца: последнее время так волновался за них. Отряд выполнял задание командования успешно. Было уничтожено несколько складов с боеприпасами, подорвано три воинских эшелона. Теперь же все вернулись на свою базу, на отдых и, возможно, даже на некоторое время вырвутся в Москву. «Потерь у нас пока нет. Только слегка задело в ногу Товмасына и чуть не утонул при форсировании реки оглушенный взрывом Удальцов. Громова за спасение командира отряда представили к награде», — жадно читал Андрей, отчетливо представляя себе тех, о ком шла речь: Товмасын, этот красивый, черноглазый и белозубый, крепко сбитый средневес из Еревана, занявший в последнем

первенстве страны второе место, был отличным товарищем; Удальцов — балагур и хохмач, с которым следовало постоянно держать ухо востро, чтоб не быть поднятым на смех, — два года считался сильнейшим легкового Союза, но перед самой войной он, Андрей, все же отобрал у него в труднейшем поединке это почетное звание, что вовсе не испортило их отношений; Громов — добродушный, голубоглазый великан — был настоящим русским богатырем: шестой год подряд не находилось в тяжелом весе бойца, равного ему. И вот все они по-прежнему действовали в тылу врага и причиняли ему немалый вред.

Андрей с завистью пересказал содержание письма Ходакову.

— Ничего, — все поняв, вздохнул тот. — Мы здесь, а они там свой долг выполняют... — Он насторожился: в зал вошел атлетически сложенный красноармеец. Обыкновенные сапоги, телогрейка и ушанка как-то особенно ладно сидели на нем. Русые брови строго сдвинуты к носу, пухлые губы плотно сжаты. Но, несмотря на это, было видно, что он еще совсем юный: нежный румянец на щеках, легкий пушок над верхней губой, трогательная ямочка на подбородке.

— Не узнаете, Алексей Васильевич?.. — с серьезным видом спросил вошедший.

— Вася! — вскрикнул Ходаков, рванулся навстречу, однако в самый последний момент сдержался, просто, как равному, крепко пожал руку, радостно сказал через плечо Андрею: — Это же один из моих лучших учеников! Василий Шагин!.. Перед самой войной юношеское первенство страны выиграл! Его портрет до сих пор перед Круглым залом висит!.. — И, не дожидаясь ответа, снова обернулся к красноармейцу: — Где пропал-то?!

— Понимаете ли, Алексей Васильевич, — ответил Шагин, — меня в десантные части зачислили. Даже домой писать не разрешали. Завтра отправляемся на задание. Проститься забежал.

— То есть как проститься?.. — отступая на шаг, растерянно спросил Ходаков; сам же ответил: — Ах, ну да! — Его лицо сделалось торжественным. — Ну что ж, Василий, я надеюсь, что, как и на ковре, ты...

— Не надо, Алексей Васильевич,— перебил его Шагин.— Можете быть спокойны: чести борцов не посямлю! — и протянул руку. Потом четко повернулся через левое плечо и, печатая шаг, двинулся к выходу.

Андрей видел, что Ходаков порывается что-то крикнуть ему, остановить, но из-за волнения не может подыскать нужных слов. Он даже сделал несколько шагов вслед. Но потом махнул рукой и, что-то проворчав, шагнул в растворенную дверь кладовки. Некоторое время подождав его, Андрей бесшумно вышел из борцовского зала.

Когда он заканчивал тренировку с последней группой, к нему с шумом вошел руководитель джаза.

— Товарищ Горячев, прямо-таки не знаю, как и быть с вашим протезом: опять явился пьяным! — от негодования фальцетом крикнул он.— До сих пор я это скрывал от вас. Но сегодня он не только играть, сидеть не в состоянии!..

Подумав, Андрей посоветовал ему обойтись с Мишкой покруче: не допускать его к оркестру. Да и вообще предупредить, что нового ударника подыскать решили. И руководитель джаза, хотя очень боялся потерять Мишку, так и поступил. Результат превзошел все ожидания. Мишка прибежал в боксерский зал растерянный и попросил пойти и замолвить за него словечко.

— Никуда я не пойду! — жестко ответил Андрей.

— Но... почему?!

— А потому что не хочу опять за тебя краснеть! Так что, пожалуйста, уходи, не мешай работать.

Он довел Мишку до двери, вытолкнул и стал продолжать тренировку. Когда же вышел из Дворца на засыпаемый снегом двор, вдруг увидел, что его нагоняет Барabanчик — озябший, несчастный, весь запорошенный: где-то за углом поджидал.

— Андрюшк,— дрожащим голосом начал он,— понимаешь, я крепко, по-настоящему сейчас подумал и... ну... очень прошу поговорить все-таки за меня, а? Клянусь тебе, что больше уж не будешь краснеть! Во как клянусь!..

Андрей взглянул на его сизое лицо, налитые слезами, просительные глаза, окинул, ставшую жалкой, ничтожной фигуру и, смягчаясь, сказал:

— Ладно, попробую...— Однако, вспомнив про не-твердость Мишкиного слова, сжал кулак и, помотав им у него перед носом, добавил: — Но знай: если же и после того выкинешь какой-нибудь номер, то уж...— и, не до-говорив, круто повернулся и зашагал обратно ко Дворцу, для вида поболтал с руководителем оркестра минут пятнадцать, после чего вышел и сказал тревожно ожи-давшему Мишке, что ладно, его прощают.

ГЛАВА 10

Во флигеле одна тихая, скромная и очень добрая женщина получила сразу две похоронки: на мужа и единственного сына. Она полураздетая выбежала во двор и так страшно закричала, что Андрей услышал ее вопль сквозь двойные рамы. Снова почувствовал не-ловкость перед людьми, особенно пожилыми,— ну от-куда им знать, что у него рука контужена, со стороны-то — сунул в карман и идет себе без стыда и без совести. Опять избегал смотреть на седую женщину в красной шали с текстом присяги в руке...

— Че-пу-ха! — возмутился Невинский, когда Анд-рей сказал ему, отчего такой сумрачный, и достал из фа-нерного шкафа пачку писем, развернул первое по́пав-шееся.— Вот!.. «Спасибо за все, Лев Августович! Если б вы только знали, как же мне здесь...» На фронте, зна-чит! — поднимая от письма голову и свирепо взгляды-вая на Андрея, пояснил он.— «...как же мне здесь все, чему вы меня научили, пригодилось! Без этого б...» — он шумно отложил письмо в сторону, с хрустом развер-нул другое: «Дорогие Лева и Анечки! Только теперь почувствовал, что не зря вы меня гоняли! Сейчас приходится делать большие переходы — и порядок! Выдерживаю нагрузки лучше всех в подразделе-нии...»

Невинский извлек из шкафа еще пачки писем.

— И здесь все о том же! И здесь!.. А у Ходакова сколько?.. А у других тренеров?!

— Я еще ни одного не получил...— нахмурился Андрей.

— Ишь чего захотел! Обожди, ты же только начал!

Вошли багровые с мороза Анечки.

— Что за спор, а драки нету?.. — спросила маленькая и, узнав, в чем дело, уверенно сказала Андрею: — Еще больше получишь! А теперь — на середину! Первое упражнение начинай!..

Уходил в свой зал Андрей взбодренный. Работая с утренней группой, с удовлетворением видел, что воспитанники заметно растут: уже легко передвигаются по рингу, правильно наносят удары, защищаются от них. По возрасту ребята этой группы были близки ему, и вскоре он стал держаться с ними не как тренер с учениками, а просто, по-дружески, подчас забывая о времени и возможностях, как их, так и своих собственных. Вот и сейчас, случайно взглянув на часы, Андрей обнаружил, что опять увлекся. Зашедший звать обедать Невинский успокоил:

— Так это ж, дорогой, и есть настоящая работа. Не относиться же к занятиям, как хваленый Колодин, — ведь только и норовит, как бы поскорее из зала смыться!.. Да, — когда стали переходить шоссе, встрепенулся он, — мы сегодня с комендантом во Дворце дежурили. В третьем часу нас сторож разбудил: в Большом гимнастическом зале окно ветром распахнуло. Так вон в той стороне, — он кивнул в направлении Химок, — такие вспышки были! Светло как днем! — Он помолчал, добавил задумчиво: — По-моему, какая-то там заварушка приключилась. Я даже вроде бы пальбу слышал...

Андрей с тревогой смотрел вдоль шоссе: оно, пустынное и прямое, как стрела, уходило вдаль, сжатое с обеих сторон ровным строем припущенных снегом деревьев. Небо было свинцовое, низкое.

Возле самой столовой их нагнал Красиков.

— Ну, братцы, что-то сегодня в тех краях того! — поздоровавшись, кивнул он назад. — У нас окна в ту сторону, так часа в два проснулся — полыхает!

— Во-во! — оживился Невинский. — И я про то же!..

В столовой люди также взволнованно рассуждали об этом. Ходаков, когда тренеры, не сговариваясь, плотно набились в его кабинет, обвел всех твердым взглядом и сказал, чтоб в случае чего мужчины сразу собирались у него.

— А сейчас у кого занятия — приступайте. Ребятам — ни слова. Ясно?

Все молча кивнули и пошли по своим залам. Когда Андрей разбил учеников на пары и разрешил отрабатывать приемы самостоятельно, дверь зала с громким стуком распахнулась, потом кто-то, суматошно сбежав по ступенькам, заглянул к ним и срывающимся голосом крикнул:

— Выходите, боксеры! Выходите скорей! Наши немцев от Москвы погнали! По радио говорят!.. — и снова исчез в проходе.

Стиснув плечо ученику, Андрей замер: не ослышался ли?! — бросился из зала. Выскочив на лестницу, застыл: фойе было запружено гимнастами, борцами, штангистами, акробатами. В трусах и майках, гимнастических костюмах, борцовских трико, купальниках, с голыми плечами, руками, спинами, все, замерев, смотрели на черную тарелку репродуктора, висевшую в углу фойе, и слушали сообщение Информбюро. И Андрея поразило, что на лицах у всех — не радость и торжество, а ошеломление. В следующую секунду поймал себя на том, что и самого охватывает неясная, похожая на суеверный страх, тревога.

А диктор называл деревни и села, реки и города, которые были уже освобождены нашими войсками от фашистов. И какими же родными, близкими казались Андрею их названия, многие из которых он раньше и не слышал!.. «Неужели началось?!» — в волнении подумал он; окинул взглядом лица девушек, ребят, тренеров — и на них все определеннее, все отчетливее проступало одно общее выражение — надежда!

Утром по радио сообщили, что Красная Армия, развивая наступление, освободила еще целый ряд городов и населенных пунктов. Мишка прибежал с газетой. На снимках — огромные заснеженные пространства с разбитой немецкой техникой, брошенными танками с черными крестами, непривычного вида тягачами, автомашинами, дальнобойными орудиями, бесконечные колонны пленных и густо усеянные трупами фашистских солдат обочины дорог. И еще — толпы жителей осво-

божденных селений и городов, выбежавших навстречу своим освободителям.

По улице шли возбужденно разговаривающие люди. В метро также царило оживление. На лыжной базе было тесно от набившихся туда тренеров, ребят и девчат. Невинский, обе Анечки и многие их ученики, отлично знавшие места, где шли бои, в один голос утверждали, что они на редкость трудные для переходов.

— Значит, как же ударили наши, если так продвинулись, а?! — сказала Анечка маленькая.

— Так я же говорю, — воскликнул Невинский, — светло стало, как днем! Никогда такого не видывал!.. — И вдруг высказал томившую всех мысль: — Да уж, видеть, не случайно, не случайно там... вот так все... раз второй день без отдыха гонят!.. Это им не в Европах: чуть нажали — и лапки кверху!.. — Он с удовольствием посмотрел на висевшую на стене карту, где уже флажками отметили, куда продвинулись наши войска. — Вон как под зад-то дали! Вот тебе и непобедимые!..

После обеда Андрея вызвали в Московский комитет физкультуры к начальнику учебно-спортивного отдела.

Выйдя из метро на площади Дзержинского, он огляделся. Никаких следов разрушений нигде видно не было; вокруг чисто, строго, все дома целы. А ведь фашисты на весь мир растрезвонили, будто центр Москвы с землей сровняли.

В комитете Андрея встретил худощавый человек лет пятидесяти. Он сказал, что принято решение разыграть первенство Москвы и предлагается проводить тренировки во Дворце физкультуры.

— Я понимаю, — успокоил он Андрея, — одному-то вам не управиться, но мы пришлем вам кого-нибудь в помощь. С директором как-нибудь поладим, он против не будет, тем более что комитет подбросит Дворцу уголька из своих лимитов, спортивного инвентаря.

Это было очень приятно Андрею, и он, довольный, помчался во Дворец, чтоб сообщить обо всем Ходакову. Его застал за странным занятием: взгромоздившись на стремянку, тот что-то делал с портретом Васи Шагина и чересчур сухо ответил на приветствие. Подойдя поближе, Андрей увидел, что он обвивает рамку портрета

траурной лентой. Заметил, что еще несколько рамок уже обвиты, молча снял шапку.

...Пришла наконец весточка от отца. После своего обычного: «Здравствуйте, жена моя Ольга Николаевна, сын Андрей Васильевич и любезная соседка Наталья Михайловна, низко кланяюсь всем и во первых строках своего письма сообщаю, что жив и здоров, чего и вам желаю», он передавал поклоны и приветы знакомым и друзьям, спрашивал, есть ли слух от других фронтовиков. Свое молчание объяснял тем, что «все это время стояли близко от немцев, и те не давали возможности». Больше в письме и намека не было на то, что он находится на фронте: «Одеты-обуты мы хорошо, кормят питательно, все время на свежем воздухе». Ну точно в дом отдыха попал человек! «Вот только насчет курева плоховато». О том же, как воевал, где воевал, ни слова, будто о таких пустяках и писать не стоило.

Г Л А В А 11

В начале января 1942 года во Дворец завезли уголь, пополнили недостающий спортивный инвентарь, после чего московские боксеры, штангисты и борцы начали подготовку к первенству. Перед самой тренировкой Андрей несколько раз спускался в свой зал, с радостью убеждался, что там становится теплее.

К назначенному часу в раздевалку начали один за другим нерешительно входить желавшие принять участие в боксерском чемпионате. Многие из них не знали, что Горячев в Москве, радостно приветствовали его, спрашивали, как воевал, надолго ли приехал, услышав же, в чем дело, утешали и переводили разговор на другую тему. Потом преувеличенно радостно обращались к тем, кто пришел раньше, удивлялись теплу и, смущенные, скованные, рассаживались, не зная, о чем говорить: ведь раньше встречались исключительно как противники.

Но все тотчас изменилось, когда в раздевалку протиснулся рослый, широкоплечий, в распахнутом меховом полупальто и лыжном картузике, из-под длинного козырька которого весело поблескивали живые серовато-

синие глаза, человек. Это был известный московский тренер Борис Сергеевич Донцов. Несмотря на то что два года назад ему исполнилось шестьдесят, выглядел он лет на сорок — сорок пять, не более.

Донцов опустил чемодан на пол, снял картузик, обнажая седую, по-боксерски коротко стриженную голову, и с доброй улыбкой пожал руку Андрею, потом стал весело здороваться со всеми остальными. Андрей смотрел на него с благоговением. До войны слышал об этом человеке очень много интересного. Кроме бокса, он в совершенстве знал борьбу, штангу и до недавнего времени готовил борцов и штангистов. По образованию он был инженером-строителем, но, еще учась в институте, увлекся спортом и в конце концов отдал ему всего себя. Впрочем, перед войной он представил в Моссовет проект Дворца тяжелой атлетики, где планировались боксерский, борцовский и гиревой залы.

Как о педагоге, о Донцове отзывались либо с восторгом, либо с кривой усмешечкой: «Фантазер!» Однако Артем Иванович, прошедший у него тренерский семинар, однажды возмущенно заметил, что плохо говорят о Донцове только враги, которых у него, к сожалению, немало, поскольку человек он прямолинейный и режет правду-матку в глаза, что, как известно, не всегда и не всем по душе. Особенно нетерпим он был к тем, кто работал по шаблону, кому были чужды творческие искания. Не все из того, что приносил он в зал, было удачно, но большая часть прочно вошла в боевой арсенал ведущих мастеров, которые подчас и не знали, что это, после долгих споров, было внедрено Донцовым.

Все в раздевалке притихли, смотрели на него радостно.

— Ну и как, братцы, есть у нас еще порох в пороховницах?! — весело спросил он.

— Найдется, Борис Сергеевич! — последовал дружный ответ.

— Да иначе и быть не должно! — развел руками Донцов. — Немцев-то вон куда от Москвы шуганули!.. — Он задумался, слепо глядя перед собой. — Конечно, недешево это нам обошлось. Сколько ребят-то теперь на подмосковных полях лежать осталось!.. — Все в молчании потупились. — Но ничего не поделаешь — война!

Так что и мы теперь доказать обязаны, что тоже не лыком шиты и в любой момент готовы встать в строй! — Он взглянул на часы, а потом на Андрея: — Думаю, можно переодеваться в боевые доспехи, а?

Андрей, смешавшись, покивал, пригласил его в тренерскую.

— Ну, как ваша рука?..— строго спросил Донцов, когда они туда спустились.

Вместо ответа Андрей торжествующе пошевелил пальцами.

— Молодцы, молодцы ваши методисты! И вы, главное, верьте, крепко верьте, что заставите ее, голубушку, в конце концов исправно служить вам!

Андрей показал Донцову, куда повесить пальто, поставить чемодан, и направился в зал, в который через некоторое время стали несмело выходить боксеры. И его поразило, до чего же они за полгода войны сдали.

— Отощали, отощали ребята,— мрачно проговорил Донцов; наклонился к Андрею: — В таком разе нам с вами нужно держать ухо востро. Избави бог перенепрячь их.— Он понизил голос: — Давайте мы так поступим: я провожу общую часть, потом всех делим на две группы и напоминаем элементы техники, после чего вы ведете заключительную часть. Согласны?

— Конечно! — поспешно кивнул Андрей. Подумать только, с ним советуется сам Донцов!

А тот, выйдя на середину зала, деловито похлопал в ладоши и бодро, по-довоенному скомандовал:

— Станови-ись!..— и, возглавив колонну, начал разогреть.

И Андрея поразило, что старый тренер стал вместе со всеми энергично делать упражнения, бегать и прыгать, умудряясь при этом видеть каждого, поправлять и показывать, если кто-нибудь допускал ошибки.

— Это я на себе нагрузочку прикинул,— шумно дыша, пояснил Донцов, когда разогрев окончился.

А потом они разделили претендентов на две подгруппы. Полгода бездействия, конечно, сказались на всех. Даже известные своим мастерством бойцы выполняли удары, защиты и маневры неуклюже, а зачастую и неверно. Андрею беспрерывно приходилось останавливать и поправлять то одного, то другого. Но, делая это, он ни

на минуту не забывал о секундомере. Когда же положенное время истекло, он посоветовал, чтобы его подопечные отдохнули, а сам направился в другую половину зала.

Там работа шла полным ходом. Сам Донцов, стоя в ринге перед спартаковским средневесом, что-то горячо доказывал. Волосы у старого тренера еще более растрепались, по лицу сверкающими дорожками струился пот. Затем он решительно попросил перчатки, ловко натянул их на руки и с забавной неуклюжестью стал насккивать на своего громоздкого партнера, торжествующе крича:

— Ну что я говорил?! Что?! Все удары — твои! Вот! Вот! Вот! Вот!

«Молодец! — восхищенно глядя на коллегу, думал Андрей. — Только как теперь обратить на себя его внимание?..»

Но Донцов сам оглянулся, опустил руки.

— Что, я, кажется, увлекся, да?!

— Немного... — виновато улыбнулся Андрей.

— Понимаете ли, — пояснил старый тренер, когда все, умиротворенные заключительными упражнениями, двинулись в душевую, — некоторые забывают, что бокс — сложная и тонкая игра, и пытаются все тактические задачи решать исключительно за счет грубой силы. А вот я им доказал, что одна сила на ринге ничего не стоит!.. Вот за что я вас, между прочим, всегда любил? Вы в каждом поединке были совершенно другим. Противник рослее — вы навязывали ему бой в ближней и средней дистанции. С противником коротко-широкого типа превращались в великолепного фехтовальщика — подвижного и неуязвимого. Так именно в этом, а не в том, кто больше нанесет и вынесет ударов, и заключается искусство бокса, — нет, нет, я не оговорился — именно искусство!.. — Донцов сделался строгим: — И еще одно: я на вас сегодня специально посматривал, — он помолчал, отчего у Андрея гулко забилося сердце. — И должен сказать, что вы все, абсолютно все показывали и обосновывали правильно. Я слышал, вы до войны окончили Авиационный институт?

— Нет, был на четвертом курсе.

Донцов задумался.

— Скажите, пожалуйста, — но только откровен-

но! — спросил вдруг он, пытливо заглядывая в глаза. — Вы надеетесь сделать в технике что-нибудь выдающееся?.. Нет?.. В таком случае, посвятите себя тренерской деятельности. Целиком посвятите, понимаете? Уж здесь вы, я совершенно убежден, добьетесь многого и принесете людям неизмеримо большую пользу. Кончится война, вернется из эвакуации Институт физкультуры, и вы без колебаний переходите в него. А сейчас — и я вам все это в самое ближайшее время принесу — штудируйте то, что поможет вам в практической работе и пригодится потом, при поступлении в институт: методику, анатомию, физиологию — и вскоре станете ба-альшим, настоящим специалистом! Повторяю: я в этом совершенно уверен!..

Домой Андрей возвращался взбудораженный. Ему хотелось уже не просто работать — передавать свои знания, показывать, растолковывать, а искать более эффективные методы обучения, добиваться чего-то нового, что еще никому не известно.

Войдя в комнату, он увидел ничком лежащую на кровати мать и склонившуюся над ней тетю Наташу. С замершим сердцем застыв возле двери и почему-то сразу подумав об отце, он, не решаясь спрашивать, напряженно смотрел на них.

— На Кириллыча... похоронка пришла... — медленно выпрямляясь и оборачиваясь, после некоторого молчания скорбно проговорила соседка.

Почувствовав слабость в ногах, Андрей оперся спиной о косяк и так долго стоял, видя перед собой почему-то веселое, доброе отцовское лицо.

Г Л А В А 12

В зал, едва началась тренировка, с шумом ввалились какие-то бородатые, в полушубках, валенках и ушанках люди, а один из них, этакий черный, небольшого роста, с вороной курчавой бородой крепыш, ударил по груше так, что она взвилась до потолка.

— Эй-эй!.. Вы что?! — пораженный бесперемонностью незнакомцев, предостерегающе начал Андрей, собираясь выставить непрошенных гостей за дверь. Одна-

ко, взглядевшись в них, широко раскрыл глаза: так это ребята, с которыми он отправлялся на задание, — радостно бросился навстречу и, не сразу разбираясь, кто из них кто, обнимался, спрашивал, отвечал.

Только Артема Ивановича, несмотря на густую сивую бороду, узнал сразу, хотя в полушубке, стеганых брюках и валенках он казался еще более громоздким. И Малякина — тот был совсем без бороды; он скромно стоял у входа в зал и застенчиво улыбался. Признал и Фофанова, который также не посмел отойти от порога.

— Хороших ребят вырастил, — кивая на них, негромко сказал Артем Иванович. — Везде в самые горячие места шли. Надежнее их, Громова да Удальцова, никто мины не ставил.

Андрей поманил обоих, пожал им руки.

Подошел Донцов, взял Артема Ивановича за плечи, с доброй улыбкой заглянул в лицо:

— А ты, Артюша, прямо-таки патриарх всяя Руси! Право слово! И ко времени подоспели: мы же первенство Москвы разыграть решили! Будете участвовать-то?..

— А для чего бы мы тогда заявились?! — пробасил Громов и крикнул остальным бородачам: — Мастера, за мной!..

— Пойдите! Подождите! А когда же вы о своих подвигах-то рассказывать будете? — спохватился Донцов.

— После, Борис Сергеич! После! — увлекая товарищей к раздевалке, ответил Громов.

Андрей вспомнил о Диме Неведомцеве, бросился за ними.

— Вообще-то он в другом отряде был и, рассказывают, такие вещи делал! — ответил Громов. — Но вот тут до нас дошло, — нахмуриваясь, добавил, — что они в серьезный переплет попали. Говорят, от шестидесяти пяти человек сорок три осталось...

Из раздевалки Андрей вышел встревоженный. Але решил пока об этом не говорить. С теснением в груди вспомнил, что там, где висят портреты выдающихся клубных мастеров, траурные обрамления подходят к Диме все ближе и ближе!..

Через некоторое время партизаны уже в спортивной форме выбежали в зал, и все расхохотались — уж

очень было непривычное сочетание: бороды и трусы с майками.

Возглавив колонну, Громов, усмехаясь, двинулся по залу, а боксеры из Центральной спортивной школы, с восхищением и завистью глядя на него, занимали места в общем строю. Андрей заметил, что Товмасян, несмотря на уверения, будто с ногой у него все в порядке, все же прихрамывает, кивнул на него Донцову.

— Эдик, а не рановато тебе?..— тревожно спросил тот.

— Нет, нет, Барис Сергеич! Мне савсем, савсем не больно!..

Громов сразу заломил высоченный темп.

— Ванюш, а ты не особенно... для начала-то! — осадил его Донцов.— Можно ведь и сердечко загнать!..

Проведя после зарядки «бой с тенью», поработав на мешке и груше, Громов попросил разрешения надеть перчатки и выйти на ринг, но Донцов покачал головой:

— Не стоит. Потерпи, дорогой, уж как-нибудь до следующего раза. Теперь же — скорее в душевую: горячую воду пускают всего на десять минут!

— Горячую?! — воскликнул Громов.— Ну, братцы, как в сказке! Тогда — вперед! — и он бросился из зала.

Когда все, багровые, довольные, шлепая по цементному полу мокрыми ступнями, с шумом повыскакивали из душевой и, мешая друг другу, кое-как вытерлись и оделись, Донцов сказал старательно выводившему пробор Артему Ивановичу:

— Ну, а теперь давай, дорогой, выкладывай все без утайки!

Артем Иванович сунул в карманчик гимнастерки расческу, поправил на плече ремень портупеи, кивнул.

В раздевалке и коридорчике, в котором теснились уже пришедшие на тренировку заводские ребята, сделалось тихо.

— С чего же начать?..— опускаясь на оставленное для него место, задумчиво пробормотал Артем Иванович, посмотрел на севшего рядом с Андреем Донцова и, не дожидаясь ответа, заговорил: — Да, пожалуй, с того, как двадцать шестого июня на стадионе «Динамо», где объявили, что будут записывать добровольцев в отдель-

ную мотострелковую бригаду особого назначения, или сокращенно ОМСБОН, собралась тьма-тьмущая людей!..

«У-у!..» — увидев перед собойдвигающуюся к серой громаде северной трибуны огромную толпу спортсменов, с волнением подумал Андрей. Сам он пришел на стадион вместе с Артемом Ивановичем и ребятами их секции. Все мечтали об одном: поскорее получить оружие и начать громить захватчиков. Стояли в очереди более шести часов, устали, проголодались...

— Ну, а потом нас всех обмундировали,— снова услышал Андрей голос Артема Ивановича,— и мы направились на динамовское стрельбище, где отряд встретили чекисты-пограничники. Они стали обучать нас тому, что могло понадобиться в борьбе с захватчиками: как маскироваться, устраивать в лесу лагерь, как ориентироваться в незнакомой местности, обращаться с минами, снаряжать их, каким образом минировать мосты, железнодорожные полотна, шоссейные дороги; затем стрельбе из различных видов оружия и переправам через водные преграды...

«Мда-а...— вздохнул Андрей.— Минуты свободной не было! Как только выдерживали такие сумасшедшие нагрузки. Не зря, конечно, в отряд принимались лишь закаленные в спорте люди!..»

Артем Иванович обвел всех твердым взглядом:

— В общем, в середине сентября подготовка была закончена, нас посадили в грузовики и повезли в сторону Брянска, чтоб перейти там линию фронта. Через два дня под вечер, в грозу, с помощью армейских разведчиков, мы ее пересекаем и более пяти часов топаем до того места, где намечено разбить лагерь...

«Вот когда стало ясно,— опять погрузился в свое Андрей,— что все наши тренировочные марш-броски — сущие пустяки!.. У каждого в заплечном мешке до тридцати килограммов взрывчатки, гранаты, патроны, трехдневный запас продовольствия!»

— Однако это были цветочки,— продолжал Артем Иванович.— Ягодки нас ждали впереди, когда приступили к выполнению боевых заданий. Тут приходилось делать куда большие переходы, сутками не есть, не спать, да еще отбиваться от карателей.— Он обвел слу-

шателей взглядом, как бы проверяя, какое впечатление производит на них его рассказ, оживился: — Но знаете, задания мы выполняли четко: железная и шоссейная дороги были у нас под постоянным контролем. Ежедневно сообщали командованию, куда следуют, где концентрируются войска, военные материалы и техника фашистов. А вскоре получили разрешение приступить к подрыву железнодорожных путей, мостов, шоссе. И уж теперь могу сказать без излишней скромности: весьма и весьма мешали гитлеровцам снабжать свои армии боеприпасами, техникой и живой силой на этом участке фронта... — Он поджал губы. — Но, конечно, и нам доставалось будь здоров: до линии железной дороги от лагеря свыше тридцати километров. Как назло, дожди усиливались. Проселки развезло. В иных местах приходилось брести по колено в ледяной воде. Но что самое любопытное, — рассказчик живо повернулся к Донцову, — никто из нас, Борис Сергеевич, не болел!.. Бывало, ведь чуть промочил ноги — готов! Тут же — можете себе представить — даже насморка не было!

— Так это, Артюша, о чем свидетельствует? — воскликнул Донцов. — О неисчерпаемости резервов человеческого организма!

— Вот именно! — радостно подтвердил Артем Иванович; помолчал, потом заговорил, будто жалуясь: — Выполнять же задания становилось с каждым днем все труднее. Железнодорожные пути по ночам освещались прожекторами, лес вдоль них вырубил, охраны нагнали!.. — Он неожиданно горделиво посмотрел направо-налево. — Но вы знаете, мы все равно выискивали лазейки и далеко не все эшелоны доходили до места назначения!.. В лагерь возвращались обычно под утро, усталые, голодные, а подзаправиться нечем: два-три сухарика на брата да кипяток. Вообще-то жители окрестных деревень нам ни в чем не отказывали, но у них и самих к этому времени уже ничего не осталось: фрицы вчистую обобрали. Так что мы поскорее спать заваливались... — Артем Иванович вдруг с веселыми искорками в глазах огляделся: — Правда, незадолго до выхода сюда реквизировали у поставленного фашистами старосты корову. Вскоре от нее остались одни копыта. — Он торжествующе посмотрел на Бориса Сергеевича. — Так мо-

жете себе представить, мы их каждый день в котел бросали, а бульон заправляли поджаренными на ружейном масле кореньями, травками. И вот на таком бульоне давали по шестьдесят с лишним километров в сутки!..

— Да-а, я смотрю, Артюша, подготовка к первенству Союза,— задумчиво покачал головой Донцов,— вам пришлось как нельзя более кстати.

— Еще как, Борис Сергеевич! — отозвался Артем Иванович, всем телом подался к старому тренеру: — И вот после всего того, что нам довелось повидать и изведать, мы пока что поняли одно: как бы ни менялась тактика, стратегия и вооружение, какие бы формы ни принимала война, главным в ней по-прежнему остается че-ло-век с его морально-физической подготовкой. Без этого, как говорится, ни туды и ни сюды. Мы лично — уж теперь могу сказать смело — прошли через все выпавшие на нашу долю испытания неплохо, хотя готовились, заметьте, вовсе не к войне, а к спортивным состязаниям!..

Все задумались и в наступившей тишине стало слышно, как звонко капает в душевой вода.

— Ну, а теперь скажи, пожалуйста, Артюша,— попросил Донцов,— что тебе особенно запало в душу из того, что довелось пережить во вражеском тылу?..

Артем Иванович помолчал, подумал, затем, оглянувшись на своих товарищей, ответил, светлея лицом:

— Парад на Красной площади! — И оживленно заговорил: — Это всем нам столько сил, столько сил придало!.. Мы же видели: фашистские армии подтягиваются к столице все ближе, ближе, все их рации наперебой орут, что не сегодня-завтра капут Москве, что Седьмого ноября фюрер сделает смотр своим войскам на Красной площади!.. И вдруг в этот день слышим: да, идут по площади войска, но только не фашистские, а наши, советские!.. И знаете, мы сердцем почувствовали: неспроста! Неспроста так сделали! Это всем, кто находится на оккупированной территории, дали знать таким образом, что сил у нас еще достаточно и скоро захватчики узнают кузькину мать!..

ГЛАВА 13

Возле самого Дворца Андрея окликнул Донцов с рюкзаком за спиной. Оказалось, он подобрал еще необходимые учебники.

— Да зачем вы мучаетесь из-за меня! — воскликнул Андрей.

— Вовсе не из-за вас, — возразил Донцов. — Просто нам очень нужны толковые тренеры. А они на полу не валяются.

Раздевалка уже гудела голосами. Донцов вошел первым.

— Ба-ба-ба! — все заглушил в следующую минуту его сочный баритон. — Так вы же собирались их до первенства сохранить!..

Андрей сунул голову в дверь — и все стало ясным: партизаны сбрили бороды.

— Ванюш, так объясни! — продолжал Донцов. — Ты же хотел, чтоб противники запутывались в твоей бороде!..

Громов помрачнел.

— Да понимаете ли, Борис Сергеич, сам в ней... того! — проворчал он. — А главное, девчата как от чумного шарахаются!

Все засмеялись.

— Ха-ха-ха! — заливался Донцов; потом отер выступившие на глаза слезы, по-отечески добро оглядел партизан. — А повзрослели вы за это время, дорогие мои, повзрослели... И ведь самые лучшие годы отнимают у вас господа фашисты. Сколько интересных поездок, встреч ожидало вас! Какая широкая дорога открывалась перед каждым! И вот... Ну да ничего, как сказал Александр Невский, поднявший меч от меча и погибнет!..

Ребята переодевались, выбегали в зал. А когда все разогрелись, надели перчатки и стали выходить на ринг, сразу обнаружилось, что значит долго не заниматься специальной подготовкой: партизаны действовали неуклюже, движения их были нелепы, а удары получались корявыми, неточными, и уставали они значительно быстрее полуголодных москвичей. Даже Громов едва

дотянул второй раунд, хотя спарринг-партнер не смел и атаковать его всерьез.

— Ничего-ничего! — ободрил Донцов. — Все придет. Не падай духом!.. — и обратился к Артему Ивановичу: — По утрам их хорошенько гоняй, Артюша!..

В середине февраля так же внезапно, как и объявились, партизаны исчезли. Лишь к концу месяца один из динамовцев по секрету сообщил, что отряд опять заброшен в тыл врага. Без партизан занятия Центральной спортивной школы складывались уже не так интересно. Да и тревожились все за них. Стараясь всюду успеть и делать то, что требовалось, добросовестно, Андрей вскоре почти не имел свободного времени и потому все реже вспоминал действовавших в тылу врага товарищей. Но однажды по лицу вошедшего в зал Донцова он понял, что с ними случилась беда. И не ошибся. Уведя его в тренерскую, Донцов сообщил, что отряд в столкновении с карателями потерял одного человека. Но вот кого — неизвестно!..

Этот день у Андрея был особенно трудным: после обычных тренировок пришлось еще выводить группы на лыжный кросс. Последних участников принимали уже в темноте, освещая нагрудные номера карманными фонариками. До метро едва добрел. Спина была как ватная, ноги подгибались. Он протиснулся к противоположной от входа двери вагона, прислонился к ней — сесть было негде, несмотря на поздний час, салон был полон.

Почти все сидевшие спали и вяло покачивались вместе с вагоном. Дремали даже те, что тесно стояли над ними.

Войдя в свое парадное и привычно поднявшись в темноте по лестнице, Андрей остановился: что-то большое и черное отделилось от стены. В первое мгновение хотел бросить чемодан, чтоб освободить руку. Но раздался простуженный голос Малякина:

— Здравсте, Андрей Васильич!

— Коля! — бросился навстречу Андрей. «Жив! Жив!» В следующее мгновение встревожился: — А Вася... где?.. — Крепко стиснул ученику плечо: вместо от-

вета голова его стала медленно клониться; глухо спросил: — Как это произошло?..

— Да понимаете, Андрей Васильич, мы задание-то выполнили, уже домой собрались. В одном селе заночевали. Вдруг в полночь вваливаются двое: «Так и так, помогите! В соседнем городке каратели. наших схватили». Ну мы — снова на лыжи. Часа в четыре подошли к городку, поснимали часовых, ворвались в комендатуру: «Хенде хох!» Двое — за автоматы, так Вася их по кумполу — и к самому коменданту: «Выпускай, гад, всех, живо одевайся и выходи на улицу!» Там мы его поставили на лыжи — и давай чеши. И уж в поле выкатили, как вдруг Вася — он замыкающим был — передает по цепи: «Фрицы!» Мы прибавили шагу. Те издалика строчить из автоматов начали. Тогда командир видит — делать нечего, приказал, чтоб первые как шли к лесу, так и шли, а нам, последним, — в кювет, ждать немцев... Ну, мы так и сделали. Вот тут-то Васю и... Тогда его ручной пулемет, — а Вася всегда с ним ходил — сам командир взял: немцы-то вот они! Под гору накатом шпарят! Человек сорок. Залегли мы, дождались, когда те приблизятся, да как-ахнули из всего, что у нас было! Никто не ушел. А Васю там и похоронили. Нужно еще зайти к его матери — план с могилкой отдать...

— Пойдем вместе, — сказал Андрей.

Услышав о гибели сына, мать Фофанова, рослая, худая женщина, молча опустила на стул, положила на острые колени узловатые руки и так долго сидела, не двигаясь, глядя перед собой тусклыми глазами. Когда же Малякин стал выкладывать на стол его лыжные брюки, куртку, меховую шапку и рукавицы, она, упав на них лицом и обняв, так запричитала, что горло Андрея сдавили спазмы. Боясь не совладать с собой, он едва дождался, когда Малякин положит на стол план с могилкой, и потянул его из комнаты. Кое-как проглотив на свежем воздухе вставший поперек горла ком, Андрей, не глядя на спутника, сказал:

— С этого дня мы... то есть все, кто знал Василия... должны к ней, как к своей матери, понимаешь?

— Да, Андрей Васильич! Да я теперь!.. — воскликнул Малякин, пряча глаза.

ГЛАВА 14

Первенство Москвы решили начать 25 марта в Круглом зале Дворца физкультуры. Тренировки Центральной спортивной школы становились все напряженнее: в спаррингах уже боксировали по три-четыре раунда, затем работали на груше, стенке, мешке и проделывали гораздо большую по объему гимнастику. Из зала все выходили мокрые. Андрей с Донцовым опасались, как бы это не привело к перенапряжению организма, особенно внимательно следили за внешним видом и настроением каждого: не поскутнел ли кто, не пропала ли охота к тренировкам? К счастью, такого пока не наблюдалось.

Несмотря на то что партизаны пропустили более двух недель, они вскоре нагнали основную группу претендентов и снова боксировали в спаррингах на равных.

В день первенства Андрей с утра чувствовал волнение, точно самому предстояло выходить на ринг. Желающих оспаривать звание чемпионов оказалось не так уж много: не смогли освободиться, несмотря на запрос из Московского комитета физкультуры, большинство работающих на заводах.

Около девяти часов вечера участники первенства построились в фойе, и Ходаков, расчистив от любопытных проход, под бравурный марш провел колонну в Круглый зал, где было немногим теплее, чем на улице. Главный судья первенства быстро, чтоб не остудить боксеров, поздравил с открытием очередного чемпионата столицы, и все, кроме первой пары «мухачей», занявшей противоположные углы ринга, живо покинули зал. Зрители мало-помалу успокаивались. Когда же рефери, наспех отогрев дыханием руки, озябшим голосом позвал противников на середину и собрался представить их публике, с улицы донесся нудный, низкий, все более усиливающийся вой. Вначале никто не понял, что это такое, и не обратил на него никакого внимания, но потом всем стало ясно, что это же — сирены! Воздушная тревога!

Ходаков приказал, чтоб все немедленно выходили из зала.

— Вот ведь, скотина, как подгадал! — с досадой сказал остановившийся рядом с Андреем Донцов. — Всю зиму не летал — и вот на тебе!..

А за стенами уже стали слышны отдаленные звуки канонады, которые с каждой секундой приближались, делаясь все более отчетливыми и злыми. Вот со стороны стадиона «Динамо» ахнули какие-то сверхтяжелые пушки, и все вздрогнуло, даже подпрыгнуло. Но Андрей с гордостью за москвичей отметил, что никто не обратил на это никакого внимания, все по-прежнему спокойно покидали зал.

Отбой дали в одиннадцатом часу. Пришлось объявлять, что открытие чемпионата переносится на следующий день и что билеты на него действительны. Только после этого все стали нехотя расходиться.

— А, черт! — пробасил торпедовский полутяжеловес. — А я уж весь свой сегодняшний и завтрашний хлеб смолотил, чтобы хоть начать-то по-человечески!..

Наступивший день, как и накануне, был ясным, солнечным, с легким морозцем. Андрей провел его в томительном ожидании. Задолго до начала первенства зрители снова набились в Круглый зал так, что даже лестницы, громоходящиеся вверх ряды, Андрей надеялся, что все обойдется, не будет тревоги. Но ровно в девять, когда под тот же самый марш к рингу вышли боксеры, а судьи в строю остановились по другую сторону судейского стола, — за стеной раздался ноющий звук.

— Я думаю, нам теперь следует начинать не в девять, а в семь часов, — озабоченно сказал Донцов. — Немцы наверняка, как и в прошлом году, будут прилетать в одно и то же время, и мы великолепнейшим образом воспользуемся этим.

К семи часам народу во Дворец пришло уже меньше, зато состязания начались безо всяких помех. Поединки, несмотря на то что претенденты были истощены и подготовлены неполноценно, протекали, к удивлению Андрея, на редкость горячо. Он с волнением и завистью смотрел, как выходившие на ринг беззаветно бросались в бой.

В финальный день состязаний не явился никто из ОМСБОНовцев. Поправ все каноны, их долго и терпеливо дожидались — даже зрители не роптали. Но они так и не пришли.

— Опять куда-то забросили,— высказал догадку Донцов.

Согласно правилам — и уж тут ничего поделывать было нельзя! — не явившимся на бой засчитывалось поражение, а их противники объявлялись победителями. Тем не менее Андрей убедился, что все остались довольны первенством. О нем долго и оживленно рассуждали на улицах, в метро, на трамвайных и троллейбусных остановках. Многих оно встряхнуло, ободрило, а наиболее восторженных позвало в спортивные залы.

Г Л А В А 15

Как ни сопротивлялась зима, как подчас ни злобствовала, но апрельское солнце было апрельским солнцем. Снег темнел, набухал и наконец рядом с тротуарами в начале робко, потом все бойчее и громче зазвенели, заискрились верткие ручейки. А голые ветви деревьев на алле густо облепляли беспокойные воробы.

В эти первые, по-настоящему весенние дни Андрей особенно тосковал по Виктории. Вот и сегодня с утра, спеша во Дворец, он то и дело обнаруживал, что отключается, погружается в свое. Механически шагая, спустился в метро, втиснулся в вагон. Опомнился — «Динамо». На лыжную базу к Анечкам явился на пятнадцать минут позже, за что получил нагоняй.

Когда с усилием выполнил упражнения и собрался уходить, пришел Невинский, по лицу которого было видно, что произошла беда.

— Что случилось?.. — спросила его Анечка большая.

— А! — досадливо махнул он рукой. — У Ходакова, оказывается, снова припадки. Такой сейчас был, у!.. Как я понимаю, оставаться ему директором больше нельзя. Это со стороны все хорошо да просто. А ведь на него, бедного, все только и налетают. Гимнасты требуют новые снаряды и маты, футболистам — стадион взамен того, что разбомбили, подавай. А уж сегодня этот дуботес Колодин совсем охамел: «Не дашь новую форму моим ребятам, выступать в госпиталь не поеду!» ...Так что, я думаю, следует в ЦК союза обращаться, чтоб нового директора присылали!

Андрей слушал и не знал, куда глаза девать. Люди думали о деле, а у него какой день голова забита совсем иным!..

Вел тренировки он с каким-то ожесточением, не щадя ни себя, ни ребят. Увлечшись со старшей группой, не слышал даже воя сирен и очень удивился, заметив, что в зал торопливо вошел Ходаков.

— Заканчивайте, заканчивайте! — прикрикнул тот. — Тревога! И вы сегодня дежурный!

Отправив ребят в бомбоубежище, Андрей оделся и поспешил на свой пост — на крышу Дворца, куда едва добился, чтоб назначали дежурить наравне со всеми. Ходаков все норовил к телефону посадить, говоря, что наверх и с двумя-то руками взобраться нелегко: сначала приходилось вылезать в окно гимнастического зала на вестибюль, затем карабкаться по шаткой, круто стоящей деревянной лестнице на самую крышу. Но он, Андрей, чтоб доказать, что ему это нипочем, тайком натренировался и теперь успешно проделывал весь путь без посторонней помощи.

Выбравшись на вестибюль, Андрей шагнул к еле видимой в темноте лестнице, вскарабкался на самый верх. Вокруг было темно и тихо. Только в соседнем дворе сердито кричали кому-то:

— Эй, гасите свет, а то стекло вышибем!..

Небо было черное, звездное. Холодный ветер пронизывал насквозь. На северо-востоке время от времени широко вспыхивало, и тогда на светлевшем небе возникал черный яйцеобразный купол Круглого зала, безлюдные соседние дворы, деревянные домики внизу, что тянулись по улице, и громада комбината «Правда» вдалеке. А еще дальше, на горизонте, уже начинали бойко прыгать желтые точки зенитных разрывов.

Крыша Большого гимнастического зала освободилась от снега, и Андрей, громыхая железом, двинулся к середине, где была оборудована площадка для дежурных — стояла бочка с песком, щит с пожарными топорами, щипцами, ломиками и имелся невысокий навес. Возле него, освещаемые вспышками, застыли в неподвижности Невинский, Колодин и Аля. Они напряженно смотрели в сторону зенитных разрывов, которые становились все гуще и стремительно надвигались.

Андрей подошел к ним, так же уставился в небо, ощущая, что всего охватывает некое жуткое, щемящее сердце чувство.

Вскоре стали доноситься и глухие звуки, словно там вытряхивали за углы огромные одеяла.

— Так, значит, мы с Колодиным, — нервно сказал Невинский, — в случае чего будем щипцами орудовать, а вы, — он коротко взглянул на Андрея и Алю, — лопатами, ясно?!

Но стрельба начала отдаляться, затихать, и в небе вскоре уже было не видно разрывов.

— Э-э-э! — презрительно протянул Невинский. — Не тот нынче фриц-то пошел! — Поежился, кивнул в сторону лестницы: — Тогда, может, погреться спустимся, а?..

Однако они не дошли даже до края крыши, как над городом опять загрохотало и через некоторое время снова с воем и пронзительным свистом то здесь, то там застучали осколки.

Где-то за комбинатом «Правда» внезапно запылало. Андрей поднял голову: снаряды рвались уже прямо над ними. В стороне Савеловского вокзала, на глазах делаясь выше и шире, растекалось еще зарево. И вдруг с треском, точно выплеснутая с высоты вода, что-то шлепнулось за Круглым залом, а все вокруг озарилось мертвенно-бледным светом. Андрей растерянно оглянулся на Невинского.

— Лыжная база! — всплеснул руками тот. — Аля, Горячев, за мной!.. Колодин, остаешься! В случае чего — крикнешь!.. — Он перевалился через парапет крыши и мгновенно исчез.

Сам не зная, как это у него получилось, Андрей вслед за Алей без задержки спустился вниз, выскочил из Дворца, обогнул угол Большого гимнастического зала — и, ошеломленный, остановился: разделив двор надвое и совсем немного не дотянувшись до лыжной базы, текла, треща и кипя, огненная речка. С соседних дворов с лопатами, баграми и топорами бежали подростки, старики, женщины и, не зная, что делать дальше, замирали на почтительном расстоянии.

— Песок, песок у базы берите!.. Закидывайте термит песком!.. — напружив жилистую шею, закричал Не-

винский, обегая растекавшуюся огненную массу, и, ярко освещенный, казавшийся еще более длинным и угловатым, сорвал с пожарного щита лопату, бесстрашно подскочил к огню и принялся орудовать ею.

Подбежав к щиту, Андрей с Алей стали сдергивать ведра и швырять к куче песка, высившейся рядом. А те, кто были с лопатами, начали со звоном наполнять их. Увидев, что одно ведро уже засыпано доверху, Андрей схватил его, бегом поднес к Невинскому. Тот, оставив лопату, с неожиданной легкостью сыпанул песок в кипящую массу.

— Еще! — сунув порожнее ведро Андрею, прохрипел он.

Опередив Алю, Андрей подбежал к песку, бросил пустое ведро, схватил наполненное — и снова помчался к Невинскому. Из-за Дворца выныривали еще люди с лопатами и ведрами. Рядом с Невинским теперь стояло четверо мужчин. И они уже с обеих сторон сыпали песок на шевелящийся, как бы извивающийся жидкий огонь.

А высоко над ними непрерывно рвались зенитные снаряды. Все сотрясая, ухали со стороны стадиона «Динамо» не то залпы зениток, не то разрывы бомб. Андрей вдруг вспомнил про излюбленный прием фашистских летчиков — швырять фугаски в очаги пожаров, и ему стало страшно, он то и дело опасливо взглядывал в черное небо. Но через некоторое время успокоился: никто из работавших не поднимал головы, словно все происходящее за пределами двора их не касалось. И он, поддаваясь общему настроению, вскоре и сам уже, не чувствуя усталости и позабыв про опасность, носился с ведрами туда и обратно. И если ему вначале представлялось, что ничего поделать со злобным, брызгающимся во все стороны белым огнем невозможно, то теперь он в радостном возбуждении отмечал, что огненная речка становится все короче и уже. А вот и последняя «заводь», на которую обрушились разом три ведра, исчезла, и Андрей с удивлением обнаружил, что уже светает, что налет окончился, вокруг тихо и покойно. Лица у всех серые, утомленные. Мужчины неторопливо, обстоятельно, словно после тяжелой работы, сворачивали самокрутки; мальчишки, гордые своим участием

в общем деле, задиристо смотрели на всех. А у женщин был такой вид, словно они только что завершили уборку и теперь устало отряхивались, оправляли волосы, платья; одна, в мужских ботинках, с сожалением цокая языком, скорбно рассматривала прожженную в двух местах юбку. И Андрею не верилось, что это они только что бесстрашно боролись с огнем. Обыкновенные люди, которых каждый день видел на улице, в метро, магазине; подчас из-за пустяков раздражались, бранились. Но вот пришла беда — себя не жалели. «Сколько же хорошего таится в человеке и ждет своего часу», — подумал он.

В ЦК союза наконец уважили просьбу Ходакова и прислали ему замену. Новый директор Дворца Александр Михайлович Митин, крупный, неторопливый, с большими задумчивыми глазами мужчина лет пятидесяти пяти, оказался скромным, внимательным и на редкость деловитым человеком. Он сразу же обследовал весь Дворец, и вскоре повсюду были вставлены стекла, починены полы, не текли нигде краны.

Забежавшие во Дворец бывший председатель Центрального совета спортобщества капитан Сочнев и бывший директор Дворца старший лейтенант Перчаткин, дивизия которых перебрасывалась на южный фронт, похвалили тренеров и работников Дворца за упорство, проявленное зимой, но сказали, что «для данного момента» этого уже маловато. Пора разворачиваться во всесоюзном масштабе!.. Словом, требовалось как можно скорее организовывать Центральный совет спортобщества.

На следующий день, приодевшись, Митин, Ходаков и Невинский направились в ВЦСПС. А через неделю после этого во Дворце появился высокий, сухощавый человек с серебристой головой. Он с озабоченным видом заходил в спортивные залы, кладовую, бухгалтерию, врачебный кабинет, расспрашивал тренеров, как им живется и работает, где они питаются, в каких магазинах прикреплены продуктовые карточки. Ночи же напролет, дежурные видели, в его кабинете горел свет или он мчался в наркомат, где по «ВЧ» налаживал

связь со спортивными коллективами эвакуированных заводов. Возвращался под утро — посеревший, молчаливый. Это был новый председатель Центрального совета спортивного общества Василий Николаевич Надеждин.

Г Л А В А 16

Утро выдалось хмурое, зябкое; с серого беспросветного неба сыпался холодный мелкий дождь. Перепрыгивая через лужи, Андрей, в стареньком, давно уже коротковатом ему демисезонном пальто и надвинутой на глаза выгоревшей кепке, торопился во Дворец, хотя каждый шаг болезненно отдавался в контуженной руке, которую ушиб несколько дней назад, упав в потемках в своем парадном с лестницы, задумавшись о Виктории, — ее так напомнила одна девушка в метро. Кроме того, ныла вся правая сторона лица, ставшая сплошной ссадиной.

Митин озабоченно оглядел сидевших по другую сторону письменного стола Невинского и Ходакова.

— И еще одно меня все больше волнует. Что-то непонятное происходит с Горячевым. Я полагаю, вы это заметили. Он сделался нелюдимым, стал опаздывать на работу. Уж не загулял ли он?..

— Нет, не думаю, — покачал головой Невинский. — Хотя...

— Раньше-то он пил?

— Да что вы! Что вы! Он же — боксер!

Митин перевел взгляд на Ходакова.

— Да, — подтвердил тот. — Это так. Понимаете ли, уж коли из настоящих спортсменов вообще очень редко кто употребляет спиртное, то боксеры — в особенности. Так что если он действительно прибегнул к алкоголю, то на это у него какая-то очень серьезная причина!

— Руку жалко... — вздохнул Невинский. — Так было пошло! Пальцы не только двигались — в кулак сжимать стал. Теперь опять повисла... Да! Нужно ему еще как-то о гибели Артема сообщить. Ведь он для него все равно что отец родной... В общем, несчастье за не-

счастьем на нас повалилось, — покачал головой Невинский. — За какие-нибудь три недели семь мастеров погибли. А теперь вот с Горячевым...

— Ну, этот еще не погиб! Раньше времени не хороши! — возмутился Ходаков, строго посмотрел на Митина. — Да и мы сами виноваты. — Он опять обернулся к Невинскому: — Вот ты, Лев Августович, каждый день с ним видишься. Так отчего же ты не подошел к нему, не спросил, а что, дескать, у тебя такое произошло, почему ты такой расстроенный?

— Да, между прочим, подумал об этом... — уводя глаза, ответил Невинский. — А потом закрутился, позабыл.

— Вот! — торжествующе воскликнул Ходаков. — В этом-то и вся наша беда: «Закрутился, позабыл»! А ведь стоило подойти к человеку, по-товарищески потолковать с ним, успокоить — и, глядишь, ничего плохого бы не произошло!.. — Он взглянул на часы. — Теперь, я думаю, нам нужно сообща поправлять дело. Вот он сейчас явится, мы и...

— Тс-с! — погрозил пальцем Невинский.

Все замерли, и стало слышно, что к двери приближаются чьи-то тяжелые шаги. Потом дверь отворилась, и они увидели, что за порогом стоит Андрей в пальто с поднятым воротником, из-за которого все равно была видна ссадина на щеке; глаза тусклые, безучастные.

— Вы меня звали?.. — равнодушным кивком поздоровавшись со всеми, обратился он к Митину.

— Да, да, заходите, пожалуйста, — переглянувшись с Ходаковым, ответил тот и, видя, что вошедший замешкался, добавил: — Ничего, ничего, раздеться можно здесь — вот вешалка.

Андрей прошел, снял пальто, картузик, опустился на стул поодаль, отчужденный, словно всем своим видом говоря: «Ну что нужно?.. Зачем приглашали?..»

Он сделал усилие, напрягая внимание: новый директор смотрит прямо на него и что-то говорит. «О чем, о чем это он?.. Ах, уже целую неделю срываются занятия боксерской секции... Занятия... А чем я могу помочь, если мне до сих пор пошевелить рукой невозможно!..» Снова сосредоточился: теперь новый директор что-то спрашивает...

— Я говорю: может быть, вы нам все-таки объясните, что с вами происходит?..— дошел до слуха его голос.

Андрей потупился, тяжело вздохнул. Все о том же, все о том!.. Дома уже надоело слышать этакое... Что происходит... Так разве ж в состоянии посторонние люди понять и верно оценить случившееся?! Да и потом, кто решится открыть вот так, перед всеми, душу, честно признаться, как с ним обошлась любимая?

— Вот видите, вы даже серьезных причин назвать не можете,— донесся до него укоризненный голос,— и это в такое время, когда стране приходится крайне трудно. Вы только посмотрите, как на фронтах-то дела обстоят!..

Андрей повернулся: карта, на ней красными флажками отмечена линия фронта. Она начиналась сверху, чуть левее Мурманска, проходила по Карелии, мимо Петрозаводска, в ужасающей близости огибала Ленинград, петляя, шла на Новгород, точно в западнe, оставляя Демянск, потом устремлялась на запад — к Великим Лукам, Велижу — и снова вдавалась в сторону Москвы, до Гжатска, после чего круто опускалась на юго-восток, к Купянску, отрезая Белоруссию, почти всю Украину, перерезала Донбасс и подбиралась к Кавказу. Он давно не подходил к карте, и то, что увидел, потрясло его.

— Но... что я могу поделать?! — с болью воскликнул он.— Что в состоянии изменить моя работа?.. Кому и чем помочь?..

— А вот это уже напрасно,— устало опуская морщинистые веки, с упреком сказал Митин; дотянулся, взял с края стола стопку писем и, твердо глядя на Андрея, добавил: — Это все вам.

Андрей взял, стал читать. Писали ученики, которые уже воевали. Они все тепло вспоминали боксерский зал, благодарили его, тренера, за все то, что он дал им и что так помогает им выполнять свой долг.

Когда Андрей дочитал и задумчиво отложил на стол последнее письмо, Митин, переглянувшись с Ходаковым и Невинским, сказал:

— И еще одно мы вам должны сообщить, товарищ Горячев. Сегодня утром пришло известие о гибели Артема Ивановича...

Андрей вскинул голову, недоуменно уставился на него. Потом, осмыслив сказанное, вскочил:

— Нашего Артема Ивановича, да?!

Митин кивнул, отводя глаза.

Забыв о том, где он находится, что от него хотят, Андрей, веря и не веря услышанному, замер, глядя перед собой невидящими глазами, и в памяти встало большое, доброе, с сурово сдвинутыми бровями, словно он конфузился своей доброты и старался упрятать ее подальше, лицо тренера.

Андрей вспомнил, как много, как терпеливо возился он с ними. И не только в зале. Заходил в школу, беседовал с учителями, следил за малейшими изменениями в их медкарточках, интересовался, кто чем живет, и, если требовалось, своевременно поправлял, показывал, как следует жить. Он знал ребят подчас лучше, нежели их собственные родители. Многих вырвал из дурных компаний, отучил от табака, не допустил к бутылке, увлекая интересно построенными тренировками, наглядно показывая, чего может добиться человек при разумном отношении к себе. Уж таких шалопаев, таких, казалось, отпетых направил на путь истинный, всякий раз оставаясь в тени! С каждой тренировкой он занимал в сознании учеников все больше и больше места. А вскоре начисто вытеснил все прежние увлечения, товарищей и даже домашних. Его слово стало для всех законом, без него не решался ни один вопрос. Ему подражали, старались во всем походить на него. И не было ничего страшнее, чем увидеть недовольный взгляд тренера. А уж мысль о том, что он может рассердиться, запретить посещать тренировки, удерживала не только его, Андрея, от глупостей и заставляла делать то, что требовалось, постепенно приучая к честности и порядку. Да что уж там! Если б не Артем Иванович, то вряд ли бы он успешно закончил школу и поступил в институт!

И вот...

— Несмотря на сильный огонь фашистов, Громов с Товмасыном вынесли тело Артема Ивановича на нашу сторону, где и похоронили... — все так же глухо продолжал Митин. — Таким образом, товарищ Горячев, теперь вся забота о боксерской секции целиком ложится на

ваши плечи. От вас одного зависит — быть или не быть боксерам во Дворце, ясно?.. За прогул я вам на первый раз объявляю выговор. А сейчас идите, готовьтесь сами и готовьте к тренировке зал.

Несколько секунд Андрей стоял неподвижно, не смея поднять глаз, затем, резко повернувшись, вышел из кабинета.

Теперь он знал одно: нужно работать, изо всех сил работать!

Г Л А В А 17

Все это время Андрей постепенно свыкался с тем, что больше никогда не увидит Артема Ивановича. А еще — он старался не думать о Виктории, отгонял от себя воспоминания о ней, стал даже снисходительно относиться к болтовне Колодина о девушках: «Все они, кошки, одинаковые!»

— Я просто диву даюсь! — возмутился однажды Красиков. — Как тебя не тошнит от трепотни этого кретина? Неужели ты веришь хоть сотой доле того, что он здесь мелет?!

— Верю! — с презрением глядя ему в глаза, ответил Андрей. — Теперь, то есть после того, как поступила со мною Витенька, всему верю! — и, резко повернувшись, пошел прочь — так ему стало ненавистно это наивное, с доверчивыми серыми глазами лицо витавшего в эмпиреях друга.

«Да прав, прав этот тип! — вспоминая рассуждения Колодина, брезгливо думал он. — Действительно кошки и действительно одинаковые! Только открой душу — безо всякой жалости наплюют!»

Увидев сбегающую по лестнице из Большого гимнастического зала Женечку с чемоданчиком в руке, он двинулся навстречу, с наслаждением наблюдая ее растерянность: она зарделась, опустила голову, замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась. И ему вдруг захотелось выместить на ней все те страдания и обиды, которые нанесла ему Виктория, и в то же время как можно сильнее уязвить бывшую подругу — вызвать у нее ревность, досаду!.. И он, приближаясь к девушке,

развязно заговорил, будто Виктория все может видеть и слышать:

— А, это ты!.. Ну здравствуй, здравствуй!.. — Окинул взглядом волнистые, по-мальчишески короткие светлые волосы, узкие плечи, всю ее хрупкую, тонкую фигурку и вдруг ощутил, как где-то в глубине души шевельнулось, стало расти чувство, какое обычно испытывал ко всему маленькому и беззащитному: «Малышка ведь...» Вспомнил, с каким восхищением она смотрела на него, отвечала на приветствия, и поспешно поправился: — Вы... домой, конечно?..

— Да, я иду домой, — глядя своими ясными, доверчивыми глазами снизу вверх, точно учителю на уроке, ответила она.

Пропуская девушку к выходу, Андрей невольно обратил внимание на ее по-детски тоненькую шею, острые углы локтей и испытал еще большие угрызения совести. «Кого собрался, идиот, ударить!..» — шагнув вслед за нею на темный двор, со стыдом подумал он. Поднял глаза на небо: оно было черное, ярко сверкали, переливаясь, звезды.

Некоторое время он шел молча, не зная, о чем говорить и каким образом себя вести, чтобы как можно скорее искупить перед спутницей вину и двинуться в сторону метро. Улица была пустынной, безлюдной. И он, вспомнив, как отбил однажды юную гимнастку у хулиганов, спохватился:

— Да! Как бы вам опять не столкнуться со шпаной!.. — Подумал, решительно добавил: — Я вас до дома провожу.

— Да не беспокойтесь, пожалуйста! Спасибо! — забормотала она, замедляя шаг. — Ведь вам же...

— Нет, нет, — довольный, что может оказать ей услугу, возразил он. — Хотя бы до ворот доведу! — и спросил, давая понять, что принятое им решение обсуждению не подлежит: — Ну, а... что вы сегодня на тренировке делали?.. К чему готовитесь?..

— Сегодня на тренировке мы отрабатывали упражнения на кольцах «в каче», — потупившись, все так же ученическим тоном ответила она. — А готовимся мы к первенству клуба, которое у нас скоро начнется...

— Вот как? Любопытно, любопытно... — делая вид,

будто его это очень интересует, воскликнул Андрей и с досадой обнаружил, что говорить не о чем, куда-то подевались все простые, хорошие слова. Молчание затягивалось. Нужно было как-то выходить из неудобного положения.

Он снова взглянул на звезды, колюче сверкавшие меж деревьев аллеи, и решил продекламировать что-нибудь. В памяти всплыли строки стихотворения, смысл и горечь которого только теперь открылись для него полностью: «Вчера ты была у меня, но тебе уж тоскливо со мной...» И он, хотя и понимал, что это не к месту, совершенно забывая, кто перед ним, негромко начал:

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны замерла,
До весны опустели сады.

— Умерла...— еле слышно подсказала Женечка.

— Что?.. А, точно, точно — умерла! — с уважением покосившись на девушку, поправился Андрей; обернулся к ней, пристально посмотрел на освещенное вспышкой лицо.— Ты любишь Бунина?..

— Да,— ответила она.— Я очень люблю природу. А ее лишь он да Тургенев так поэтично описывали...

— И любовь...— задумчиво добавил Андрей.— Только вот она у Бунина почему-то всегда очень грустно кончается...— Он тяжело вздохнул и, снова забывая, кто перед ним, с горечью сказал: — Впрочем, он в этом несколько не виноват! Так ведь в жизни и бывает, потому что мы-то к ним идем с открытым сердцем, а они...

— Кто «они»?..— глядя исподлобья, настороженно спросила Женечка.

— Ну кто же еще... Девушки, конечно! — удивляясь, как можно сразу этого не понять, со вздохом пояснил Андрей и опять, словно она не имела к ним никакого отношения, презрительно заговорил, видя перед собой Викторию: — Они же неспособны любить по-настоящему, понимаете? Неспособны!.. Для них это не главное в жизни. Так что ты перед ними душу раскрываешь,

самое заветное выкладываешь, а ей... а им, оказывается, на все на-пле-вать!..

Сзади, со стороны Дома летчиков, которым стал теперь ресторан «Яр», и спереди, из-за шоссе, грубо, отвратительно, сначала низкими утробными голосами, потом поднимаясь все выше, выше, недружно завывли сирены и почти сразу забили зенитки.

— Это что — обобщение?..— останавливаясь и уже враждебно глядя на задержавшегося Андрея, напряженно спросила Женечка.— По-вашему, все девушки такие, да?..

— Конечно! — вспоминая рассуждения Колодина и по-прежнему не смешивая ее с ними, убежденно подтвердил он — и в следующую секунду замер: Женечка вдруг резко повернулась и бросилась через шоссе, каким-то чудом не угодив под колеса с ревом промчавшегося грузовика.

— Сума... сшедшая!..— задохнувшись, дернулся в ее сторону Андрей; все вдруг понял и, также не обращая внимания на мчащиеся автомашины, кляня себя за глупость, пересек шоссе, нагнал девушку, остановил и, с силой повернув за плечи к себе лицом, крикнул, стараясь перекрыть грохот зениток:

— Прости!.. Пожалуйста, прости!.. Чушь, конечно, сморозил!..— и, не дожидаясь ответа, бросился обратно.

Г Л А В А 18

Весь день Андрей ловил себя на том, что с нетерпением ждет встречи с Женечкой, места себе не находил: простила или нет?.. Было мучительно стыдно за вчерашнее поведение, хотелось как можно скорее чем-то загладить впечатление от него и оставить девушку в покое.

После вечерней группы, которую он, не выдержав, отпустил несколько раньше, Андрей побежал в гимнастический зал. Там тренировка окончилась, было многолюдно и шумно, но он сразу увидел ее, уже одетую, с неизменным чемоданчиком в руке.

Пробившись к ней, робко тронул за локоть.

— Здравствуй... те... — с трудом выговорил — замер: как-то теперь взглянет на него?

— Ох, здравствуйте! — словно ничего между ними и не было, радостно обернувшись, ответила она, и они, не глядя друг на друга, вышли из Дворца.

На аллее было тихо и покойно. Мелькая меж деревьев, с легким гудением пронеслись редкие автомашины, по тротуару торопились запоздалые прохожие. На западе беззвучно дотлевала заря. Пахло сочными листьями, омытой недавним дождем улицей.

Идя рядом и уже не смея взять девушку под руку, Андрей против собственной воли вспоминал, как он вот так же, встретив после тренировки или показательных выступлений Викторию, выходил из светлого, шумного Дворца и шел с нею тут, не замечая ни грохочущего потока автомашин, ни таких же, как сами, парочек. И казалось, так будет всегда. Но вот первое же испытание все разрушило...

Подавляя вспыхнувшую обиду и заставляя себя больше об этом не думать, Андрей слегка наклонился к Женечке. Но уже не нахально, как накануне, а с вниманием — его о чем-то спросили.

— Я говорю: а как вам удалось вчера до дому добраться? — повторила она.

— А!.. Так я и не пытался, — удерживая вздох, ответил Андрей.

— Во Дворце ночевали, да? Прямо на ринге? И под голову, конечно, клали боксерские перчатки. Я угадала?

— Насчет перчаток — да, — краснея, подтвердил он. — Мягче ничего не нашел. Все же остальное — гораздо более прозаично: на двух креслах, в бухгалтерии, рядом с нашим грозным комендантом. Почти всю ночь не спал, оглушаемый его на редкость нехудожественным храпом.

— Это такой унылый, с вислыми усами? Воображаю, как это у него скучно получается! — звонко смеясь, воскликнула Женечка.

— Да уж, как моя соседка по квартире говорит, дальше ехать некуда! — поддаваясь настроению спутницы, с улыбкой подтвердил Андрей.

Некоторое время они шли молча, прислушиваясь к собственным шагам, приглушенному вечернему шуму

города и шелесту листвы. Говорить опять было не о чем.

— Ну, а как у вас дела с учением?..— все же надеясь спасти положение, спросил Андрей.

— Спасибо, хорошо,— ответила она.— Но очень трудно. То, что до войны проходили за три года, мы теперь должны одолеть за один, так как заводам срочно нужны специалисты.

— А... почему вы пошли в Авиационный техникум?..

Женечка помолчала, потом ответила задумчиво:

— Из-за войны. Все институты эвакуировались, а мама заболела, двинуться с места не могла. Вот я и пошла, чтоб год не пропадал.

Андрей посмотрел на нее недоверчиво. «Это что же, выходит, тебе уже восемнадцать лет?..— подумал он взволнованно.— Да нет же, не может быть!.. На взгляд больше пятнадцати не дашь!» На всякий случай уточнил:

— Так, значит, вы... десять классов окончили?..

— Да,— удивленно посмотрев, кивнула она.— А что?

— Ну-у, как бы это сказать...— смешался Андрей.— Да ничего. Просто мне хотелось...— пробормотал он, не зная, каким образом выкрутиться из глупого положения.— В общем, понимаю: если б не война, поступили бы в нетехнический вуз?

— Почему? — вскинула брови Женечка.— Я собиралась в МАИ.

— МАИ?!

— Да. А что вас так удивляет?.. Я очень люблю авиацию.— Она задумалась.— У нас вся семья авиационная. Папа — летчик, мама окончила Авиационный институт и преподавала там. А когда его эвакуировали, перешла в Авиатехникум имени Годовикова.— Она доверительно посмотрела на Андрея: — Понимаете ли, мои родители считали, что у них должен быть мальчик... А вот появилась я. Но я всегда была как мальчишка! Играла в мальчишеские игры, лазила по заборам, деревьям, прыгала с крыш сараев. Меня и одевали как мальчишку! Папа частенько брал с собою на аэродром, и все думали, что я и есть мальчик,

говорили мне: «А, молодой Антипов к воздуху приобщается!..»

Андрей посмотрел на девушку с восхищением: верно, ну верно! В ней действительно есть что-то мальчишеское. Не раз наблюдал, как она смелее других гимнасток выполняла упражнения на снарядах, храбро бралась за разучивание сложных элементов и комбинаций движений.

— И вот в один прекрасный...— задумчиво продолжала она,— вернее, в один далеко не прекрасный день мама купила мне платье и сказала, что теперь я буду надевать его. Ох, как же я ревела! Ведь их носили плаксы и ябеды-девчонки!..

— Так, значит, полковник Антипов, о котором писали весной в газетах...— с состраданием начал Андрей.

— Да, да,— печально кивнула Женечка,— мой папа... Но я до сих пор не могу говорить о нем в прошедшем времени...

После этих слов Андрей, полный сочувствия, взял девушку под локоть, и они долго шли молча. Андрей явственно представил себе, как обьятый пламенем самолет Женечкиного отца,— в неравном бою он сбил трех фашистов, но подоспели еще «мессеры» и зажгли его,— оставляя за собою черный хвост, падает с огромной высоты. И пилот мог, у него было достаточно времени, чтобы выброситься с парашютом, спасти свою жизнь. Но он не сделал этого, а направил горящую машину в груды скопившейся на дороге вражеской техники...

Андрей крепко прижал локоть девушки к себе.

Возле Клуба летчиков аллею пересекал широкий проезд. Здесь было светлее, и стало опять видно зарю — она уже едва теплилась.

— Ой, ну как же все это надоело! — замедляя шаг, тоскливо протянула Женечка.

— А что такое?..— встревоженно спросил Андрей.

— Да вот! — она указала на розовый край неба над самыми верхушками деревьев: там начинали беззвучно прыгать белые, не более булавочной головки шарики.

— А-а-а... Но почему же тогда не объявляют тревогу? — удивился Андрей.

— Так ее уже давно объявили! — поднимая перед собой указательный палец, воскликнула Женечка. — Слышите?.. Просто... Просто мы с вами заговорились!

Андрей насторожился: в самом деле, сирены вокруг, уже теряя силу, переходили на низкие тона.

— Вот так раз! — смущенно пробормотал он. — Значит, счастливые не только часов не примечают...

— Болтливые! — смеясь, поправила Женечка. — Вернее будет — болтливые!.. — Она заодно тряхнула головой, вскинула глаза: — А знаете что... А пойдете к нам! Я вас с мамой познакомлю!

Андрей любовался девушкой. В самом деле, никогда не видел ее такой милой и оживленной. Глаза у нее искрились, сверкали, щеки потемнели. И он с волнением поймал себя на том, что ему с нею хорошо и совсем не хочется расставаться. Также тряхнув головой, ответил: — Пойдемте!..

И они двинулись через шоссе.

Небольшой бревенчатый дом с мезонином, в котором жила Женечка, темнел в глубине двора, окруженный вековыми соснами. Не верилось даже, что они находятся в Москве. Настоящая дача. Женечка сказала, что до революции это и была дача московского аристократа, которую потом заселили военными летчиками.

В квартиру она вошла первой, и Андрей сразу же услышал приятный женский голос:

— Ах, как хорошо, девочка, что ты не задержалась! Мы только что отвели всех в убежище, и я уже стала беспокоиться о тебе!..

— Мама! — счастливо воскликнула Женечка. — А я не одна!.. — и, справившись с волнением, звонко сказала вышедшей в осветившуюся переднюю невысокой, худенькой, с добрыми темными глазами седой женщине: — Знакомься: это из нашего Дворца... Помнишь, я тебе рассказывала, как меня спас от хулиганов один боксер, Андрей Горячев? Так это он!.. — и тотчас — Андрею: — Моя мама, Нина Аркадьевна.

Андрей осторожно пожал худенькую, слабую руку.

— А левой — он потому, что правая у него... контужена... — пояснила Женечка.

— Ничего-ничего! — с состраданием глядя на Анд-

рея Женечкиными глазами, ободряюще сказала Нина Аркадьевна. — Проходите, пожалуйста, — она распахнула дверь в неярко освещенную, уютную, сплошь увешанную пейзажами, натюрмортами и портретами комнату.

Андрей вошел, и его взгляд сразу же выделил из всего этого многообразия мужественное лицо готового к полету летчика в наглухо застегнутом шлеме и атлета с двумя пузатыми гирями над головой — все мускулы у него напряжены, — оба явно списаны с одного человека. Понял, что это и есть Женечкин отец.

Потом его внимание привлек мальчуган с удочкой в руках. Очень хорошо были схвачены художником его восторженные глаза, порывистость движений и детская непосредственность.

— Это кто же все... нарисовал? — с уважением спросил он.

— Мама! — горделиво ответила Женечка. — Она у нас художница!

— В свободное от работы время, — сконфуженно добавила Нина Аркадьевна. — И многое просто нет времени снять.

— Да что вы, что вы! — снова оглядывая картины, воскликнул Андрей. — Здесь все, все очень хорошо! Особенно... вот этот паренек!

— Так это же я! — рассмеялась Женечка.

Смутившись, Андрей взгляделся в рыболова: действительно она, ее задорные глаза, чуть вздернутый носик, — пробормотал:

— В самом деле похожа, не узнал...

— Да и никто не узнавал, — поддержала Нина Аркадьевна. — Все принимали за мальчишку. А она ходила руки в карманы и даже драться умела.

— Правда?! — Андрей радостно обернулся к Женечке.

— Еще как! — сжимая по-детски маленькие кулаки и выпячивая грудь, тоном уличного забияки, воскликнула она.

— И вы знаете, — продолжала Нина Аркадьевна, — никогда не плакала. Мальчишки не выдерживали, ревели, а вот она — нет. А потом отец заинтересовал ее гимнастикой, отвел в ваш Дворец.

— Он увлекался гиревым спортом,— вставила Женечка.

— Я это уже понял,— кивнул на картину Андрей.

— И вначале мне за нее было очень страшно,— смущенно призналась Нина Аркадьевна.— Увижу, как она на турнике, на брусках или же на кольцах что-нибудь выделяет, прямо сердце замирает. Но потом ничего, привыкла. Стала часто ходить к вам в клуб, смотрела состязания, рисовала.

Андрей с интересом оглядывал картины. Вот застыл со штангой над головой огромный, с мощной мускулатурой торжествующий человек. Чуть повыше, оторвав противника от ковра и бесстрашно падая с ним назад, бросал через себя крепко сложенный, очень напоминавший Алиного Диму борец, а широкоплечий, узкобедный гимнаст выполнял на турнике «солнышко».

— Но вот бокса, извините, пожалуйста, я никогда... не понимала,— сказала вдруг Нина Аркадьевна.— Он всегда мне представлялся... как бы это выразиться... неэстетичным... даже грубым.

— Мама! — воскликнула Женечка.

— Нет-нет, отчего же,— пробормотал Андрей.— Очень хорошо, когда честно! — Он обернулся к Нине Аркадьевне: — Но... это только так вначале кажется. Увидите поближе, поймете и полюбите!

Нина Аркадьевна с сомнением покачала головой.

— Обязательно полюбите! — убежденно повторил Андрей.

За окном глухо забили зенитки. Нина Аркадьевна постояла, послушала, потом спокойно сказала:

— Это не у нас. Пойду взгляну чайник, он уже давно на керосинке греется. Чаю попьем,— и она вышла из комнаты.

— А в бомбоубежище вы не ходите? — спросил Женечку Андрей.

— Раньше ходили, сейчас — нет,— расставляя на столе посуду, ответила она.— Теперь мама вместе с другими активистами отводит туда инвалидов, женщин, стариков и детей, а сама возвращается.

— Прошу к столу! — входя в комнату с кипящим чайником и подставкой в руках, оживленно проговорила Нина Аркадьевна.

Уверая, что он не голоден, Андрей попытался отказаться, но ничего из этого не получилось. Тогда он, сев за стол, старался как можно меньше выпить и съесть. Некоторое время он испытывал еще большее стеснение и неловкость. Но Нина Аркадьевна продолжала разговор о боксе, пообещала пойти на первые же состязания, спрашивала, мягкие ли перчатки, куда разрешается наносить удары, как долго длится поединок. И чувствовалось, что поступала она таким образом не из приличия, что это ее действительно заинтересовало. И Андрей вновь оживился, а вскоре держался так, словно бывал здесь не раз.

Домой он ушел в двенадцатом часу, хотя отбой дали гораздо раньше. Женечка проводила до ворот. Дальше он не позволил. Когда же, крепко пожав ей руку, он с сожалением шагнул в калитку, за садом и домом неожиданно грянули зенитки и вскоре вокруг опять ухало и грохотало. Снова сделалось светло от вспышек и осветительных ракет.

Андрей заметил, что от дома к воротам скорым шагом, почти бегом, приближается Нина Аркадьевна.

— Как хорошо, что вы не ушли! — воскликнула она, обращаясь к Андрею; затем, глядя поверх деревьев на вспарываемое вспышками небо, насупилась: — Все-таки прорвался какой-то фашист!..

Она хотела еще что-то добавить, но внезапно выделился изо всех остальных звуков тонкий, нарастающий вой.

— Ложитесь! — властно приказала она, и Андрей почувствовал, что его буквально сбили с ног, а в следующее мгновение услышал, как неподалеку от них, сразу же за кондитерской фабрикой «Большевик», грохнуло и дрогнула земля, затем раздался треск и отчаянные вопли.

Вскочив и переглянувшись с Женечкой, он бросился туда, слыша, что девушка не отстает от него.

Бомба упала на соседней улице, и осевшей стеной трехэтажного дома придавило ноги мальчику лет пятнадцати, возле которого суетились люди, пытаясь как-то помочь.

Когда Андрей с Женечкой прибежали туда, мальчик уже потерял сознание и умолк. А над головами выло

и грохотало, вспыхивало и дробилось, и страшно накренившаяся стена дома могла в любую секунду рухнуть от небольшого сотрясения и похоронить под собою и мальчика и всех спасавших его. Но делавшие свое дело мужчины и женщины не обращали на опасность никакого внимания. Они осторожно выбивали из стены кирпичи, высвобождая ноги несчастного.

Несмотря на боль в руке, Андрей, не раздумывая, бросился к ним, стал помогать. В следующую минуту обнаружил, что рядом Женечка. Хотел крикнуть, чтоб она немедленно ушла из-под стены, но в этот момент мальчик пришел в себя, воздух опять огласился жуткими криками боли, и Андрей, стиснув зубы, обо всем забыл.

А потом приехала «скорая помощь», мальчику сделали укол, он затих. Когда же спасающие снова принялись его высвобождать, над головами неожиданно возник, стал стремительно приближаться, с каждым мгновением усиливаясь, звук падающей бомбы.

Выхватив Женечку из-под стены и отшвырнув ее как можно дальше в сторону, Андрей накрыл ее собственным телом.

Взрыва он не слышал. Когда же опомнился, понял, что лежит на земле, затем увидел над собою освещенное слабым светом наступающего утра заплаканное лицо Женечки, белую шапочку врача и, хотя ощутил страшную боль в затылке, собрав все силы, приподнялся, взглянул на то место, где лежал мальчик: там высилась огромная куча кирпича, торчали покореженные балки, бревна, которые лихорадочно разбирали сбежавшиеся с соседних дворов люди, — испуганно схватил и прижал к груди руку Женечки.

Г Л А В А 19

С высоты эстрады Андрей увидел огромное пространство Массового поля Центрального парка, заполненное гудящими зрителями, и ему представилось, что он пришел сюда, чтобы выступить. Сейчас в крошечной боковушке переоденется в боевую форму, натянет перчатки, выйдет на середину и его, как всегда, встретят дружны-

ми аплодисментами. И главное, воскресенье-то выдалось редкостное: теплое, солнечное, дождем и не пахнет!

Он огляделся: все вокруг привычно, тысячу раз видено. Вот серебрится повисший над Москвою-рекой, будто игрушечный, Крымский мост. Вдалеке, справа, отчетливо вырисовываются остроконечные башни Кремля, золотые купола соборов, белоснежная колокольня Ивана Великого. Вдоль же набережной, слева, совсем рядом, лежат на брюхе, точно допотопные чудища, спущенные на день аэростаты воздушного заграждения.

Андрей отвел от них взгляд: по Массовому полю, нарастая, прокатились аплодисменты, — увидел, что на эстраду, внешне спокойная, хотя щеки и порозовели от волнения, все в том же темно-синем купальнике выходит Женечка.

Вот она остановилась в центре, такая миниатюрная на фоне огромной раковины эстрады, выпрямилась, замерла, глядя на пианистку. И Андрей, любуясь девушкой, в первый раз осознал, что она для него не только милый, чуткий, каким-то образом верно понявший его товарищ, на которого до сих пор смотрел с умилением, но не всерьез — малышка! — а равная, достойная его подруга. Встревоженно подумал, что последние дни она отчего-то погрузилась, совсем не раздавался ее по-детски звонкий, откровенный смех.

Боясь, что она сейчас заметит его и смутится, он, мягко толкнув дверь, прошел к ученикам.

«Сегодня же должен поговорить с нею! — решительно подумал он. — Все открыть, объяснить. И про Викторию, и про все, про все! Ведь она же до сих пор ничего не знает обо мне, а так нельзя!»

После выступлений, когда участники стали протискиваться сквозь толпу зрителей к выходу из парка, Андрей изловчился, незаметно придержал Женечку за локоть — она покорно отстала. Опасаясь, как бы их не хватились, он поскорее вывел ее на набережную Москвы-реки и увлек к Нескучному саду — там обычно было меньше гуляющих. Они миновали высокий дощатый забор Зеленого театра, китайской стеной взбегавший вверх, перешли горбатый, сложенный из белого камня

мостик через овраг и стали подниматься по неширокой дорожке в гору. Все это было родное ему, близкое, он жадно оглядывался, невольно вспоминал то одно, то другое. Потом, спохватившись, обернулся к спутнице — у нее скорбно изломились брови.

— Извини, задумался, — пробормотал он. — Ведь здесь прошло мое детство. Я через реку живу. — Он взгляделся в ее лицо. — Но скажи, пожалуйста, что с тобою? Отчего ты последние дни какая-то не такая? Что-нибудь дома произошло?..

Она отрицательно покачала головой.

Они поднялись наверх и, скрытые сплошными, ровно подстриженными кустами шиповника, медленно пошли по неширокой безлюдной аллейке, точно по коридору.

— Но... тогда что же с тобою в таком случае? — воскликнул Андрей, останавливаясь и загораживая девушке дорогу; в первый раз обнял ее за талию и легонько привлек к себе.

Женечка смотрела на него снизу вверх так грустно, что он, не умея сдержатъ порыва нежности, поцеловал ее в губы. Потом — еще, еще.

Она не отталкивала, не противилась; потом все же отстранилась, еле слышно спросила:

— Ты меня любишь?

— Да! — радостно сказал он.

Лицо Женечки дрогнуло.

— Правда?! — Она рванулась к нему — на полпути замерла, словно на что-то натолкнувшись. — А как же та... девушка?.. — трудно выговорила она.

— Какая?!

— А которую Витей зовут... Виктория, значит?.. Андрей густо покраснел.

— Откуда ты о ней знаешь? — недобро спросил он. — Кто тебе сказал?

— Ты.

Андрей отшатнулся, посмотрел оторопело.

— Да, — грустно подтвердила Женечка. — Ты не раз называл меня этим именем...

Ненавидя себя, Андрей крепко прижал ее к груди.

— Милая... Милая!.. — задыхаясь, шептал он. «Так вот отчего она была иногда такой грустной-то!» — с со-

страданием подумал; огляделся, ища глазами, на что бы сесть; заметил нишу в зеленой стене шиповника и белевший край скамьи, увлек девушку туда.— Ты понимаешь, я давно собирался тебе все-все рассказать,— усаживая ее и опускаясь рядом, заговорил он,— да всякий раз как-то духу не хватало, не решался, понимаешь?.. Так слушай же...

Когда он, ничего не утаив, рассказал о Виктории, Женечка сама обняла его. Но совсем рядом, из-за деревьев, внезапно ударил гром, от которого подпрыгнула скамья. И Андрей не сразу понял, что это — зенитки. Потом ударило еще, еще... он огляделся: было уже совсем темно.

— Ой, как же теперь мама?! — забеспокоилась Женечка.

— Да ничего! Мы ей позвоним! — стараясь перекрыть гул канонады, успокоил Андрей.— У Зеленого театра автомат есть! Побежали!..— и они бросились по уходящей вниз дорожке.

Однако, миновав живой коридор и выбежав на голый склон горы, оба невольно остановились, пораженные величием открывшейся панорамы: впереди, за черной лентой реки, четко очерченной светло-серыми, плавно изгибающимися линиями гранитных берегов, освещаемая вспышками, как бы возникая вдруг из ничего, проявлялась необъятная ширь города, над которым по черному куполу небосвода беззвучно прыгали бесчисленные золотые точки зенитных разрывов и лихорадочно метались тонкие щупальца прожекторов. Изредка то здесь, то там в это гигантское кружево вплетались оранжевые пунктиры трассирующих очередей или яркими лампочками повисали осветительные ракеты. В небе ухало, свистело, визжало. Под ногами то и дело, но всякий раз неожиданно, тяжело вздрагивала земля. Пахло гарью, пороховым дымом, предосенней свежестью ночи...

На следующий день, когда Андрей подходил к ресторану «Спорт», намереваясь на скорую руку перекусить, навстречу ему из-за стеклянных дверей вышла Аля — явно подстерегала.

— Нам нужно поговорить,— глухо сказала она.—

Пообедать успеешь...— и, не дожидаясь ответа, двинулась в сторону аллеи.

— Так вот,— строго уставившись перед собой, через некоторое время начала она,— я вчера сразу поняла, что ваше отсутствие с Женечкой... не случайно. И можешь не отпираться!

— А я и не собираюсь,— ответил Андрей.

Аля резко повернула к нему голову, посмотрела пристально.

— Так это, значит... серьезно?..

— Да,— подтвердил Андрей; остановился, заглянул ей в глаза.— Больше вопросов нет?

Аля, недоверчиво глядя, покачала головой.

— Тогда извини,— будто не замечая ее сомнений, сказал Андрей,— у меня времени в обрез. Через полчаса должна начаться очень важная тренировка! — и он, кивнув, зашагал прочь.

После вечерней группы, напрасно прождав Женечку возле Дворца, Андрей, обеспокоенный, не обращая внимания на холодный дождь, бросился к ней. Та оказалась дома одна, и у нее было заплаканное лицо.

— Почему не на тренировке? — прямо в дверях спросил ее.

— Не хочу...— не глядя на него, еле слышно ответила она и, медленно повернувшись, пошла в комнату.— Да и потом я вообще теперь больше не буду ходить во Дворец...

— Но... почему?! — недоуменно воскликнул Андрей — в следующую минуту настиг ее, повернул к себе лицом и виновато прижал к груди, приговаривая: — Глупая! Да какая же ты глупая!.. — Тряхнул головой: — Хочешь быть моей женой?..

Женечка посмотрела широко раскрытыми глазами, потом прильнула к нему — маленькая, беззащитная.

— Я... не думала, что ты... такой!.. — прошептала она.— Ведь о тебе так нехорошо говорят вокруг!.. Будто ты... Нет, нет, не могу!.. Будто у тебя десятки девушек!

— Что?! Да кто же мог сказать подобную гадость?! — удивленно воскликнул он.

— Девочки...

— А им — кто?

— А им... Дай честное слово, что ты при нем даже вида не покажешь, что знаешь?

— Н-ну, хорошо.

— Колодин. Он и мне жаловался, что очень боится за своих акробатов, когда ты заходишь к нему в зал.

— Подлец! Ну, подлец! — вырвалось у Андрея.

— Но ты... дал слово!

— Да, да, не волнуйся, — успокоил он; оглядел ее заплаканное и от этого еще более детское лицо, не удержался, привлек к себе и крепко поцеловал в соленые глаза. — Ну, ладно, оставим этого типа. Но тогда как же ты-то после подобных ну... рассказней осмеливалась оставаться со мной наедине?!

Вместо ответа она, вся дрожа, плотно прижалась к нему.

— Ну не надо, возьми себя в руки, ведь ты сильная! — ласково сказал Андрей. — Тревожно заглянул ей в лицо: — Подожди, но что скажет твоя мама?

Женечка, словно защищая его, обняла.

— Не беспокойся, мама любит тебя!..

В загс Андрей с Женечкой пошли седьмого сентября — так просила Нина Аркадьевна, уверявшая, что это самое счастливое число в году, хотя день был пасмурный, дождливый. Из друзей явились только Мишка с Красиковым. Ходакова срочно вызвали в Московский комитет физкультуры. А с Алей случилась беда: поскользнулась на улице, сильно растянула голеностоп — второй день на работу не выходила. Приехали Ольга Николаевна с тетей Наташей. Андрей, краснея, видел, что их очень смутила незнакомая обстановка. Нина Аркадьевна изо всех сил старалась, чтоб они чувствовали себя свободно, была внимательна к ним, любезна. Но Андрей с досадой отмечал, что гости по-прежнему сидели отчужденно, не вступали в общий разговор, отвечали односложно, не поднимая от тарелок глаз.

Не стало легче даже после того, как выпили в честь молодых с трудом добытого по талонам портвейна. Потом мало-помалу обе все же разговорились. Но за слезящимися окнами неожиданно раздались плач, причитания, и они, тревожно переглянувшись, замолчали. Нина

Аркадьевна поспешно выбралась из-за стола. Оставшиеся сидели неподвижно, напряженно ждали.

— Вася Бычков погиб... — через некоторое время вернувшись, скорбно сказала она, обращаясь к Женечке, и пояснила всем: — Сын наших соседей... морской летчик... Только что похоронку принесли...

Никто не проронил ни звука. Андрей опустил голову. А тетя Наташа, беспокойно посмотрев на темнеющее окно, испуганно сказала, что «пора домой собирать, а то, не ровен час, как бы тревога в пути не прихватила».

Проводив их до метро, Андрей с Женечкой взялись за руки и молча двинулись обратно: жить, по просьбе Нины Аркадьевны, он согласился у них.

Г Л А В А 20

— Же-неч-ка! — крикнула из-за двери Нина Аркадьевна.

Андрей в последний раз благодарно поцеловал жену, которая, как всегда перед уходом в техникум, торопливо повторила ему, что он должен разогреть себе на завтрак, на обед, и та выбежала в переднюю.

— Мамочка, но мы же успеем! — сказала она готовой к выходу Нине Аркадьевне, а Андрей, поспешно сняв с вешалки старенькое подростковое пальто с цигейковым воротником, неуклюже, больше мешая, нежели помогая, надел его на жену.

— Мы должны не успеть, а быть на месте за пять—десять минут до звонка! — возразила Нина Аркадьевна и полушутливо-полусерьезно обратилась к Андрею: — Портите вы мне ее, Андрюша! Раньше она меня ждала, а не я!

Андрей извинился, пожелал обоим счастливого пути, затворил дверь, и на душе у него сделалось тоскливо. Он задумчиво прошел в комнату, с какою-то тяжестью на сердце огляделся: картины и книги, книги и картины. Одни висели на стенах, другие смотрели из огромного шкафа, с полок и письменного стола Нины Аркадьевны, стоявшего возле окна, занавешенного тяжелой шторой; одна лежала на тахте, покрытой толстым ковром, спра-

ва у стены. И все это смотрело на него с такою доверчивостью, что ему всякий раз становилось не по себе. Третий месяц жил он здесь, но до недавнего времени, хотя тщательно скрывал это от самого себя, чувствовал чужим. Нет, Женечка и Нина Аркадьевна относились к нему тепло, заботливо, старались сами все сделать по хозяйству. Раз даже обнаружил, что дрова тайком колют. Едва убедил, чтоб больше не поступали так, потому что ему это вовсе не в тягость.

Да и вообще, как все больше убеждался, обе были очень добрые и отзывчивые. Они могли обласкать и накормить обиженного забияками мальчугана, никогда не отказывали приходившим к ним за солью, спичками, сахаром, хлебом или деньгами соседям, если имелось у самих. И между собой у них были простые, товарищеские отношения. Тем не менее обе не делались ему ближе и роднее, так как он постоянно испытывал перед ними вину, смысл которой долго не мог, да и не решался определить. Но однажды все-таки заставил себя честно посмотреть правде в глаза: то, чего надеялся достичь женитьбой, достигнуто не было — Виктория не шла из сердца. А Женечка с чуткостью любящей нет-нет да и обнаруживала соперницу, и в ее глазах появлялась печаль. Тогда, ненавидя себя и презирая, он лгал, что хандрит от чувства недовольства собою, от тоски по рингу и сознания собственной неполноценности, старался быть иным, искренне веря в свое избавление. Однако проходило время и все повторялось сначала.

В такие минуты он чувствовал себя подлецом, не смел поднять на Женечку и Нину Аркадьевну глаз, весь сжимался, не зная, как вести себя с ними, о чем говорить. И, не придумав ничего лучшего, спешил уйти из дому или же прятался за учебники и конспекты, хотя, глядя в них, ничего не видел.

Но вот несколько дней назад он осознал, что с этим должно быть покончено во что бы то ни стало и бесповоротно. В тот вечер он случайно вернулся из Дворца раньше обычного, и его поразили странные звуки, доносившиеся из их комнаты. Не раздеваясь, он бросился туда и увидел в полутьме лежащую на кровати Женечку, которая, уткнувшись лицом в подушку и вся вздрагивая, безутешно плакала. Когда же, недоумевая, он

подскочил к ней, приподнял и вопросительно заглянул в мокрое от слез, похудевшее и посеревшее за последние дни лицо жены, в ее безнадежно-несчастные глаза, ему стало все ясно, он понял, что это не в первый раз и что он не имеет права долее причинять ей боль.

Едва сдерживая слезы, он опустился рядом, привлек ее, словно защищая от кого-то, к себе, и так они долго сидели в сгущавшейся темноте, не говоря ни слова. С этого вечера он, испытывая перед женою вину, разительно переменялся к ней. Стал внимательным, ласковым, старался хоть как-то облегчить ей жизнь: опережая ее, подметал пол, мыл посуду, часами простаивал в очередях за продуктами. Все более свободным, естественным делалось их общение и с Ниной Аркадьевной. Да и вообще после того памятного вечера отношение к людям у него резко изменилось: он стал терпимее, сдержаннее и доброжелательнее ко всем. Даже на учеников не злился, если они не сразу его понимали, не могли вслед за ним правильно повторить какой-нибудь прием или позволяли себе подчас какую-либо шалость.

Менялся он и внешне: становился спокойнее, увереннее в себе, в собственных действиях, исчезала излишняя порывистость в движениях и, даже когда делал теперь кому-нибудь замечание, не повышал голоса...

Андрей шагнул было на кухню, чтоб разогреть завтрак, но вспомнил, как горячо убеждала его накануне жена, по совету Анечек взявшая теперь над ним шефство, в пользу регулярных физических упражнений, терпеливо проделал разработанный с нею комплекс. Потом позавтракал и прошел в маленькую комнату, где на письменном столике лежали взятые у Донцова увесистые книги.

В первые же дни Нина Аркадьевна мягко спросила, собирается ли он заканчивать институт. Он, смутившись, ответил, что да, но только не тот, в котором учился до войны, и приготовился к обороне. Но она и не думала спорить, а сказала лишь, что против этого невозможно возражать, так как будущую профессию необходимо любить безоговорочно.

Андрей бросил взгляд на часы: до утренней группы оставалось не так уж много времени, а нужно еще наколоть и наносить дров, чтоб этого не сделала в его отсут-

ствие Женечка. Он уселся за стол, включил лампу и сразу углубился в работу. Умение быстро переключаться с одного на другое было его счастливой особенностью.

Он захлопнул книгу, когда в комнату сквозь шторы уже во всю светило холодное зимнее солнце, надел лыжный костюм, наколот и наносил дров, после чего направился во Дворец. Войдя в вестибюль, остановился: из-под черной тарелки репродуктора угрюмо расходились комендант, Невинский, дядя Лавруша, уборщицы. Без слов понял, что в Сталинграде приходится туго. На сердце снова сделалось тяжело, опять ощутил неловкость, что находится здесь, а не на фронте.

Когда Андрей закончил тренировку, его вызвали к Надеждину. В кабинете уже волновались Ходаков, Красиков, Колодин и Аля. Оказалось, дивизии, в которой воюют с фашистами и их товарищи, присвоено звание гвардейской и решено послать в ее расположение бригаду мастеров спорта, чтоб поздравить личный состав и выступить перед ними.

— Прямо на фронт поедем?! — взволнованно спросила Аля.

— Да,— кивнул Надеждин.— Как только там станет немного спокойнее. Так что подберите, пожалуйста, ребят понадежнее.

«Ох, да я таких подберу!..» — подумал Андрей.

Придя домой и не застав там Женечки, он ощутил, что все мысли отходят в сторону, вытесняемые тревогой за жену. Не случилось ли чего?..

Не пришла она и тогда, когда он провел занятия со старшей группой. А на улице уже сделалось темно, опять разыгралась вьюга. Он не выдержал, стал торопливо одеваться, чтоб ехать разыскивать ее, но в дверях лязгнул ключ и в переднюю шагнула она, багровая от ледяного ветра, с инеем в выбившихся из-под платка волосах и на ресницах, оживленная и веселая. Оказалось, ей пришлось срочно сдавать лист по черчению, и она провела несколько часов в чертежном кабинете. Андрей не удержался, расцеловал ее в холодные, пахнущие улицей щеки, рассказал о предстоящей поездке, бросился разжигать керосинку.

За столом он старался незаметно подсунуть ей лучший кусок, сердился, когда это делала она.

— Да! Так я же последний номер «Огонька» купила!.. — спохватилась Женечка, когда они выпили чай, и, выбежав в переднюю, принесла пахнущий свежей типографской краской журнал.

Андрей взял его и замер: с обложки на него, как живая, смотрела Лялька: в маскхалате, со снайперской винтовкой. Он в замешательстве встал: ведь в кармане лежат два письма от нее, которые ему передала тетя Наташа и которые почему-то он не решился показать жене.

— Ты что?.. Что с тобою?.. — спросила она.

Не ответив, Андрей принес письма.

— Так читай же, и мы на них вместе ответим! — воскликнула Женечка.

Андрей с благодарностью посмотрел на жену, одно за другим прочитал оба письма, в которых Лялька просила извинить ее за долгое молчание:

— «Пришлось побывать в медсанбате. Рана-то так себе, пустяковая, но писать из-за нее не могла. Теперь снова хожу на охоту. Вчера счет у меня стал опять больше всех во взводе — шестьдесят семь фашистов. И было бы еще больше, если б нас чересчур не опекали. Только и норовят в тыл запрягать. На днях мы с подругой не выдержали, к самому командиру полка прорвались, пожаловались, что с нами точно с малыми детьми обращаются. Но и он нас не поддержал: «Извольте выполнять приказы старших по званию!» — и все. Тогда мы стали без разрешения бегать на передовую. Отстанем от своей роты и пристраиваемся к какой-нибудь части, идущей в ту сторону. Правда, нас за это уже наказали нарядами вне очереди. Но мы не сдаемся, при каждом удобном случае все равно пробираемся на передний край. Вы спрашиваете, трудно ли мне здесь? Честно говоря, иногда нелегко приходится: и большие переходы, и внезапные броски, и бессонные ночи. Иной раз все наши девчата с ног валяются, а я — ничего, держусь. Уж меня в роте иначе теперь и не зовут, как двужилная. И я за это всегда с большой благодарностью вспоминаю наш заводской спортивный зал. Хорошо у нас было, правда?.. Крепко жму руку, с нетерпением жду Вашего

письма. Воеводина», — закончил Андрей, медленно поднял глаза на Женечку. — Вот какая у меня была ученица.

— Славная девушка! — воскликнула она.

Отвечали Ляльке вместе и писать уже просили по новому адресу. После же того, как Андрей, накинув пальто, сбегал и опустил письмо, они сидели на низенькой скамейке возле деловито потрескивающей печки. Женечка штопала его тренировочную рубашку, а он, любуясь ее какими-то очень милыми, женственными движениями, время от времени подкладывал в печку дрова. И вдруг как-то необычно шумно отворилась уличная дверь и из передней раздался возбужденный голос Нины Аркадьевны:

— Дети, вы дома?.. И ничего не знаете?! Наши войска под Сталинградом в наступление пошли!.. Включайте скорее радио!..

Андрей в два прыжка приблизился к розетке, сунул в нее вилку репродуктора. Но оттуда вырвались лишь бодрые звуки марша, какие обычно следовали после важных сообщений. Андрей обернулся к жене — она, отложив работу и еще не смея радоваться, медленно поднималась, — кинулся к ней, крепко прижал к себе.

А потом, несмотря на поздний час, прибежал Мишка. Глаза у него блестели — уже успел где-то тяпнуть.

— Ну, Андрюшк, ну, а как я мог... не того?! — воскликнул он, прочитав во взгляде Андрея молчаливый упрек. — Можешь себе представить, только что по радио объявили: моя часть — ты понимаешь? — моя часть в боях отличилась!

Г Л А В А 21

Снова оживились, почернели от многолюдства улицы Москвы. Несмотря на крепкий мороз, под репродукторами, у щитов с газетами, газетных киосков волновались толпы, шумели, обсуждали последние сообщения Информбюро. Донцов при встречах подмигивал:

— Ну что? Что я говорил?! Обожди, обожди, доро-

гой, то ли еще будет! Ведь Бисмарк в свое время что советовал?! Не послушали!..

Во Дворце в эти дни с утра до поздней ночи царило праздничное оживление. Наплыв новичков оказался настолько велик, что пришлось временно прекратить прием во все секции. Но и это не спасало — объявлялись ветераны клуба, а уж этим отказывать было просто глупо. Залы были перегружены даже в утренние часы, тренеры без отдыха проводили занятие за занятием. Всех словно подхлестывали сообщения с фронта: наши войска все сильнее сжимали кольцо окружения вокруг трехсоттысячной группировки под Сталинградом.

Андрей не выходил из боксерского зала с десяти утра до десяти вечера, иной раз с трудом вырывался перекусить. Сам не понимал, каким образом выдерживает подобное напряжение. Да и ученики удивляли все больше. Никто не убавлял им работы и не улучшал питания, а в них словно влились свежие силы. Спарринги с каждым разом протекали все азартнее, его все чаще спрашивали о состязаниях. Человеческий организм продолжал изумлять Андрея своею неисчерпаемостью.

То же самое рассказывали о своих воспитанниках Красиков, Невинский, Ходаков и Аля с дядей Петей. Такое же настроение, по-видимому, наблюдалось и в других спортивных обществах, так как вскоре Московский комитет физкультуры решил опять провести первенство города. Нужно было срочно начинать подготовку к грядущим боям, подбирать команду. Домой Андрей возвращался теперь еще позднее и вечно недовольный собой. Однако состоявшийся наконец в один из этих дней общегородской открытый ринг стал настоящим его триумфом: из пятнадцати воспитанников четырнадцать одержали убедительные победы, показав себя при этом техничными, выносливыми и разносторонними бойцами. Много сил и уверенности дал Андрею этот первый после начала войны выход на московский ринг. И что особенно было приятно ему: на эти состязания, посоветовавшись с Женечкой, он пригласил Нину Аркадьевну, и ей очень понравились поединки. А через некоторое время на стене, потеснив другие картины, появилась еще одна: за белоснежными канатами ринга, окру-

женного со всех сторон возбужденными зрителями, кипел напряженнейший бой.

Но главным событием этих дней для Андрея было все же другое: он обнаружил, что в состоянии не только снова сжимать правую руку в кулак, но даже двигать ею. Это явилось полнейшей неожиданностью для него самого. Когда в последней паре Голубев уверенно выиграл у сильного и агрессивного противника, из-за судейского стола, не дожидаясь конца боя, лучисто улыбаясь, выбрался Донцов и направился к Андрею. Приблизившись, он сказал, что давненько не видывал таких разнообразных по манере ведения боя, прекрасно подготовленных ребят, от всего сердца поздравляет Горячева с заслуженным успехом и, забывшись, потянулся не к левой, а к его правой руке, которая, к удивлению самого Андрея, неожиданно приподнялась!..

Невинский, обе Анечки, Красиков, дядя Петя и другие тренеры Дворца больше поздравляли его с этим, нежели с победами учеников. Женечка дома прыгала от счастья: ведь это и благодаря ее стараниям оживала бессильно висевшая рука мужа. А в душе Андрея вновь вспыхнула надежда. Да-а, пожалуй, не зря он каждый день, чтоб только не огорчать жену, повторял за нею до смерти надоевшие и, как ему казалось, совершенно бесполезные упражнения!..

Зажегшись, он со следующего дня стал запираться в своем зале и тайком ото всех старательно работать на снарядах. Вначале его только обескуражило, что и левая-то рука не так уж здорово подчиняется. Удары получались размашистые, слабые и досадно медленные. Да что! Они были нелепыми и корявыми, точно у новичка. Самое же главное заключалось в том, что через какие-нибудь десять—пятнадцать минут утомлялся до такой степени, словно работал полдня!.. Но тут ему на память пришло, что даже после летних каникул, накануне которых находился в великолепной боевой форме, выглядел не лучшим образом. А в этот-то раз «каникулы» вон как растянулись!.. И он настойчиво, не позволяя себе отчаиваться, бегал по залу, проделывал с каждым разом большее количество упражнений, колотил по груше и мешку, заставляя себя верить, что все в свое время придет, должно прийти!..

Но организму не хватало калорий. Едва расходился в полную силу, как испытывал недостаток воздуха, подгибались колени, кружилась голова. Приходилось тотчас сбавлять темп и уменьшать нагрузку, хотя так хотелось поскорее увидеть себя на ринге!..

И все же настал день, когда он убедился, что ему снова подвластны сложные по координации движения и маневры, что он в состоянии выдержать в хорошем темпе целый раунд, а левая рука, обретая свободу движений и быстроту, работала все увереннее и надежнее. Вскоре она уже удивляла его: действовала быстро, успешно справлялась с труднейшими по координации движениями и стала гораздо выносливее, нежели раньше. И лишь через некоторое время ему сделалось ясно, как объяснить подобное явление: она более полугода трудилась и за другую руку.

Справа же, несмотря на все старания, не шло, получались лишь нелепые тычки да чересчур размашистые удары. Пострадавшей руке по-прежнему не доставало твердости и силы, она плохо подчинялась, и он был в состоянии метать правый кулак лишь как гирьку на цепочке, за счет рывка корпусом. Месяца полтора назад, конечно, плюнул бы на подобную блажь, не стал бы попусту тратить силы и время. Теперь же, собирая в комок всю волю, из последнего убеждая себя, что это вовсе бесполезно, насккивал и насккивал на грушу или мешок, с каждым броском набирая туловищем все больший разгон, и упрямо кидал в цель правый кулак, который поражал ее, как ему казалось, раз от разу стремительнее и точнее.

И в работе он делался более настойчивым, твердым, крепко поняв, что нет ничего невыполнимого, что вера в себя и упорный труд непременно приведут к успеху. Постигнув же это сам, изо всех сил старался внушить подобное своим ребятам.

После долгого молчания пришло письмо от Ляльки. И Андрея удивило, что оно было коротким и сухим. Она уже не рассказывала о своих боевых делах, подругах и фронтовой жизни, а просто сообщала, что «пока живы-здоровы, бьем фашистов», и желала новому семейству Горячевых счастья.

— Да любит она тебя, любит,— грустно заметила Женечка.— И занималась в твоей секции только для того, чтобы чаще видетсья с тобою, больше быть рядом...

— Что ты! — рассмеялся Андрей.— Да ты ее не знаешь! Уж она бы сказала!

Однако месяц спустя он убедился, что жена была права. В тот вечер он завершил тренировку и собрался уходить домой, но в зал, мягко ступая, вошел в валенках, потертом полушубке и ушанке капитан с обветренным лицом. Сразу было видно — фронтовик.

— Вы — Горячев? — обмерив Андрея неприязненным взглядом, спросил он.— Разрешите?..

— Пожалуйста, пожалуйста,— ответил Андрей, недоумеая.

— Я от Ляли... то есть от Лидии Воеводиной...— по-прежнему недружелюбно продолжал капитан.

— Да что вы говорите! — воскликнул Андрей, поспешно взял не сразу протянутую ему руку.— А я... А мы с женой уже начали беспокоиться, отчего это она так долго не пишет! Что с нею?.. Где она?..

Капитан молчал.

Андрей ощутил тревогу и, до хруста сжав ему руку, крикнул:

— Так что же вы не отвечаете? Где она?.. Что с нею?..

Капитан вздрогнул, с усилием заговорил:

— Она... умерла...— и опустил голову.— Девять дней назад после тяжелого ранения... Зачем-то пошла вместе с пехотой в атаку...— добавил он и опять замолчал; потом, вскинув голову и испытующе заглянув Андрею в лицо, сказал низким голосом: — Она все время говорила о вас... Даже в бреду... Перед самым же... концом... попросила, если буду в Москве, разыскать и передать вам последний привет...

После этого капитан высвободил руку и зашагал прочь. Возле самого выхода он задержался, по-видимому хотел что-то еще сказать, но передумал, упрямо шагнул в темный проем коридорчика.

— Милая, отчаянная Лялька,— все еще глядя ушедшему вслед, прошептал Андрей, а в памяти с необыкновенной отчетливостью встало застенчиво-виноватое лицо. Да, да, со всеми была такая насмешливая, грубо-

вато-озорная, но вот с ним...— И ведь я, идиотина, ничего не понимал, ни разу дружески не улыбнулся тебе, не сказал ни одного теплого слова!..

ГЛАВА 22

Как-то для всех неожиданно разрешился вопрос о пропусках на фронт. Андрей отобрал две пары: Шустиков—Балалай и Голубев—Антон. В самый последний момент выяснилось, что занемог и не в состоянии ехать с бригадой Колодин.

— Да это у него медвежья болезнь! — презрительно шепнул Андрею Красиков.— Я пошутил, сказал ему, что, в случае чего, могут ведь и нас против немцев бросить, вот он и...

Двух акробатов пришлось взять под свою опеку Але.

В одиннадцать вечера отъезжающие собрались в вестибюле Дворца. Анечка маленькая, отозвав Андрея в сторонку, сунула ему в руки письмо и попросила передать Темкину, который вот уже второй месяц почему-то молчал.

Дивизия, по последним сведениям, дислоцировалась в районе Сухиничей. На Киевский вокзал шли пешком. Андрей едва убедил Женечку не провожать его. Город спал. Ветер гнал, закручивал вдоль пустынной мостовой белые спирали, свистел в смутно видневшихся противотанковых ежах и надолбах, то тут, то там перегораживавших улицы и площади, обжигал лицо. Несколько раз их останавливали патрули. Они внимательно читали, освещая фонариками, командировочное удостоверение, которое всякий раз суетливо извлекал из бокового кармана Ходаков, долго проверяли документы, заглядывали в чемоданы, с уважением мяли боксерские перчатки. Успокаивали, что до вокзала доберутся вовремя и желали счастливого пути.

В самом деле, туда пришли даже раньше, чем рассчитывали, и, пока Ходаков ходил за билетами, долго томились в душном и жарком, забитом людьми и пожитками зале ожидания. Утомленные, бледные дети одетыми спали на скамьях, вещах, брошенных на пол подстилках. Там и сям на узлах, мешках, сундучках гнулись, хло-

потали над грудными младенцами измученные женщины.

И, глядя на все это, Андрей в который раз подумал, какая же это огромная, ни с чем не сравнимая всенародная беда — война, сколько горя и страданий несет она ни в чем не повинным людям. Было щемяще-невыносимо смотреть на все это, не имея возможности помочь. И он был очень рад, что возвратился наконец Ходаков и возбужденно крикнул, что состав давно уже подан и вот-вот должен отойти.

Поспешно выбравшись из вокзала, спотыкаясь в потемках о рельсы и шпалы, подлезая под бесконечные эшелоны, они не без труда нашли свой вагон. Кое-как расселись. Андрей успокоенно откинулся спиной на чей-то тюк, вытянул между вещами замлевшие ноги, и его стало клонить ко сну. Только теперь он почувствовал, как утомила предотъездная суeta и бессонная ночь накануне. Проснулся он оттого, что его встряхнули и проговорили над самым ухом:

— Приехали!.. Приехали!..

Когда члены бригады один за другим спустились с подножки вагона на скрипучий снег, они в нерешительности остановились. В серой мгле, слева от них, проступали развалины вокзала. А справа, за нешироким заснеженным полем и темной стеною леса, время от времени что-то угрожающе сверкало, озаряя край неба, и раздавались бухающие звуки, треск пулеметов и автоматов.

Андрей взволнованно переглянулся с Красиковым: так это же — фронт! Они находились совсем недалеко от передовой!.. По застывшим лицам гимнасток, борцов, своих ребят понял, что приблизительно то же испытывают и они.

— Ничего не забыли?.. Все свое взяли?.. — озабоченно спросил Ходаков. — Тогда пойдёмте коменданта искать...

Его нашли в тесной, с низким потолком землянке, за разрушенным вокзалом. Несмотря на жару, тот сидел перед кривым столиком в полушубке и ушанке и хрипло кричал в телефонную трубку о каких-то ящиках, из-за которых он вот уже третью ночь не спит и которые необходимо во что бы то ни стало отыскать.

Ходаков молча протянул командировочное удостове-

рение — комендант взял, прочел, с досадой воскликнул:

— Так они же третьего дня отмечали присвоение гвардейского звания!.. Но ничего, ничего! — увидев расстроенные лица приехавших, успокоил. — Идите и не сомневайтесь! Вам все равно знаете как рады будут!.. — и вывел москвичей из землянки.

— Вон, видите?.. — указал он на полуразрушенную водокачку. — Дорога там. Выходите на нее и кройте. До обеда на месте будете.

Вслед за Ходаковым все перебрались через новенькие, явно накануне замененные рельсы, обогнули водокачку и в самом деле увидели до блеска наезженную санями поверх рубцов автомобильных шин и следов танковых гусениц дорогу и, помажав коменданту, двинулись по ней вдоль опушки леса. Вначале только — Андрей видел — всех нет-нет да настораживал нарастающий гул фронта.

А слева, румяня край неба, поднималось солнце. Из-за поворота, бойко перебирая ногами, вдруг вырвалась буланая лошадка, запряженная в розвальни, в которых сидели двое: маленький, широкий, в белом полушубке и шапке с опущенными ушами, и длинный, худой, в помятой шинели и лихо сдвинутой на затылок ушанке. Тот, что был в полушубке, вдруг остановил лошадь и удивленно крикнул:

— Ходаков?.. Горячев?.. Да как вы тут оказались?!

Андрей взглянул в туго облегаемое заиндевелым мехом шапки лицо и признал в незнакомце бывшего бухгалтера спортобщества Куца, которого недолюбливали все тренеры Дворца из-за его нападков на спорт.

Заходя время от времени в тренировочные залы и хмуро наблюдая, с каким трудом отрабатывают ребята и девушки нелегкие приемы или сложные комбинации движений, он, ни к кому не обращаясь, ядовито говорил: «В цеху бы так старались! На дело-то потом небось и сил не хватает!» И, не слушая объяснений тренеров, что именно здесь эта самая сила и накапливается, шел раздраженный из зала. Особенно же возмущился он, заглянув к боксерам и увидев, как после спаррингов еле выбираются из ринга в мокрых от пота трусах и майках ученики Андрея: «Да

какие же из них после этого завтра работники?! Они ведь, бедные, едва на ногах стоят!» И никак не хотел понять, что эти «бедные» на следующий день будут чувствовать себя гораздо крепче, чем даже до сегодняшней тренировки. Из-за этого все с ним ругались, некоторые перестали даже здороваться.

— Василь Трофимыч?! — от радости, что встретили знакомого, позабыв про все стычки с ним, рванулся к розвальням Ходаков. — Вот хорошо-то! А ведь мы к вам! На торжества! Да тут говорят, что поздно-овато!..

— Да-а, запоздали, запоздали, — подтвердил Куц и бросил взгляд на Андрея, Красикова и Алю, смотревших настороженно, будто и здесь ожидали от него чего-нибудь подвоха.

— Так что же нам теперь делать-то?.. — озабоченный сложившейся обстановкой и потому ничего не замечая, продолжал Ходаков. — Как быть-то посоветуешь?..

— Ну как? — пожал плечами Куц. — Идите куда шли. Да тут уж немного осталось. Сейчас увидите поврежденный танк, потом будет обгорелая изба. Так после нее сразу сворачивайте вправо и смело шагайте по тропке в лес и придете прямо в штаб дивизии. Ну, а я вас потом разыщу! — закончил он, толкнул возницу в спину, и розвальни, взвизгнув, покатали дальше.

Поблагодарив, Ходаков бодро двинулся вперед, увлекая за собой воспрянувших духом спутников. Когда дорога вынырнула из леса, солнце уже поднялось над горизонтом, из оранжевого сделалось ослепительно желтым, а снег переливался и сверкал так, что на него было больно смотреть. Действительно, вскоре рядом с дорогой выросла громада танка, потом показалась обгорелая изба. А когда возле нее свернули и снова углубились в лес, стали попадаться красноармейцы и командиры. Один шустрый, курносый старшина довел прибывших до самого штаба, который оказался обыкновенной землянкой с бревенчатым потолком. Там было шумно и сине от табачного дыма, стрекотала пишущая машинка, назойливо говорили по телефону:

— Береза! Береза! Я — алмаз, алмаз!.. Прием... — ну точно в кино про войну.

Радужно встретивший гостей начальник штаба, не-

высокий усатый майор, посоветовал начать выступления с медсанбата.

— Там у них и помещение подходящее и зрители, так сказать, в сборе,— пояснил он.— А мы за это время предупредим, чтоб подготовились к вашему приему в полках.

Улучив момент, Андрей спросил у штабистов, не знают ли они, случайно, лыжника Темкина. Но нет, никто из них даже не слышал такой фамилии.

До медсанбата гостей доставили в розвальнях к самому обеду и накормили так, что ни о каких выступлениях в ближайшие полтора часа и речи быть не могло. Беседуя с врачами и сестрами, Андрей опять спросил о Темкине. Нет, и здесь такого не знали. Зрительным залом служила просторная землянка, в которую наставили скамей, стульев и табуреток. Минут за двадцать до начала концерта туда набилось столько народу, что выступавшие с превеликим трудом пробирались к «сцене». Пришли не только те, кто мог ходить самостоятельно, некоторых даже привезли.

Несмотря на малые размеры сцены, гимнастки в полную силу выполняли вольные движения под аккомпанемент местного гармониста-красноармейца, бесстрашно прыгали, делали фляки, садились на шпагат. Борцы сходились на обыкновенных матрацах, вгорячах крепко ударялись сквозь них о жесткий пол, шипели от боли, но схватки не прекращали. А боксеры, из-за того, что для маневра почти не было места, бились так ожесточенно, что Андрею то и дело приходилось их осаживать. И зрители чувствовали подъем, с которым работали шефы, и аплодировали до того усердно, что в ушах звенело.

После выступлений, не дав никому из участников переодеться, их окружили раненные, среди которых оказалось немало любителей спорта, хорошо знавших Дворец, частенько приходивших туда на состязания. Тут же писали письма, совали их, сложенные треугольничками.

Когда гости умылись, переоделись и привели себя в порядок, приехал розовощекий, в новеньком белом полушубке, белых валенках и шапке, лейтенант — представитель одного из полков. Он объявил, что ему прика-

зано забрать «артистов» и немедленно доставить к себе, так как завтра днем из-за артобстрела попасть будет гораздо сложнее.

Ехали опять в розвальнях. Было совсем темно. Когда выбрались из леса, Андрей от неожиданности замер: прямо перед ними, за широким, ровным полем, над едва проступающей из мглы черной стеной деревьев все искрилось и сверкало, будто во время карнавала в Центральном парке. Вверх взлетали ослепительно белые ракеты, оранжевыми пунктирами чертили темноту трассирующие очереди.

— Что это там такое?.. Налет, да?.. — спросила Аля.

— Нет, зачем, — спокойно ответил представитель полка, — обыкновенная картина: линия фронта.

Красиков подтолкнул Андрея под бок.

В штабе полка «артистов» встретили как хороших знакомых; очень огорчились, что они уже пообедали, и стали шептаться с Ходаковым.

— Нет, нет! — в полный голос запротестовал он. — Вот это-то как раз нам и не положено. Спортсмены же не пьют!

У Андрея в штабе оказалось много поклонников, а один, старший лейтенант, также занимался у Артема Ивановича. Андрей сразу вспомнил его фамилию — Самаркин. Это был смазливый сероглазый шатен, неплохой второразрядник, успешно выступавший в полусреднем весе. Его очень огорчила гибель тренера. Потом он расспрашивал о ребятах, вместе с которыми тренировался, и, конечно же, о Москве. Ходакова, Красикова и остальных членов бригады тоже окружили, и они также едва успевали отвечать. Но потом кто-то вспомнил, что гостям нужно отдохнуть. Укладывались на нарах, по совету Самаркина, не раздеваясь; скинули только пальто да обувь. Усталые, разморенные теплом, уснули, несмотря на отчетливо слышную стрельбу, сразу же.

Проснулся Андрей оттого, что его встряхнуло. Вскочив с нар, он увидел, что гимнастки и его ребята уже сидят одетые и с тревогой смотрят на небольшое окошечко, за которым едва серел рассвет и слышались взрывы.

— К вам можно?.. — донесся из-за двери вдруг бод-

рый голос Самаркина, и он, нырнув в землянку, выпрямился, огляделся.

— В чем дело?.. Что происходит?.. — с тревогой указала на окошечко Аля.

— А ничего, — беспечно ответил Самаркин. — Это фрицы нас таким образом завтракать будят.

— А бывает, что попадает в землянку? — допытывалась Аля.

— Да нет! — отмахнулся Самаркин, как от чего-то вздорного, нестоящего, взглянул на часы. — Вы не беспокойтесь, сейчас вся эта музыка кончится.

В самом деле, минут через пятнадцать грохот так же неожиданно, как и возник, прекратился. Самаркин стоял, послушал, затем сказал, обращаясь ко всем:

— Вот и все. Теперь пойдемте в столовую... — и, дождавшись, когда гимнастки плохо слушающимися руками надели и застегнули пальто, двинулся к выходу.

После завтрака Ходаков попросил Самаркина показать место для выступлений. Это была тоже землянка, но уже не такая просторная и высокая, как в медсанбате.

— Ничего не попишешь, — нахмурился Ходаков, — придется, так сказать, два, а то и три сеанса давать.

Из-за припущенных снегом деревьев справа доносились, все более нарастая, звуки канонады. Андрей посмотрел на Самаркина: так хотелось взглянуть на передовую, — несмело попросил показать ее хоть издалека.

— Нет-нет, не могу! — яростно замотал головою тот. — Строго-настроено приказано не рисковать вами!.. Да и не успеем: до нее же почти пять километров, а скоро выступать. — Он подумал. — Хотя пойдемте. Взглянете на то место, где линия фронта недавно проходила.

— Но ведь здесь же немцев-то не увидим!.. — со вздохом сказал Красиков.

— Так тебе и там их никто не покажет! — рассмеялся Самаркин. — Что ж ты думаешь, они прямо на открытом месте сидят?.. Во всем же остальном — разницы никакой. Пошли!.. — заговорщицки оглянувшись, сказал он, но к нему торопливо приблизился штабист

с озабоченным лицом, стал что-то негромко говорить.

— Прямо в землянку!.. Никого не осталось!.. Сейчас еще вытаскивают!.. — разобрал лишь Андрей.

Покосившись на него, Самаркин сердито оборвал штабиста и пригласил всех следовать за собой.

«Так вон как бывает! — механически переставляя ноги, поеживаясь, думал Андрей. — Ничего себе!..»

Становилось светлее. Мгла меж деревьев редела, оставалась лишь в низине да вокруг кустов. Проваливаясь чуть ли не по пояс в сугробы и оставляя после себя канаву с неровными краями, Самаркин, как ледокол, двигался первым, Ходаков за ним, а уж за Ходаковым, стараясь не отставать друг от друга, поспешали остальные.

Заставляя себя не думать об услышанном, Андрей с любопытством озирался по сторонам. И хотя снежный покров все скрал, вокруг тем не менее были видны следы недавних жестоких боев. Там и сям валялись исковерканные, выдранные с корнями деревья, то и дело приходилось огибать воронки от бомб или тяжелых снарядов.

— Так вот, смотрите, — когда вышли на опушку, тоном экскурсовода заговорил Самаркин, обводя рукой извивавшуюся вниз неширокую, с чуть заметными пухлыми берегами реку, — до недавнего времени здесь и проходила надолго задержавшаяся линия фронта. Везде наши войска тронулись, погнали фрицев, а здесь... а вот тут все топтались... Перед вами — видите? — протекает небольшая речушка. Это Жиздра. Так все то, что лежит по эту сторону, занимали мы. А сразу за рекою — видите бугор? — там уже хозяйничали фашисты. И это у них было особо укрепленное место.

Весь бугор в несколько рядов опутывали траншеи, которые, извиваясь, тянулись меж сосен и елей. И Андрей мысленно представил себе, как из них полыхало огнем, как неимоверно трудно было овладеть ими и как, поднятые командой, шли в атаку наши бойцы. И вот эти разбитые вражеские укрепления молчат. А сколько крови пролито, сколько жизней положено, чтоб они замолчали?!

— Мы на финской стояли поближе... — задумчиво глядя вдаль, проговорил Ходаков.

— Так и у нас в августе—сентябре знаете что творилось?..— оскорбился Самаркин.— Гранатами перебрашивались... А сейчас, что ж... сейчас здесь, конечно, провинция. Главное-то — в Сталинграде. Кстати, сегодня утром передали, что наши войска уже к штабу Паулюса подбираются!..— Гром за лесом внезапно усилился.— Но... того, пойдёмте обратно, а то начальство хватится! — добавил он и, повернувшись, двинулся по проложенной тропе в лес.

Возле штабной землянки уже беспокоились гимнастки.

— Вы где были? — подходя к Красикову, спросила Аля.

— Линию фронта смотрели! — оглянувшись, вполголоса ответил он.

— Ну и как, видели? И фашистов видели?

Пряча улыбку, Красиков посмотрел на Андрея, полушутливо-полусерьёзно ответил:

— Все видели!

— Товарищи, товарищи! Через полчаса начинаем! — появляясь из-за сугроба, возбужденно крикнул Ходаков.— Прошу брать чемоданы и переодеваться! — и он первым нырнул в землянку.

И тут выступали прямо на голом, до каменистой твердости утрамбованном полу. Только борцам соорудили из матрацев жиденький ковер. И здесь объявились поклонники и занимавшиеся во Дворце, которые хотели услышать что-нибудь о своих секциях, тренерах, знакомых ребятах и девочках. О Темкине по-прежнему никто ничего сказать не мог, хотя нашлись двое, которым эта фамилия была знакома.

Когда Ходаков под восторженные крики закончил свой номер, «концертный зал» освободили, проветрили, и в него хлынули новые зрители. Но и после второго выступления возле входа в землянку толпились бойцы и командиры.

— Что делать-то будем?..— утирая полотенцем потное лицо и тяжело дыша, спросил Ходакова уже дважды отборовшийся Красиков.

— Как это что?! — возмутился тот.— Третий раз выступать!

Андрей вздохнул: его ученики, не рассчитав сил,

едва стояли на ногах, к тому же у Балалая оказалась глубоко рассечена губа; Голубев поспешил, плохо забинтовал руки и серьезно ушиб большой палец, он распух. Ну, палец — ладно, можно этой рукой не бить, но вот губа — тут дело похуже. Ругнув себя, Андрей с досадой подумал, что мог бы ведь и сам надеть перчатки и совсем неплохо отработать два-три раунда: уж и дыхание более или менее восстановилось, и быстрота, и точность. Да, как нарочно, на последней своей подпольной тренировке нерасчетливо нанес по груше удар справа и сильно растянул локтевые связки. До сих пор руку как следует согнуть не мог.

Выручил Самаркин. Ему подобрали подходящие трусы, майку, боксерки, Андрей шепнул Голубеву, чтобы он работал помягче, больше давал свободы партнеру, затем под радостные возгласы зрителей выпустил их в круг. И не пожалел. Из-за того, что давно не тренировался, Самаркин боксировал, конечно, коряво, пропускал простейшие удары, часто промахивался, быстро выдохся, но зрители этого не замечали, шумно восхищались, что их брат-фронтовик умеет не хуже гостей, и особенно долго аплодировали ему, потному и счастливому, по окончании поединка. И Андрей понял, что для дела это значительно важнее самого классического бокса. На следующий день Ходаков уже просил, чтобы Самаркину разрешили выступать в составе бригады.

Уезжали из этого полка с тайным облегчением: утром опять был обстрел. Надеялись, что в других полках фрицы не станут приглашать завтракать таким образом. Но там оказалось еще хуже: артналет начался во время самого выступления, и один из снарядов, угодив рядом с землянкой, так ее встряхнул, что свалилась со стены большая керосиновая лампа и вспыхнул разлившийся керосин. Голубеву с Антипом пришлось в одних трусах, майках и боксерках бежать в соседнюю землянку прямо по снегу. Правда, бойцы сразу же накинули на них шинели.

И все-таки выступление состоялось: в школьном большом, каким-то чудом уцелевшем от бомбежек и артобстрелов здании. А поздно вечером «артистов» повезли дальше по фронту, в другие подразделения. И там выступали по два-три раза, не обращая внимания на

травмы, усталость и артралеты. Куц сдержал слово, нашел бригаду, вернее, она сама явилась в расположение его части, и после выступления затащил Ходакова, Андрея, Красикова и Самаркина к себе, в какое-то тесное складское помещение. Андрей хотел было спросить и его о Темкине, да передумал, — откуда ему знать!..

Усадив всех за небольшой шаткий стол, Куц настаивал закусок, извлек бутылку водки и сказал, что обидится, если гости откажутся с ним выпить.

— Так нам же нельзя! — воскликнул Ходаков.

— Знаю, знаю, — с усмешкой покивал Куц. — До меня уж дошло, что вы здесь всех смешите — от законных ста граммов отказываетесь. Но уж мне-то вы не откажете.

«Тоже еще нашелся! — недружелюбно подумал Андрей. — Почему это мы тебе не откажем?!»

— И вот почему, — точно прочитав его мысли, спокойно пояснил Куц. — Ведь я же теперь стал самым большим другом физкультуры и физкультурников!

— Но уж это вы... — не удержался, усмехнулся Красиков.

— Да, да, дорогой, и сейчас ты в этом убедишься. — Он не спеша откупорил бутылку и, пристукивая горлышком о края стаканов, разлил водку, поднял свой: — Ну что ж, поехали! — и, уверенный, что гости последуют его примеру, выпил до дна; увидев же, что никто не двинулся, обиженно воскликнул: — Да пейте, пейте же, чего вы?!

— Так нам завтра в штабе дивизии выступать! — приложил руку к сердцу Ходаков.

— Вряд ли, — натывая на вилку кружочки соленого огурца и морщась, возразил Куц. — Фрицы что-то затевают, и туда вас завтра не пустят. Так что можете спокойно пить.

Андрей недоверчиво переглянулся с Ходаковым и Красиковым.

— Ну как хотите, — продолжал Куц. — Вообще-то я знаю, что вы сейчас обо мне думаете: не понимал никогда и не любил физкультуры, а теперь, видите ли, другом прикидывается. Так или нет?... — спросил — сам же ответил: — Так. И вы правы. — Куц широко рас-

крытыми глазами оглядел всех, стукнул себя в грудь кулаком.— И вот только здесь, на фронте, убедился, что кругом был неправ! А почему? Да потому что, кого из бывших физкультурников тут ни встречал, все на самых трудных местах стоят: в десантах, например, в разведке. И такие дела делают, будь здоров. И бойцы и командиры о них хорошо отзываются. Да что! Вот тут с доктором из медсанбата разговаривал, так он мне сказал, что те, кто занимался спортом, лучше переносят ранения, операции и быстрее выздоравливают! Во как, а я...— Куц задумался, вздохнул: — Так что после войны, если жив останусь, всем буду советовать заниматься физкультурой. Самому-то уже поздно. А уж внуки появятся, прямо палкой в спортклуб погоню! — Он снова поднял стакан.— Так что давайте выпьем за физкультуру!..

Благодарно глядя на Куца и уже иначе воспринимая его, Андрей, преодолевая отвращение — уж тут отказаться было невозможно! — выпил до дна. То же самое были вынуждены сделать и остальные.

После же того, как, морщась и крикая, закусили, все заговорили разом, стали с удовольствием вспоминать то одно, то другое.

Из-за стола выбрались в двенадцатом часу. Ночевать гостям, Куц сказал, предстояло у разведчиков, так как «их землянка была понадежнее», и сам вызвался проводить до ночлега.

Шли гуськом по узкой, глубоко протоптанной дорожке. Ночь была светлая, где-то сзади всюду старалась луна. Между спутанными ветвями деревьев сверкали звезды, которые вдруг как бы растворялись, когда над передовой взлетали и под яростный треск автоматов снижались ракеты. Под ногами то и дело взвизгивал снег.

— Да! А ведь у разведчиков, между прочим, двое ваших есть! — сказал Андрею, вдруг останавливаясь, Куц.— Говорят, оба из отряда ОМСБОНа, который действовал в тылу у фрицев, где-то поблизости от нас, но были ранены, попали в наш медсанбат. А пока поправлялись, отряд перебросили в другое место, вот они с нами и остались.

— Да кто, кто же это?! — невольно задержал Андрей снова было двинувшегося Куца.

— Одного-то, помнится, Кораблевым называли, — озабоченно ответил тот. — А вот другой, дай бог памяти, кажется...

— Не Кириллов ли?! — вскричал Андрей, отчетливо видя перед собой двух неразлучных друзей: молчаливого трудягу полутяжеловеса Кораблева и отличавшегося удивительно сильными ударами средневеса Кириллова.

— Точно, он самый! — подтвердил Куц. — А так как в отряде оба действовали в разведке, их и тут на эту же должность определили.

— Эй-эй! Кто это там нас поминает? — раздался вдруг справа густейший бас.

Андрей живо обернулся: отчетливо видные на фоне снега, по такой же узенькой, вливающейся в их дорожку тропинке шагали друг за другом два крупных в ладно сидящих стеганках и таких же брюках человека.

— Кораблище! — узнав первого, кинулся к нему Андрей, однако сразу же провалился по пояс в снег.

— Ну вот, все такой же горячий Горячев! — вытаскивая его и ставя, как ребенка, на дорожку, нарочито сурово проворчал Кораблев. — Здорово, кум! — Крепко обнял. — Как там Белокаменная-то, Дворец себя чувствуют?.. — спросил он и, услышав, что все в порядке, тяжело вздохнул: — А я себя все за Артема Ивановича казню! Ну вот как я мог послушаться, оставить его одного?!

Подошел Кириллов и также обнялся с Андреем.

— К нам топаете? — радостно спросил он.

— К вам, к вам! — ответил за Андрея Куц. — У вас переночуют. Так что ведите.

Когда все спустились в просторную, с горящей на столике плошкой, теплую землянку, в которой уже спали хозяева, Куц с Ходаковым, освещая фонариками нары с разложенными на них подушками и одеялами, стали приглушенно рассуждать, где кого положить.

— Алексей Васильич! — неожиданно раздалось с противоположной стороны. — Это вы?!

— Я-а-а,— удивленно отозвался Ходаков.— А кто это?..

— Да Лешка Соколов! Не узнаете?! Помните, я перед самой войной к вам записался? Вы еще говорили, чтоб я курить бросил!

Ходаков выпрямился, пытаясь вспомнить этого самого Лешку, не припомнил, но, оживляясь, сказал:

— Ну как же! Прекрасно помню!.. А сейчас курите?

— Н-немного...— смущенно признался Лешка и — тише, куда-то в сторону скороговоркой: — Да это же заслуженный мастер спорта Ходаков, мой тренер!..— Опять громко: — А вы еще будете у нас выступать? А то мы не видели, там были.

— Где это — «там»?

— А на той стороне.

— Так это же разведчики,— напомнил Куц.

Андрей спохватился, что Невинский как-то говорил, будто Темкина в разведку берут, спросил:

— Скажите, пожалуйста, а про Темкина вы ничего не слышали?

— Это про какого такого Темкина? — отозвался Лешка.— Про мастера спорта по лыжам, что ль?.. В дивизионной разведке который был?.. На той стороне его засекли, месяц назад. От одного старика потом узнали — до последнего патрона отбивался, много фрицев вокруг себя положил. Когда стрелять стало нечем, бросился врукопашную, еще двоих угробил. Потом офицер его в упор — из пистолета...

В землянке сделалось тихо. Стало слышно, как за промерзшим окошечком злобно трещат пулеметы.

— А его Анечка маленькая так ждет!..— нарушил молчание Ходаков, скорбно вздохнул, потом обвел лучиком фонаря землянку, встревожился: — А где же гимнастки?!

— У связисток, у связисток они,— ответил все тот же Лешка.— И просили не волноваться. Часиков в девять завтра притопают.

Утром, одеваясь, Андрей незаметно рассматривал умывавшихся разведчиков. Только у Кораблева, Кириллова да Лешки мускулатура была развита. Остальные — так себе.

Красиков стал расспрашивать их о службе, зная по книгам и кинофильмам, какая она трудная и рискованная. Но они смеялись, отзывались о ней как о чем-то совершенно безопасном. Все для них было просто и обыденно.

— Ну что? Как стемнеет — переходим линию фронта, — говорил Лешка, — заглубляемся на их сторону и запоминаем, что к чему. Требуется язык? Где-нибудь возле тропки затаимся и ждем. Фриц покажется — хап его, в рот — тряпку. И тащи... — Он нахмурился. — Но иной раз, конечно, и осечки бывают. Вот тут я на одного наскочил, — Лешка обернулся к Ходакову, — так он меня через себя с захватом руки ка-ак швыранет, а сам сверху насел и прямо-таки настоящий нельсон закладывает!

— Что, думаете, борец попался?!

— А кто ж его знает!.. В общем, если б вот не Виталька, — Лешка кивнул на потупившегося рыжеватого паренька, — вряд ли я сейчас здесь бы сидел. — Он помолчал, потом закончил с досадой: — И вот теперь так иной раз жалею, что поздновато стал ходить к вам!.. Ну что я? Какие-нибудь полгода и тренировался-то...

В землянку заглянули и крикнули:

— Кораблев, Кириллов, Соколов! Срочно со своими в штаб полка!

— Сейчас... — недовольно отозвался Лешка, однако сразу же стал натягивать стеганую телогрейку — и опять Ходакову: — Ну да, всего полгода. И то знаете как помогает?.. Да ведь от одного сознания, что ты кое-что умеешь, насколько увереннее чувствуешь-то себя в любой обстановке! — Он пропустил к выходу своих наскоро одевшихся товарищей, подмигнул: — Ну да ничего, будем на фрицах отрабатывать приемы, которые вы нам показывали. — Нахлобучил до бровей шапку, кивнул: — Бывайте!

Сдержанно попрощавшись, пошли и Кораблев с Кирилловым.

— А ведь я его все-таки вспомнил! — когда он вышел, торжествующе воскликнул Ходаков. — Очень толковый парень был! А главное — фанатик! Бывало, до тех пор с ковра не уйдет, пока не выгонишь. Наверняка

бы получился классный борец. Только из таких и вырастают настоящие мастера. А как он хорошо сказал об этой самой уверенности-то, которую тренировки дают! Ну в самом деле, с кулаками или борцовскими приемами вооруженного врага, конечно, не одолеешь, хотя и такое случалось. Но уж если вы оба при оружии и ты тренирован, а он нет, то у тебя же намного больше шансов уничтожить его. И вот этой простой истины очень многие еще не понимают!..

Куц оказался прав: когда москвичи после завтрака вышли из столовой, им сообщили, что выступление в штабе дивизии откладывается. Андрей заметил, что все вокруг озабочены; все грознее становится канонада за лесом, яростнее трещат пулеметы. Попавшийся по дороге незнакомый майор приказал членам бригады немедленно укрыться в землянку.

Андрею очень хотелось поговорить с разведчиками, послушать их рассказы, но они куда-то пропали.

— Наверное, опять на ту сторону ушли... — предположил Ходаков.

Спать ложились молча. А под утро Андрей проснулся от возбужденных голосов и картавой немецкой речи, которые раздались у входа в землянку. Почему-то сразу же подумав о разведчиках, он натянул ботинки. Вскочили и так же в одну минуту обулись Ходаков с Красиковым. Когда выбежали на улицу, то в сером свете начинающегося утра различили на снегу связанного детину в фашистской форме; а рядом с ним, окружив невысокого, коренастого человека в полушубке и ушанке, не обращая на немца никакого внимания, что-то наперебой говорили разведчики. У Андрея екнуло сердце: одного из них не хватало. И он не ошибся. Когда пленного развязали и увели, Лешка, задержавшись, торопливо сказал Ходакову:

— Этот гад Витальку застрелил! Я подскочил, вышиб у него парабеллум, да поздно! Хотел тоже прикончить — Кораблев не позволил: язык во как нужен!..

День прошел в ожидании, что скажут о выступлении в штабе дивизии. А вокруг становилось все оживленнее: к линии фронта ехали на машинах, шли пешком красноармейцы; везли тяжелые зеленые ящики грузовики,

громыхали стороною танки. После ужина в землянку заглянул Куц и внес во все ясность:

— Ну вот наконец и мы не сегодня завтра на запад двинемся. Как понимаете, теперь не до выступлений. Вам приказ: собираться и немедленно — домой. Сейчас вас подбросят до Сухиничей. Так что низко поклонитесь Белокаменной, спортклубу. И не забывайте, что делаете большое и нужное для фронта дело.

И хотя последние слова Куца были очень приятны Андрею, сообщение о немедленном отъезде его огорчило. Но тот, заглянув в лицо, сочувственно сказал:

— Ничего-ничего, дорогой, сейчас каждый на своем месте нужен!

Когда из скрытой кустарником низинки подкатили розвальни, Андрей крепко пожал ему руку.

Г Л А В А 23

С вокзала, едва поспевая за Ходаковым, двинулись прямо во Дворец. Да так гурьбой, оживленные, шумные, и ввалились в него. В фойе «фронтовиков» сразу же окружили выбежавшие из залов тренеры, ребята и девчата, засыпали вопросами.

Дядя Лавруша едва пробился к Андрею, сунул ему в руки увесистую пачку писем.

— И часто ему приходят? — поинтересовалась Анечка большая.

— Да почитай что каждый день.

— Ну?! — крикнул Невинский. — Мы тебе что говорили?!

Когда тренеры не без труда утащили своих воспитанников обратно в залы, Андрей направился к себе, принялся жадно читать, что ему пишут ученики.

А потом как-то разом пришла вечерняя группа. Ребята обрадованно окружили Андрея, смотрели на него напряженно, и он рассказал им, как протекала поездка по фронту. Затем все быстро переоделись и вышли в зал, куда с шумом ворвались Удальцов, Громов, Гоглидзе и другие партизаны. На этот раз они были в лыжных костюмах, лыжных ботинках и тщательно побритые.

— Без нас хотели начать, да?! — грозно пробасил Громов.

Удальцов налетел на Андрея, стал тискать его, мять. Но потом слегка отстранился, глухо проговорил:

— Об Артеме Ивановиче-то все знаешь?.. Ну так могу добавить: если б не он, многих из нас ты сегодня не увидел бы. Вот так. Как жил Человеком с большой буквы, так и погиб.

Андрей спросил о Диме. Все сразу насупились, а Удальцов сказал:

— Помнишь, мы в первый свой приезд говорили, что из шестидесяти человек их отряда семнадцать погибло? Так оказалось наоборот: семнадцать осталось...

Андрей схватил его за руку:

— А Дима?!

— Вот его-то как раз и нету... — прогудел Громов, зашпешил: — Но это еще ничего не значит! Может, и ему удалось все-таки вырваться и он теперь где-нибудь по тылам ходит да связи установить не может!

В зал вошел Донцов.

— Ну как? Все целы? — напряженно спросил старый тренер.

Андрей сразу понял, кого тот имел в виду, ответил:

— Все.

— Ну, слава богу! А то у меня последние дни так сердце болело за них, так болело!.. Подумать ведь страшно: в пасти у лютого зверя орудовали!.. — Он радостно улыбнулся, двинулся, раскрывая объятия, навстречу Громову, Товмасыну, Гоглидзе и Удальцову.

После тренировки, которая прошла оживленно и празднично, партизаны попросили Андрея провести их на танцы. Дождавшись, когда они вымылись, оделись и управились со своими шевелюрами, Андрей отвел их в Круглый зал, а сам побежал обратно, но увидел в конце коридора, под портретом Димы, уже с обеих сторон окруженным траурными рамками, плачущую Алю в накинутах на плечи пальто и Красикова.

Андрей молча подошел к ним, посмотрел вопросительно.

— Да этот тип... Колодин... натрепался, — раздра-

женно ответил Красиков, — будто отряд Димы разгромлен, спаслись немногие, не более пятнадцати человек, и что его нет среди них...

— Во-первых, не пятнадцать, а семнадцать! Во-вторых, абсолютно ничего не значит, что с ними нет Димы! — бросив взгляд на его портрет, напустился на Алю Андрей, понимая, что в данный момент это самый верный способ воздействия. — И, в-третьих, кому удалось вырваться из окружения, могут ничего не знать о судьбе тех, кто там остался, ясно?!

— Нет, нет, он погиб! Погиб! — закрывая мокрое от слез лицо обеими руками, вскрикнула Аля; с плеч ее упало пальто. — Я это сердцем чувствую!

— Ну, а вот это уже мистика! — одновременно с Красиковым поднимая пальто и снова набрасывая его на Алю, с упреком проговорил Андрей и, увидев, что к ним приближается в белом свитере и тренировочных брюках Женечка, повысил голос: — Выход один: надо ждать, ждать, пока все не выйдут из тыла фашистов. Так что пойдй умойся и начинай урок. Группа уже в зале! — он сделал знак Женечке, чтоб та увела Алю.

А Дима, в борцовском трико, крутоплечий, мускулистый, могучий, добро улыбался с портрета им вслед, и было невозможно себе представить, что такого могут убить.

Когда обе скрылись, Красиков приблизил к Андрею лицо:

— Но... если что... я ее не оставлю, слышишь?! Я так и сказал Димке, когда он уходил. И слово свое сдержу!.. — он рывком повернулся и зашагал прочь.

Проводив его глазами, Андрей поспешил в свой зал. Малякин, улучив момент, шепнул, что привез тушенку, печенье и галеты, которые хочет отвезти матери Фофанова.

— Поедем вместе, — посмотрев на него с благодарностью, сказал Андрей.

По дороге к метро он спросил спутника, как прошел этот их рейд по тылам противника, много ли подорвали складов, железнодорожных путей. Но Малякин ответил, что на этот раз у них было задание совершенно иного

рода — сбор разведанных о прохождении эшелонов и движении войсковых соединений.

— Ну, а как все-таки фашисты чувствуют себя после разгрома под Сталинградом? — допытывался Андрей.

— Еще больше зверствовать стали. Чуть что — вешают, расстреливают, а трупы по неделям убирать не разрешают.

Стиснув зубы, Андрей некоторое время шел молча.

— Ясно. Запугать хотят. Ну да ведь русский народ не из пугливых!..

Мать Фофанова растрогалась, поплакала, принимая подарки отряда, на прощанье же, оглянувшись на дверь, сказала:

— А я все-таки не верю, что Васю-то убили, жду его. Да-а! На войне ведь всяко бывает. Говорят: убили, убили, — а он, глядь, и воротился!

— Так ведь мы же... — начал Малякин, но Андрей незаметно ткнул его в бок.

— Конечно, конечно, на войне всякое бывает! — подтвердил он. — Будьте здоровы. И помните: в случае чего, сразу же обращайтесь к кому-нибудь из нас!..

А когда они вышли на улицу, сказал:

— Не отнимай, дорогой, у нее последнего утешения, не надо. Пусть так думает.

Простившись с Малякиным, Андрей скорым шагом направился в метро: было уже поздно. Однако, подойдя к станции, он задержался, глядя на беспрерывно открывающиеся и затворяющиеся массивные двери, а в памяти встало, как переминался с ноги на ногу со старенькими «гагами» под мышкой против этих самых дверей в ожидании Виктории. Но вот все для него как бы озарилось — это приближалась она, стройная и легкая, в спортивных брюках, белом свитере и голубой шапочке. И он, переполняемый звенящим, радостным чувством, не смея взять ее под руку, шагал рядом, изредка касаясь локтем ее локтя, в сторону сверкающего гирляндами разноцветных огней, манящего веселой музыкой катка. Говорили обычно мало. Да и что можно было выразить простыми человеческими словами?

Испытывая жгучий стыд, Андрей двинулся в сторону ее дома, но в следующую секунду, спохватившись,

ругнул себя и бросился в метро. Домой он возвратился около двенадцати. Женечка сидела за письменным столом в маленькой комнате и что-то конспектировала. На плитке, рядом с настольной лампой, пел свои песни чайник.

— Но... тебе же завтра рано вставать! — окинув все взглядом, пробормотал он. — Отчего ты не спишь?

— Тебя жду, чтоб покормить, — поднимая ясные, полные любви глаза, ответила она, встала, озабоченно прижала ладошку к его лбу. — Как ты себя чувствуешь? Ты не простудился?

До боли сжав челюсти, он привлек ее к себе.

— Не беспокойся, милая! Все, все будет в порядке!..

ГЛАВА 24

Андрей заглянул в сковороду — досадливо поморщился: рыбы и картошки для него было оставлено значительно больше, чем полагалось. «И вот всегда и во всем так!.. — отчетливо видя перед собой бледное, усталое лицо жены, подумал он. — Чуть не уследишь — уже подсунула свое...» А недавно, забежав на Крымскую, услышал от тети Наташи, что Женечка, оказывается, повстречала мать, узнала, что та сильно порезала руку, и на следующий же день заехала к ней, перестирала все белье и вымыла пол. «Оля потом аж прослезилась. А я ее, говорит, маменькиной дочкой считала!»

Отложив со сковороды рыбу и картошку на тарелку, Андрей наскоро пообедал, надел пальто, — правую руку уже не пихал в рукав отдельно, сама туда шла. Да что! Третий день как пуговицы застегивать помогала!..

Одолев последнюю, он торопливо шагнул к двери. Нужно было спешить во Дворец: через полчаса в Круглом зале начнется первенство Центрального совета спортобщества. В нем примут участие его ребята, команды из других городов.

Андрей быстрым шагом вышел из ворот — пораженный, задержался: освещенные багровым, садыщимся за деревья аллеи солнцем и потому оранжевые, тро-

туар, мостовая и лента Ленинградского шоссе были полетнему свободны от снега. Когда растаял? Совсем недавно гуляла поземка.

Пожав плечами, Андрей зашагал дальше. До чего же незаметно бежит в работе время!.. А поработать пришлось, как говорит Невинский, на всю железку. Секция выросла чуть ли не втрое. Крутился — поест не успевал. Но вот теперь ему будет легче. На днях Всесоюзный комитет физкультуры и спорта получил приказ правительства, по которому будут отзываться даже из действующей армии все необходимые народному хозяйству специалисты, в том числе и по спорту. И он, конечно, попросит себе в помощники Малякина.

Перед входом во Дворец волновалась и шумела толпа. Это для Андрея была привычная картина. Теперь редкий день в Круглом либо в Большом гимнастическом зале не проходило какое-нибудь первенство, встреча или показательные выступления. Несмотря на то что жизнь нисколько не полегчала, люди выглядели веселее, бодрее. Все привыкли, как-то приспособились к суровым условиям военного времени, втянулись в ритм работы, а главное, очень уж воодушевляли успехи Красной Армии. После разгрома группировки Паулюса под Сталинградом была прорвана блокада Ленинграда, освобожден Северный Кавказ, Ростовская область, Донбасс. Крепко ударили по фашистам и на Орловском направлении. Почти что на полуторатысячекилометровом протяжении фронта советские войска нанесли серьезные поражения гитлеровцам и продвинулись на запад до семисот километров.

Вот потому-то люди и подняли головы, оттого-то у всех и прибавилось сил. По себе это чувствовал. Понимал, что война нисколько не ослабла, что она не стала менее страшной и кровопролитной, но теперь сознавал, что всю тяжесть ее и весь ужас сполна испытывают на собственной шкуре враги!..

Кое-как пробившись во Дворец, Андрей прошел прямо в Круглый зал, там было пустынно и торжественно. В полутьме четко вырисовывались заблаговременно установленные ринг, столики для судей, стол главного судьи. Удовлетворенный, он направился в боксерский зал, где уже заседали члены судейской коллегии. А это

означало, что и тут полный порядок. Теперь оставалось напомнить коменданту, чтобы своевременно пустили в душевую горячую воду, да проверить, подготовлены ли раздевалки для участников.

Потом он встречал и разводил в отведенные им комнаты боксеров, радовался, как быстро наполняется зрительными Круглый зал. И так получилось, что к своей команде вырвался всего за несколько минут до начала парада. Досадуя на себя, вспомнил, что ведь многие воспитанники выйдут на ринг впервые и вовремя сказанное слово, поданный совет, просто улыбка, по собственному опыту знал, были бы очень кстати.

Он не ошибся: когда вошел в раздевалку, там было тихо, ребята с горящими лицами, пряча друг от друга глаза, делали вид, будто каждый чем-то занят. Словно не замечая их состояния, Андрей весело рассказал, как много народу пришло на первенство, как торжественно и празднично в Круглом зале, напомнил, что противники — такие же, как и они, парни, что боксировать нужно, как на тренировках, что сил и дыхания накоплено достаточно. С удовлетворением отметил: ученики постепенно освобождаются от излишнего напряжения, смотрят бодрее. Но вскоре обнаружилось, что волнуются не только они, но и он сам: как-то оценят его труды коллеги?

Первым выходить на ринг досталось Балалаю и одному из воспитанников Факира. Гость был неплохо подготовлен: он умело маневрировал, грамотно наносил удары и защищался. Лишь в самом конце последнего раунда Балалаю удалось собрать остатки сил, внезапной атакой запутать противника и провести на несколько ударов больше. Победу присудили ему.

Во второй паре Андрей также долго не знал, кому рефери по окончании поединка поднимет руку, в третьей — целиком положился на судейскую коллегия и все смелее смотрел на Донцова и других тренеров. Бои были настоящие, боксировали ребята разнообразно, технично, так что упрекнуть его абсолютно не в чем. Голубев держался как настоящий мастер — умно, предусмотрительно, не пропустил почти ни одного удара. Но особенное восхищение все же вызвал Антон, который, хотя выглядел мощно и, казалось, должен был рубиться, показал

тонкий игровой бокс. Зал то и дело вскипал аплодисментами, а Донцов под конец даже показал Андрею большой палец.

Сборная команда клуба получилась крепкой и могла совсем неплохо показать себя в первенстве профсоюзов, которое планировалось на осень. Донцов сказал Андрею, когда окончилось награждение победителей грамотами и боксеры под марш потянулись из зала:

— Поздравляю, Андрюша. Настоящий бокс показал. И противники твои — тоже не подарки привезли. Особенно вон тот, — указал он на уводившего свою гвардию Факира. — У кого он сам-то вырос? Не знаешь?..

— Это мой ученик, — смущенно ответил Андрей. — В начале войны эвакуировался с заводом.

— Вот даже что! Тогда совсем молодец! Да! А сам-то как? Разрабатываешь руку?

Андрей растерялся.

— Ну как бы вам сказать...

— Да ты не темни, не темни! — перебил Донцов. — Знаю ведь — давно уже по снарядам лупишь!

Андрей вспыхнул. Кто же успел подсмотреть?!

— Но ты зря тайком-то, — продолжал Донцов уже иным тоном. — К этому делу, брат, надобно очень осторожно подходить, тщательно подбирать вспомогательные упражнения, режим работы, дозировать нагрузки. Анатомию знать нужно. Штудируешь?.. Правильно. Вот скоро опять начнет работать Центральная спортивная школа, и я думаю, ты уже будешь в ней не тренировать, а сам тренироваться, ясно?.. Я слышал, в октябре—ноябре будут крупные состязания. Так что у тебя почти полгода для подготовки.

За стеной нудно завывали сирены. Донцов прислушался, торжествующе подмигнул:

— Опоздали, опоздали, господа фрицы!

ГЛАВА 25

Пот заливал глаза, колени от усталости дрожали мелкой дрожью, и Андрей едва удерживался, чтоб не сбросить с себя перчатки, повернуться и покинуть ринг. Громов, Удальцов, Гоглидзе и остальные из Центральной спортивной школы давно уже выполнили свои задания, вымылись в душевой и было слышно, как расходились по домам. За открытыми окнами зала, в которые, словно из печки, вливался густой, нагретый за день солнцем воздух, было темно, — из-за того, что во Дворце долго не горел свет, тренировку, вместо восьми, начали в одиннадцатом часу, — а вот он все наносил и наносил удары, из последнего стараясь, чтоб получались полновесные и точные справа. Он использовал для этого весь свой опыт и умение: стремился как можно вернее соразмерить шаг с расстоянием до объекта атаки, в единственно подходящий момент вложить вес тела, — шагал отрывисто, под самый конец отчаянно рвал правым бедром. Но все было бесполезно: пострадавшая рука не желала вбирать в себя, согласно с законами боксерского искусства, вложенную в удар мощь. Она либо запаздывала перехватить накопленную инерцию корпуса, либо опережала его усилия, а главное, не всегда туда, куда требовалось, попадала перчатка. И тогда росли, все заполняли собой раздражение и досада, что послушался этого «блаженного», как за глаза называли недоброжелатели Донцова, позволил увлечь себя фантастической надеждой, легкомысленно поверил в успех. Да нет, все было ясно с самого начала: ничего путного из этого выйти не могло! И вот четвертый месяц, невзирая на усталость, постоянное недоедание, работал будто одержимый, а результатов — никаких. Как шел нелепо к цели правый кулак в самом начале, так и сейчас дело обстояло нисколько не лучше. Ни точности, ни силы за это время не прибавилось...

— Вяло что-то сегодня, дорогой, вяло! — не замечая настроения подопечного, прикрикнул подставлявший под удары лапы Донцов. — Даже дистанцию перестал чувствовать — слишком близко подсакиваешь! Что это с тобой?! Ну-ка еще раз!..

Не глядя на тренера, Андрей нехотя отступил, при-

нял боевую стойку, раздраженно прищурился, стараясь с предельной точностью рассчитать, сколько требуется шагнуть, добавить корпусом и плечом, чтоб перчатки угодили строго в белые метки лап, — и, все более раздражаясь, стал снова бросаться с ударами, которые по-прежнему получались размашистыми и не всегда попадали туда, куда следовало. Что-то было утеряно, чего-то не хватало в этот раз. Пожалуй, главного — желания добиваться своего, веры в себя. Да и откуда им взяться?! Настроение было не то!.. Вчера вечером заехал к матери за боксерками, поднялся на второй этаж — в квартиру напротив, в которой жил друг детства, как-то больно уж робко стучится старушка-почтальон. Задержавшись, спросил ее: «Почему так тихо?» Отвечает: «Ох, милый, громче-то и боюсь!..» — «А что такое?!» — сердце сдавило тяжелое предчувствие. Она показала небольшую бумажку: «Да вот, похоронку несущ...» С ужасом глядя на помятый листок, он, оцепенев, некоторое время не знал, как быть; затем, испугавшись, что из двери выглянет мать друга, с грохотом бросился вниз по лестнице... А на днях Але все-таки пришло подтверждение о смерти Димы; она вся почернела от слез. Ну как тут быть иному настроению?.. Вдобавок же ко всему неожиданно арестовали Колодина, который, оказывается, втридорога продавал на рынке получаемые на ребят трусы, майки, тапочки, лыжные костюмы. И хотя проверка показала, что ни в одной секции больше нарушений нет, все ходили как в воду опущенные. И это, конечно, мешало.

Главное же — на фронте обстановка, и без того все это время напряженная, за последние дни обострилась до крайности. Месяц назад под Курском Гитлер начал невиданное по масштабам наступление. Один знакомый лыжник — офицер из штаба армии, которого в первый же день боев ранило и который теперь лежал в госпитале под Москвой, — рассказал ездившему навестить его Невинскому, что такую массу войск фашисты там двинули — просто жуть! Пользуясь отсутствием второго фронта, не только со всей Европы почти все свои боеспособные части стянули — из африканского корпуса Ромеля танки перебросили, в спешке даже перекрасить не успели, так желтыми и пустили в бой. Темно, говорит,

сделалось, когда началось!.. Все ясно: за Сталинград реванш взять хотят.

Правда, тот же офицер успокоил, что и у нас там немало всего припасено. В лесах, лощинах, за всякими кусточками — пушки, танки, катюши на каждом шагу. Говорит, никогда до этого такой концентрации боевой техники не наблюдал! И вот сегодня ровно месяц, как в той стороне не смолкает грохот невиданного доселе сражения. Тетя Наташа после каждого дежурства сообщает сокрушенно, что к ним без конца раненых везут. И все танкисты, танкисты... А в сводках Информбюро — коротко и страшно: «Не утихают напряженные бои...» И такое каждый день!

«Так как же там сейчас обстоят дела? Куда клонится чаша весов? — механически нанося удары, против собственной воли думал Андрей. — А что если им... этим изуверам... все-таки удастся... А что если они все же... Да нет же, это невозможно!.. Страшно подумать... А черт, опять не то! — ругнул себя. — Теперь запоздал вес тела вложить, правая нога отстала!.. Ну абсолютно разучился справа бить!..»

Досадуя, вспомнил, как с завистью смотрел только что на спарринги Громова, Гоглидзе, Товмасына, Удальцова и других ребят, которые на глазах входили в боевую форму. «В октябре—ноябре, в сущности, первенство страны будет... — снова потекли мысли. — Что ж, они-то успеют подготовиться. И я бы успел: дыхание налаживается, левой работать стал неплохо. А вот правая... И видимо, ничего из этого не выйдет, хотя старик упрямо заверяет, что все впереди... Вздор это! Все видят, что вздор!..»

— Снова! — сердито крикнул Донцов. — Теперь плечом не добавляешь!.. И... р-раз!

Андрей не выполнил команды. Опустив руки, остался на месте, недобро уставился в пол. Все, хватит! Больше ему не хотелось понапрасну тратить силы, уж теперь-то был совершенно уверен, что это никому не нужная, бессмысленная затея. Да и потом, легко командовать, а каково выполнять эти самые команды. Еще вначале, полный надежд и веры в успех, увлеченный заманчивыми перспективами, которые так живописно развернул перед ним старый фанатик, ни на что не обращал вни-

мания, ничего не замечал. Последнее же время стало все сильнее сказываться переутомление, все ощутительнее проявляться вялость, безразличие ко всему, росло сомнение в целесообразности начатого с Донцовым дела. Так что бессмысленно продолжать борьбу и давно пора честно заявить об этом!..

— По какой такой причине остановился?.. — удивленно воскликнул, опуская лапы, Донцов.

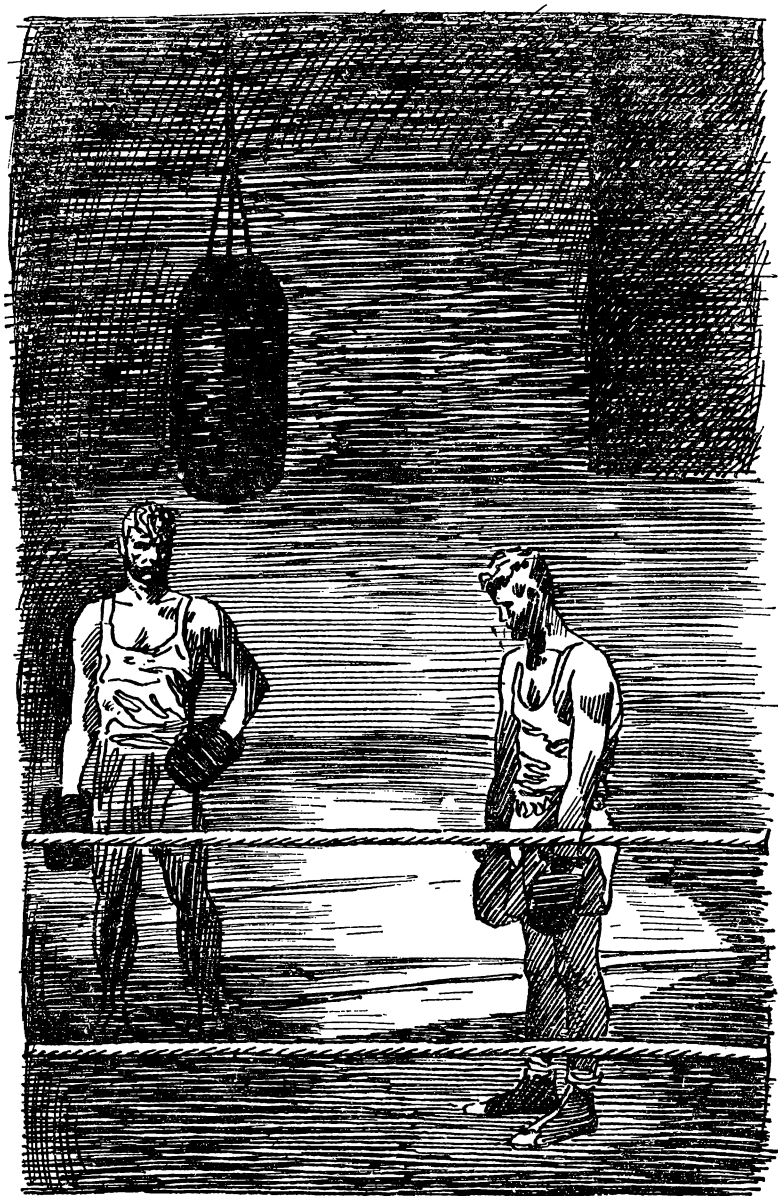
— Достаточно, Борис Сергеевич... Не стоит больше... — не глядя на него, прохрипел Андрей; заставил себя, поднял голову, зло добавил: — Ведь глупо, глупо же все это!..

— Че-го?! Что ты такое брякнул?! — оглянувшись на пустой зал, вспыхнул Донцов. — Да как тебе не стыдно, чемпион?! Каким же ты образом с этакой психикой на ринг вылезал? Или ты был хорош, пока фартило, да? Пока счастье улыбалось?.. Но ведь ты еще и воспитатель! Кого же ты вырастишь, в таком случае, с подобным настроением? Ну, дорогой, тебе крупно повезло, что ребята ушли и ничего не слышали! Так что считай — я не слышал твоих заячьих слов, понятно?! — гневно закончил Донцов и добавил: — В стойку! (Это было произнесено так властно, что Андрей невольно подчинился, снова ошетинился кулаками.) А теперь дай серию из трех прямых! Да полновесную чтоб! И-р-раз!..

Ненавидя себя, Андрей, будто посланный мощной пружиной, бросился вперед, нанес два быстро следующих друг за другом длинных удара левой, разворачиваясь при этом всем туловищем для последующей атаки справа, рванул бедром — и правая перчатка с неожиданной для него силой уткнулась в подставленную Донцовым лапу. Сам удивился неведомо откуда взявшейся прыти. То ли оттого, что наконец вовремя вложил вес тела, то ли потому, что правильно рассчитал дистанцию, но удар получился довоенной мощности. Даже плечом его почувствовал, как прежде.

— Во-от! Давно бы так, вместо того чтобы чепуху-то молоть! — оглушительно рявкнул Донцов. — Да тебя... Да ты себя как следует и не знаешь еще, ясно?! — он отер предплечьем мокрый лоб.

И Андрей в смущении обнаружил, что седые волосы его также мокры, что майка на нем посерела от пота,

лицо — застывшее, точно обмороженное. Виновато подумал, что ведь все это время он, проведя нелегкую тренировку с группой, сразу, безо всякой паузы, брался за него. Как же было нужно верить в успех начатого дела, в благотворное воздействие бокса, чтоб до такой степени не щадить себя, не обращать внимания на екептические замечания со всех сторон. И вот тот, ради кого этот неумный старик так безжалостно тратился, после всего, что с таким трудом преодолено, добыто, взял да и брякнул словцо. Позор, какой позор!..

— Борис Сергеевич! — прикладывая к груди перчатки, проговорил Андрей.— Если б вы только знали, как мне перед вами стыдно! Если б вы только знали! Ведь я...

— «Ведь я»!..— проворчал, снимая лапы, Донцов.— Чтoб больше никогда и не вспоминал об этом!.. «Ведь я»... Да ты, повторяю, и представления не имеешь о том, на что способен! Ты же не использовал и сотой доли своих возможностей, а уже... Ну, ладно, ладно. Прошу об одном: без меня ничего не делай, ясно?.. Вот если только по утрам в зарядке правую руку не жалея, побольше нагружай! — Он снял лапы, по-мальчишески шмыгнул носом, кивнул на душевую: — Пошли, пока горячую воду не закрыли...

Андрей с чувством благодарности и вины смотрел на устало выбиравшегося из ринга тренера. В душе у него с прежней силой вспыхнула надежда. Ведь в самом же деле наверняка не использовал всех своих возможностей!.. Раздвинул тугие канаты, собираясь пролезть между ними,— замер: темные проемы окон внезапно осветились, а вслед за этим все дрогнуло от громового удара.

«Налет?.. Вроде бы поздновато...— в нерешительности подумал он.— Да и сирены не выли... Неужто так стремительно прорвались фашисты?!» Взглянул на Донцова: тот тоже стоял в недоумении, полуобернувшись к окнам.

А они снова ярко осветились, и снова раздался оглушительный грохот.

В зал ворвался Удальцов, крикнул:

— Борис Сергеич! Горячев! Выходите скорее! Салют это: наши Белгород освободили!..

Андрей выпрямился, уже с радостью воспринимая тяжкие звуки последующего залпа, ощутил, что усталость отодвигается куда-то, нырнув меж канатов, кинулся к Донцову, с налету обнял его..

— Ну, дорогой, что, что я говорил?.. — бормотал тот, также обнимая Андрея. — Что предсказывал?.. И уж теперь-то... и уж на этот раз господам фашистам не свалить на генерал-мороза, не свалить, а?

— Да, да! Борис Сергеевич! Да! — тиская тренера, восторженно кричал, стараясь перекрыть грохот салюта, Андрей.

И счастье победы слилось в его душе с верой в собственные силы, с надеждой, что теперь и у него все будет хорошо, что он непременно добьется своего! Ведь получился же только что самый настоящий, полновесный удар, получился?!

Но он не знал, что и этот его удар не был бы таким точным и концентрированным, если б ему не подыграл Донцов, незаметно двинувший навстречу летящей перчатке лапу.

И Андрей, позабыв про все свои сомнения, недовольство собой и отчаяние, которым едва не поддался, как был в трусах, майке и перчатках, так и выбежал вслед за Донцовым из Дворца вместе с толпой также не успевших переодеть спортивную форму борцов, акробатов, гимнастов и гимнасток.

Стремительно пронесшись по двору, он вырвался из-под арки в тот самый момент, когда под грохот залпа над Белорусским вокзалом, улицей Горького — над всей Москвой! — дружно взлетали в темное небо разноцветные огни фейерверка.

Г Л А В А 26

Время от времени Андрей не выдерживал, с шумом вставал из-за стола, нервно ходил по комнате, либо склонялся над лежащим на стуле чемоданом, лихорадочно проверяя, на месте ли майка с трусами, бинты, капа, носки, боксерки, халат, полотенце, хотя прекрасно знал, что все было тщательнейшим образом уложено накануне. Но он тем не менее открывал чемодан, лиш-

ний раз убеждался, после чего вновь усаживался за стол и пытался углубиться в чтение. Однако ничего путного из этого у него не выходило. Мысли о будущем противнике, его хитрости, силе и собственном несовершенстве все чаще выбирались из потаенных уголков, осаждали настойчивее.

Его больше и больше охватывало волнение, кулаки судорожно сжимались, плечи становились напряженными, а перед глазами угрожающе вставал, как живой, мускулистый детина. И тогда суровый, очень похожий на донцовский голос говорил то, о чем он, Андрей, последние дни не решался даже подумать: «А ведь ты, дорогой, далеко не в форме!.. Опомнись: тебя не хватит на серьезные бои!.. А правая рука? Она же так и не восстановилась до конца и может в любой момент подвести!.. Разве ж не тебя неделю назад скрючила боль, когда ты, забывшись, провел в спарринге кросс справа?.. А разве не ты весь покрылся испариной на предпоследней тренировке, промахнувшись по груше правым хуком?.. Не спеши, одумайся, дай ей еще немного оправиться, не лезь безрассудно, иначе потом будешь ох как жалеть!..»

Андрей не выдержал, с шумом отодвинулся от стола вместе со стулом, опять заходил из угла в угол по комнате.

Сегодня, после более чем двухлетнего перерыва, он все же решил снова выйти на ринг. Это были первые после начала войны крупные состязания, в которых участвовали сильнейшие мастера страны. Даже не для специалистов было совершенно ясно, что проводится, в сущности, самое настоящее первенство Советского Союза. Утром он зашел во Дворец, как положено, в присутствии судей взвесился — и вот теперь должен скоро боксировать. Да, он, Андрей Горячев, которого и тренеры, и товарищи по рингу, и почитатели бокса уже считали потерянным для спорта человеком. Ничего подобного ему, разумеется, никто в глаза ни разу не сказал, однако он и без того прекрасно видел по лицам и сострадательным взглядам — их нет-нет да перехватывал при встречах с друзьями, знакомыми или поклонниками. Так вот, через полтора-два часа он докажет, что все они глубоко заблуждаются: будет боксиро-

вать нисколько не хуже, чем до войны. А что?! Все для этого налицо: за полгода упорной тренировки дыхание установилось неплохое; реакция, скорость и координация, по выражению Донцова, стали довоенными; удары шли, все признавали, безукоризненно, даже справа... Если не считать, конечно, все тех же хуков и кроссов. От тренера такое, разумеется, скрыл, потому что без них очень даже свободно можно обойтись. Больше же ни при каких ударах локоть задирать не требуется.

Андрей с удовлетворением подумал, что уж зато прямые получались не менее быстрыми и полновесными, чем в лучшие годы. Когда бил по лапам, Донцов только ахал: «Ого! Ого!.. Недурно! Совсем даже недурно!..»

Конечно, нелегко все это далось. Из боксерского зала выползал чуть тепленький. Хватало сил лишь добрести до дома, поужинать и упасть в постель. Порой казалось, что организм более не в состоянии выносить такие сумасшедшие нагрузки, еще немного — и сломается!.. Но Донцов приказывал — он, Горячев, проникаясь все большей верой в тренера и себя, выполнял эти приказания, и организм каким-то образом выносил!..

Андрей задержался взглядом на картине, на которой были изображены смеющиеся Женечка и Нина Аркадьевна, — с благодарностью подумал, что не только, конечно, тренер, постоянно и незаметно помогали ему в этом нечеловечески трудном, изнурительном испытании и они. Словом, без этих трех человек, конечно, не было бы сейчас таких уверенных, точных движений и молниеносных атак.

«Прямой слева в голову... еще слева — туда же... И справа — ах!..» — командовал и одновременно выполнял свои команды Андрей; с последним ударом, неосторожно налетев на стул, с грохотом отбросил его в сторону — оглянулся на дверь, дотронулся до лица: оно горело.

— Да что я разволновался, как самый последний новичок!.. — упрекнул он себя; бросил взгляд на громко тикавший на столе будильник: можно было не спеша собираться и идти во Дворец.

Час назад, по опыту прежних первенств и состязаний, примерно рассчитав время своего выхода на ринг,

он разогрел и съел приготовленный Женечкой обед: кусочек жесткой трески с серым сладковатым пюре из мороженого, выданного по карточкам картофеля, за которым накануне протомился более двух часов в очереди, ломтик черного хлеба и три кусочка сахара. Конечно, этого было недостаточно для той нагрузки, которая ожидала, хорош был бы слегка обжаренный на раскаленной сковороде сочный и ароматный бифштекс, на который мать до войны обычно выкраивала деньги. Сейчас же это представлялось несбыточной мечтой: второй месяц по мясным талонам продуктовых карточек в магазинах давали яичный порошок или рыбу.

Сдерживая волнение, Андрей неторопливо оделся, потом, вспомнив просьбу Женечки, тщательно закутал шарфом шею, так как на улице, несмотря на начало ноября, было уже по-зимнему холодно, взял чемодан и на несколько секунд суеверно присел на краешек стула. Заметив же на тахте распластанную газету, заставил себя думать о другом, о том, что после Курской битвы на фронтах все стало по-иному. За какие-нибудь два с небольшим месяца нашими войсками очищены от фашистов Донецкий бассейн, Смоленская область, вся Левобережная Украина, форсирован Днепр!.. Освобожден Киев!.. Не выдержав напряжения, вышла из войны Италия!.. Здорово! Просто здорово!..

Думы об этом отвлекли Андрея от размышлений о предстоящем поединке, подбодрили, воодушевили. По темному двору он прошел быстро, почти пробежал. Потом, напряженно вслушиваясь и опасливо вглядываясь в изредка рассекаемый вспышками мрак, проскочил ленту Ленинградского шоссе, где уже всюду гулял ледяной ветер, нырнул с толпой любителей бокса под арку, протиснулся во Дворец и, ни на кого не глядя, стал решительно пробираться к своему залу, в котором была устроена раздевалка для участников перенства.

Там было тесно, шумно, но еще свежо. Вдоль стен на длинных гимнастических скамьях копошились, переодевались к параду, толпились вокруг своих тренеров знакомые и незнакомые боксеры, секунданты, их помощники. Некоторые из участников уже переоделись в

боевую форму и, не зная, куда себя деть, бесцельно разгуливали туда-сюда. Только верный себе Удальцов был в одних плавках и, невзирая на сердитые возгласы Донцова, возился на ринге с Громовым.

«Вот неумейный-то!..» — некоторое время с завистью следя, как тот, хрипя от напряжения, пытается повалить своего толстоногого, медведеобразного партнера, подумал Андрей и ощутил, что самого опять охватывает тревога: «Так в моем он весе или не в моем?..» Но подошел Донцов и спросил:

— Ну как?..

— Спасибо, Борис Сергеевич, все в норме, — заставил себя с улыбкой ответить Андрей, покосился на Удальцова, напряженно соображая, каким все же образом, не выказывая особой заинтересованности, разведать о нем, но тот, вырываясь из объятий Громова, сам крикнул:

— Привет, Андрюха!.. Ты знаешь, дорогой, так надеялся расквитаться с тобой за довоенное поражение, да, понимаешь ли, ничего не вышло: из легкого вылетел!.. Теперь вот к мастодонтам присматриваюсь!.. — добавил он и с воплями ринулся на тяжеловеса.

Андрей почувствовал облегчение, честно признался себе, что к бою с Удальцовым, конечно, готов еще не был, чего уж там душой кривить. Спросил негромко Донцова, много ли перевесил он. Тот как-то неохотно ответил, что граммов сто пятьдесят — двести. И Андрей понял, что такой опытный мастер, как Удальцов, мог бы, конечно, за одну минуту освободиться от пустякового излишка, выйти против него на ринг и взять реванш, но не пожелал обижать... инвалида!..

— Да ты переодевайся, переодевайся, — пошлепал по плечу Донцов. — И не гляди, пожалуйста, на этого баламута, сразу же халат накинь. Тебе-то особенно не стоит остывать.

Заставляя себя ни о чем обидном не думать, Андрей хмуро раскрыл чемодан и, не сразу находя то, что нужно, переоделся в боевую форму: все те же голубые трусы с темно-синим шелковым поясом, белую майку и черные боксерки, над которыми старательно закатал валиками белые носки; затем натянул халат, плотно запахнул в него и, стараясь не обнаружить все более охватывав-

шего его волнения, — ну точно впервые на ринг выходил! — прошелся по залу, обмениваясь приветствиями со знакомыми ребятами из других команд, которые ободряюще жали руку, подмигивали, дружески хлопали по плечу.

В зал в судейском костюме вошел главный судья первенства, немолодой, крупный, бритоголовый человек, в прошлом известный боксер, и обратился ко всем:

— Товарищи участники! Товарищи участники!.. Прошу немедленно построиться: через три минуты выходим на парад!..

Потом из репродукторов в фойе грянул марш, звуки которого ворвались в распахнутую дверь зала, все невольно подтянулись, выровнялись, лица стали серьезными, сосредоточенными. Андрей также выпрямился, расправил плечи, а на душе у него сделалось празднично и строго.

Когда колонна боксеров бодрым шагом вошла в уже несколько разогревшийся от дыхания зрителей, дрогнувший от аплодисментов и восторженных криков Круглый зал, поклонники его сразу же узнали и радостно зааплодировали, закричали со всех сторон:

— Горячев!.. Горячев!..

Это ему было очень приятно, напомнило о минувшей славе, шумных победах, о Виктории. С внезапно вспыхнувшей надеждой он посмотрел на то место, где обычно сидела она, — там, отчаянно колотя в ладоши, что-то восхищенно кричал лейтенант в полушубке и сдвинутой на затылок ушанке. Попытался отыскать глазами Женечку с Ниной Аркадьевной — не нашел. К протянувшемуся за рингом, накрытому зеленой скатертью столу вышел невысокий строгий человек в темном костюме и свитере — председатель Московского комитета физкультуры. Он поздравил всех с началом традиционных состязаний, пожелал участникам успеха. Снова грянул оркестр, колонна повернулась и пошла из зала, а два худеньких, похожих на подростков «мухача», которым выпало по жребию биться в первой паре, заняли противоположные углы ринга.

В раздевалке команды, сразу же поломав строй, плотно окружили своих тренеров. Андрея тоже обступили

ученики — настороженные, ждущие. «Дорогие мои! — оглядывая их, смущенно подумал он. — Если б вы только знали, как же мне сегодня не до вас!..» Но, сделав усилие, ободряюще улыбнулся, попросил подойти поближе, напомнил каждому, как разумнее действовать по выходе на ринг, предостерег некоторых от свойственных им ошибок, после чего напряженно, точно новичок, слушал сам, что советовал Донцов.

План поединка был совершенно ясен и до этого: работать исключительно длинными ударами, основной упор — на левую руку, которой изредка можно наносить и короткие, но ни в коем случае не увлекаться ими. Проводить — и тотчас отскакивать на недосыгаемую для контратак дистанцию, чтоб снова пускать в ход более надежные прямые. И все же советы тренера были как нельзя кстати, они лишний раз подтверждали правоту собственных рассуждений, в чем он в данный момент весьма и весьма нуждался. Одно — думать за других и выбирать для них наиболее разумную линию поведения на ринге, и совсем иное — когда дело касается самого себя.

Слушая Донцова, Андрей осторожно рассматривал бойцов команд-противниц, стараясь угадать среди них своего первого соперника. Спрашивать же о нем считал для себя унижительным, так как понимал — этим только покажет, что больше, чем следует, думает о нем, а значит, и нервничает.

И все же он опять волновался, и волновался настолько, что подчас не слышал, что ему говорят, не сразу понимал обращенных к себе вопросов. Впрочем, когда стал выводить учеников в Круглый зал, то сразу же успокоился и забыл про себя. Привычно следя за разворачивающимися поединками, как всегда, быстро находил в технике их конкурентов едва уловимые оплошности и недочеты, которых в горячке не замечали они сами, и спокойно, точно на тренировке, подсказывал наиболее разумные контрмеры.

Своего же противника увидел, когда вышел на ринг сам и рефери пригласил обоих на середину. Это был невысокий, судя по темным от въевшейся металлической пыли рукам и шее, заводской парень, коренастый, с крепкими ногами футболиста, перворазрядник. Лицо

от волнения у него покрылось яркими пятнами, а протягивая для пожатия перчатки, он не посмел поднять глаз.

«Ну зачем, зачем же так, дорогой! — мысленно обратился к нему Андрей. — Титул чемпиона давит?.. Напрасно. Я и сам сейчас того, порядком волнуясь и даже боюсь. Нет-нет, не тебя, конечно, себя! Сумею ли с собою справиться, хватит ли характера и сил не сорваться, до конца выдержать тактический рисунок боя...»

Андрей задержался взглядом на темных руках и шее противника — в памяти отчетливо встало виденное однажды: бетонированное пространство цеха, тесные ряды тускло поблескивавших станков, бешено вращающиеся детали и застывшие над ними, лоснящиеся от пота и машинного масла рабочие, — и ему сделалось неловко, что сейчас он будет биться с одним из них.

«Какой вздор! — в следующую секунду возмутился Андрей. — Я же не ущерб нанесу, а, наоборот, помогу ему крепче закалиться духом и телом, чтоб он мог легче переносить после то напряжение, какое выпало на его долю. Своєю же снисходительностью лишь унижу и причину вред... Да и потом вполне вероятно, что это вовсе не подарок, а очень сильный и техничный боец. Сам не раз наблюдал, как против опытных, окруженных славой мастеров выходили вот такие зелененькие перво-разрядники, мастера бились небрежно и... терпели поражения!...»

Последняя мысль насторожила, вновь заставила Андрея напрячься. Уходя в свой угол, он опять ощутил в груди холодок волнения и толком не слышал, что, все более одушевляясь, советовал напоследок Донцов.

А затем прозвучал гонг. Андрей, как всегда, поспешно повернулся и торопливо, словно боясь опоздать, двинулся к центру ринга, навстречу нерешительно вышедшему из противоположного угла противнику, — почувствовал, что весь раскрепощается, все остро видит и с удивительной ясностью осознает.

И по тому, как соперник, приблизившись, принял боевую стойку, ему стало ясно, что перед ним все же малоопытный, по-видимому, недавно перешедший на

большой ринг спортсмен. Чересчур напряженные руки он держал перед собою слишком высоко, напрасно тратя из-за этого уйму сил; левое плечо подтянул к подбородку, тогда как, наоборот, следовало бы опустить подбородок за плечо, отчего опять же был бы меньше напряжен и скован; вес тела нерасчетливо перенес на правую ногу, полагая, что таким образом отдалился от неприятельских перчаток, в результате же стал еще более уязвим, так как лишил себя возможности в случае нужды отходить, отскакивать назад.

«Да и, кроме того, ты ведь, дорогой, совершенно открыт!» — начиная, как всегда, легкими прямыми ударами слева разведку, благожелательно, точно перед ним был ученик, а не противник, подумал Андрей; но тут же в голове мелькнуло: «Может, хитрит? Простачком прикидывается?!»

Внезапно разорвав дистанцию, он пристально посмотрел. «Да нет же, нет, просто-напросто обо всем забыл и никак не может взять себя в руки, — успокоился. — Надо будет подсказать твоему тренеру, чтоб он обратил на это особое внимание в учебных поединках и научил бы тебя держаться, как подобает мужчине, уверенно. Ну вот что бы я тебе, например, посоветовал?.. Прежде всего, конечно, расслаблять мышцы. Зачем так напрягаться? Ведь если укрепить на тебе счетчик, то он бешено крутился бы без толку. Успокойся, сбрось напряжение и оглядись. Для тебя же все гораздо проще, чем для меня. Проиграешь мастеру ты — никакого позора, даже могут похвалить, если будешь смело биться. А вот поражение для меня — совсем иное дело. Так что можешь и начинай действовать спокойно, без излишних эмоций. Что, не решаешься?.. Ну, хорошо, тогда начну я, нанесу первый удар, прямой слева в голову, — и — р-раз!.. Как?.. Ты успел, сблокировал. Молодец. Но выполнил прием слишком суетно и нерасчетливо: приоткрыл при этом область сердца и солнечное сплетение... Нет-нет, мы, конечно, ни в коем случае не будем сразу же стремиться проникнуть к этим уязвимым местам, а на всякий случай и чтобы было вернее еще раз внушить тебе, что нас интересует только подбородок — эта наиболее опасная и потому крайне желанная для атак точка. И — р-раз!.. Правильно, ты опять защитил-

ся, но не менее важные объекты уже совсем оставил открытыми... Так вот теперь уж мы тебя за это накажем, чтоб в следующий раз ты был умнее и не попадался на подобные школярские приманки!..

Итак, со всей серьезностью направляем опять слева ложный прямой в подбородок. Затем с самым решительным видом добавляем туда же справа, чтоб еще больше оттянуть твою защиту от корпуса и при этом незаметно сблизиться... И вот он, короткий, но совершенно, конечно, неожиданный для тебя удар слева снизу в солнечное сплетение!.. Как?.. М-да, пожалуй, получилось чересчур сильно: ты побледнел, у тебя перехватило дыхание, хоть и стараешься делать вид, будто ничего особенного не произошло. Не рассчитал, извини, не собирался сразу ошеломлять тебя... Но ты сам виноват. Или же твой тренер. Да неужели вы с ним не изучали таких простых финтов?»

Андрей некоторое время выжидал, не нападал, давая противнику возможность оправиться, прийти в себя.

«Как, отдохнул?.. Осваивайся, осваивайся, дорогой, пора! Начинай действовать сам!.. Вперед! Ну же!.. Вот так, молодец. Только помни: когда наносишь удар — любой! — небьющая рука должна непременно охранять те уязвимые точки, в какие вероятнее всего может последовать контратака, в данном случае — подбородок... А ты кинулся с левым хуком, правую же перчатку развесил чуть ли не до пояса. Х-хоп!.. — вот я тебе беспрепятственно и попал по челюсти. Ах, это для тебя пустяк?.. Тебе на это наплевать?.. Напрасно, напрасно. Имей в виду: ни один удар, каким бы слабым и ничтожным он ни казался, не проходит бесследно. Под конец боя, когда каждая капля сил будет значить очень много, он ощутится на плечах пудовой гирей! Вот так... Ну что ж, продолжай, продолжай работать, двигаться, не стой неподвижной мишенью!..»

Дождавшись следующей атаки, Андрей слегка отпрянул, затем почти без паузы рванулся вперед и провел несколько коротких, быстро следующих друг за другом ударов слева, словно демонстрируя, где у противника слабые места в обороне, и одновременно пробуя, как они, такие удары, получаются у самого. Вышло неплохо.

Не ожидая ответных мер соперника, Андрей легко отскочил от него, стал кружить вокруг, различными финтами вызывая его на новые необдуманные поступки, мгновенно используя их в своих интересах и все более и более радуясь четкости и согласованности собственных действий. Он тонко чувствовал дистанцию и время, видел не только те удары, которые шли в его сторону, но безошибочно предугадывал замышляемые противником. И это доставляло ему огромное наслаждение. И не потому, что самому удавалось избегать неприятельских перчаток, а свои собственные посылать точно в цель, но потому, что вновь ощутил себя ловким, сильным, полноценным!

Когда прозвучал гонг и все дрогнуло от восторженных криков и аплодисментов, Андрей, удивленно оглядываясь по сторонам и постепенно приходя в себя, с волнением понял, что аплодируют ему! И не столько за то, как боксировал, не столько самому бою, сколько тому, что после всего происшедшего с ним он остался бойцом, мог боксировать и вот великолепно это только что продемонстрировал. Он тотчас же вспомнил Анечек, Невинского, Красикова, Женечку с Ниной Аркадьевной, Донцова и товарищей по тренировкам, которые так или иначе помогли его возрождению, и благодарно помахал в черноту зала обеими руками, после чего поспешил в свой угол.

— Молодец!.. Неплохо!..— подставляя табурет, удовлетворенно сказал Донцов.— В таком духе и продолжай: только на дальней дистанции и только прямыми ударами!.. И тебе с руки, и ему,— он кивнул на противоположный угол,— полезно поучиться...

Однако во втором раунде, поправленный своими секундантами, соперник повел совершенно иную игру. Он стал, правда неумело и грубо, рваться в ближний бой, чтоб действовать против длинных ударов Андрея короткими. И Андрею с каждой секундой становилось все труднее удерживать его на выгодной для себя дальней дистанции. Вскоре одних прямых ему уже не хватало. К тому же он с удивлением и тревогой обнаружил, что заметно потяжелели перчатки, которые теперь, несмотря на все его старания, не так-то легко и точно летели в цель, что налившиеся тяжестью, словно набухшие ноги

менее послушны и все с большим трудом переносят его по рингу. От того благодушия, с которым начал бой, не осталось и следа. Позабыв о том, кто перед ним, что ему полезно и что вредно, призвав на помощь весь свой опыт и мастерство, Андрей боксировал уже всерьез, жестко, неуступчиво, вкладывая в удары всю страсть и силу, старательно избегая ближнего боя, где только можно экономя энергию и скрупулезно контролируя каждое свое движение.

И все же в самом конце раунда, сам не понимая, как это могло произойти, подчиняясь исключительно тактической необходимости, он непроизвольно встретил бросившегося безо всякой защиты в атаку противника коронной серией из коротких ударов, привычно завершив ее точным кроссом справа по челюсти — совсем осмелел паренек! — и одновременно с уткнувшейся в цель перчаткой ощутил, что всю правую сторону тела точно раскаленным прутom прожгло.

«Вот оно!..» — невольно сгибаясь и прижимая к животу, казалось бы, вдребезги разлетевшуюся руку, с досадой подумал он; припомнил, как убеждал Донцов, что еще рановато ему вылезать на большой ринг, что нужно как следует набраться сил самому, дать до конца окрепнуть пострадавшей руке, как, полный нетерпения, обманывал тренера, уверяя, что чувствует себя превосходно, а контуженая рука разболталась настолько, что порой даже не верится, будто она была когда-то неполноценной. И вот...

Спохватившись, Андрей выпрямился, отпустил бессильно повисшую руку, делая вид, что ничего худого с ним не случилось, пристально взглянул на противника: тот поднимался с пола; но поднимался не обескураженный неудачей, не напуганный ею, как некоторые, а с решимостью человека, совершившего ошибку, но теперь понявшего ее и готового довести начатое дело до конца. И Андрей впервые почувствовал, что его охватывает тревога.

Он беспокойно взглянул на замершего с поднятой над головою рукой и выжидательно уставившегося в его сторону рефери, понял, что тот не имеет права, пока он, Андрей, не отойдет, открыть счета, и, забывая обо всем, хотел броситься в дальний угол ринга. Но в самый по-

следний момент застыл, с возмущением видя, как вскочивший с секундантского табурета Донцов решительно сорвал с плеча полотенце, которым обмахивал его, Андрея, во время минутного перерыва, и, что-то беззвучно, из-за рева зала, крича, широко размахнулся и швырнул его.

Подстреленной птицей мелькнув в голубоватом от света юпитеров воздухе, полотенце полуразвернулось в полете и криво распласталось на испачканной канифолью крышке ринга.

Рев зрителей, будто отсеченный, оборвался, и в зале наступила немислимая секунду назад тишина.

— Что вы делаете?! — острее боли испытывая стыд, рванулсч к полотенцу, чтоб подхватить его и бросить обратно, задыхаясь, крикнул Андрей. — За-чем?!

— А затем! — твердо ответил Донцов: зычный голос его в тишине звучал отчетливо. — А затем, что нужно думать о будущем! Чтоб это первенство не стало в твоей жизни последним, ясно?! — И он властно приказал растерянному рефери, качнув головой в сторону уже готового продолжать поединок противника: — Объявите его победителем ввиду моего, — он выделил «моего», — отказа от продолжения боя.

И когда недоумевающий рефери, бросив взгляд на главного судью, на Андрея и снова на главного судью, выполнил приказ, Донцов, наступив на нижний канат ринга и приготовившись оттянуть рукой вверх средний, кивнул Андрею:

— А теперь пожми партнеру руки и выходи. — И негромко добавил, по-видимому отвечая собственным мыслям: — Что ж, начнем все сначала!..

ГЛАВА 27

После занятий со второй детской группой Андрей поспешил домой, чтоб перехватить что-нибудь, отдохнуть и начать тренироваться самому. Провал в минувших состязаниях не обескуражил его, как опасались некоторые, а, наоборот, задел лишь за живое: уж теперь-то он окончательно осознал, что неодолимым трудно-

стей не существует, что можно всего добиться, если только проявишь терпение и твердость. И он на следующее же утро, не желая упускать ни одного дня, начал опять заниматься лечебной гимнастикой. И к концу декабря уже работал на груше и мешке и даже в спаррингах — обеими руками. А еще через полтора месяца участвовал в первенстве ВЦСПС, в котором их команда заняла первое место, а он сам, Малякин, Голубев и Антон стали чемпионами.

В этих соревнованиях он выдержал три боя и все их провел успешно. Вот только по-прежнему не мог наносить удары справа, при которых требовалось приподнимать локоть. Но уж зато те, что шли не выше 140—150 сантиметров от пола, получались великолепно.

Такую оптимальную высоту однажды случайно обнаружил Донцов, гоняя Андрея на лапах. Заметив же эту его особенность, стал специально ставить их пониже, опускать грушу или мешок. Вскоре удары такого типа получались внезапными, точными и чрезвычайно мощными. Донцов сразу окрестил их «пигмейскими». И едва только цель в минувшем первенстве оказывалась на требуемой высоте, Андрей без промаха поражал ее. Попадания были настолько точными и сильными, что двоих даже в нокдаун послал. И все решили, что он вообще теперь может бить справа в полную мощь, и стали остерегаться его возрожденной руки. Вскоре опять на улице, в метро он все чаще ловил на себе восхищенные взгляды, с ним, как и до войны, всюду с уважением здоровались. Вначале Женечка с Ниной Аркадьевной удивлялись, откуда у него такая пропасть знакомых, но потом всё поняли и, он видел, гордились им...

Пообедав и возвратившись во Дворец, Андрей поднялся к себе в раздевалку, в которой уже было полно ребят из Центральной спортивной школы. Все они переоделись в тренировочную форму, но, вместо того чтобы выходить в зал и начинать разминку, толпились за спиной Донцова, который стоял возле приколотой к стене карты и что-то оживленно объяснял.

— Слышал? — радостно обернулся он к Андрею. — Наши войска-то, после того как уничтожили Корсунь-

Шевченковскую группировку, всю Правобережную Украину освободили и теперь...— Он дождался, когда Андрей протиснулся к нему, и провел ногтем по линии западной границы Советского Союза.— И теперь, как видишь, совсем чуть-чуть до главного рубежа осталось!..— Он оглядел всех.— А тут мне один знакомый майор рассказал, что и у них, на Южном фронте, крепко фашистам под зад дали. Значит, скоро и оттуда их попрут!..— Он помолчал, добавил сурово: — Что ж, думаю, недалек тот день, когда война перейдет на землю тех, кто ее начал!.. А там и всю Европу освободим, хотя наши союзнички все жмутся со вторым фронтом!..— И отошел от карты, приглашая всех в зал.

— А вот я смотрю и никак в толк взять не могу,— неожиданно раздался недоумевающий бас Громова,— откуда, из каких таких запасников у нас столько прыти взялось?

— Ну как бы это тебе, дорогой, популярно объяснить?..— задержался Донцов.— Это, собственно, в какой-то степени похоже на то, что нередко случается в напряженнейших состязаниях, когда кажется, что уж больше не осталось сил даже рукой махнуть, шагу ступить. Для некоторых это все, конец. А вот для настоящих мастеров, чемпионов — нет: они прекрасно знают, что организм всегда имеет немалые резервы и нужно только уметь ими пользоваться. Не обращая ни на что внимания, из последнего преодолевая себя, они упорно продолжают борьбу — и тогда к их рукам и ногам, плечам и спине все более широким потоком устремляются свежие силы!..

— Второе дыхание это,— подсказал Удальцов.

— Совершенно верно! Это так называемое второе дыхание! — подтвердил Донцов.— Так вот, нечто подобное и произошло с нашей страной, армией и народом.— Он повысил голос: — Но запомните: такой подъем жизненных сил, дорогие мои, то есть это самое второе дыхание возможно лишь у крепких духом, стойких организмов, ясно?!

— Да уж куда ясней,— также отходя от карты, пробасил Громов.

— В таком случае, спускайтесь в зал,— шагнул к выходу из раздевалки Донцов.— Конец войны не за

горами. И тогда начнутся другие сражения. На ринге, борцовском ковре, беговых, водных и ледяных дорожках, лыжне и футбольных полях. Времени же на подготовку у нас не так много. Да! Утром я заглянул во Всесоюзный комитет физкультуры, и там мне твердо сказали, что летом будет проводиться первенство СССР. Так что с сегодняшнего же дня мы начнем с особенным старанием обогащать наш боевой арсенал,— закончил Донцов, когда все вышли в зал, и в возбуждении обратился к Андрею: — Между прочим, я тебе сейчас такое покажу — закачаешься!..— Он шагнул к рингу, на верхнем канате которого висели перчатки, сорвал одну пару, начал натягивать.— Надевай, надевай и ты — и в стойку!

Озабоченно думая, что там еще изобрел неугомонный старик, Андрей с неохотой выполнил приказ.

— А теперь бросайся на меня с левым хуком! — все так же возбужденно продолжал Донцов, становясь на против.— И не просто так, а старайся попасть мне прямо в челюсть!..

По-прежнему всерьез не вникая в то, что он делает, все еще думая о своем, Андрей покорно пошел в атаку, на всякий случай направляя перчатку поверх головы необычного партнера, и вдруг ощутил, что его точно обухом по лбу хватили, даже колени дрогнули.

Кое-как удержавшись на ногах, он недоуменно посмотрел на Донцова — тот, болезненно морщась, гнулся, прижимал к животу руку, которой только что нанес удар.

— А, черт, немного не рассчитал — в лоб угодил, вместо того чтобы в подбородок...— бормотал старый тренер.

«Как?! — ужаснулся Андрей.— Да тогда б я на полу валялся!» С досадой сказал:

— Вы бы хоть предупредили, что будете всерьез-то, Борис Сергеевич, я б как-то защитился...

— Это я должен был сделать,— раздался от окна невозмутимый голос Громова.— Меня только что в метро угостили этим самым приемом.

— А что, плохой прием? — живо обернулся в его сторону Донцов.— Плохой, да?

— Этого я не говорю,— осторожно трогая пальцем

желвак на скуле, возразил Громов. — Как твое мнение, Горячев?

— М-да, — удерживая улыбку, тряхнул головой Андрей. — Комментарии, как говорится, излишни. Действительно закачаешься!

Все расхохотались.

— А чего, чего ржете? — обернулся туда-сюда Донцов. — Да вы все мне потом такое спасибо говорить будете! Такое спасибо!..

— Так мы вот с Горячевым уже говорим, — с серьезным видом кивнул Громов.

Все снова захохотали.

После того как разогрев окончился, Донцов опять вспомнил о новом приеме, который, в сущности, оказался ничем иным, как прямым справа вразрез с раскрывающим шагом навстречу противнику. Действительно, это был очень эффективный, в любой момент могущий привести к победе прием. Но он и требовал исключительно точного, артистического исполнения, в противном же случае легко оборачивался против самого атакующего, так как он в момент его проведения на некоторое время оставался совершенно открытым. И вначале Андрей, опасаясь, что на все это придется затратить уйму труда, но все равно к первенству до нужной кондиции не довести, хотел отказаться от него, однако Донцов убедил, что новый прием станет одним из самых грозных в его боевом арсенале, и в конце концов заставил отшлифовывать отдельные элементы на груше и мешке.

А потом в открытые окна ворвался грохот артиллерийского залпа, который никого не встревожил и не удивил: Советская Армия уверенно шла вперед, и теперь почти каждый день отмечали салютами взятие какого-нибудь города, крепости или района.

— В честь чего это сегодня? — спросил вошедшего Ходакова Донцов.

— Крым освободили! — весело ответил тот.

ГЛАВА 28

Андрей прекрасно знал, что в финале первенства встречается с Удальцовым, однако на ринг поднялся совершенно незнакомый белобрысый бугай — по меньшей мере, полутяжеловес! — и, озорно подмигнув, так ахнул по столбику, к которому крепились канаты ринга, что тот покосился. А потом, не дожидаясь гонга, приблизился, размахнулся и послал свою, похожую на футбольный мяч перчатку в его, Андрея, сторону. Требовалось немедленно отбить ее либо, на худой конец, сблокировать, но повисшие как плети руки не подчинялись. Тогда, собрав все силы, он в ужасе отпрянул — и проснулся.

С волнением увидел, что удержался на самом краю дивана. Сердце бешено колотилось, грудь часто вздымалась. «Фу, какая глупость! — конфузливо подумал. — Шестьдесят пять боев за спиной, а словно в первый раз на ринг выхожу!...»

По шуму улицы поняв, что уже поздно, Андрей бросил взгляд на бойко стучавшие на стене старенькие, с круглым жестяным циферблатом, ходики: «Ого, девятый час!» Успокоил себя: «Ну да ничего, зато отдохнул как следует». В первые дни не высыпался: отвык от грохота трамваев и автомашин за окном. Но крепился, не уезжал — здесь, у матери, ему было гораздо удобнее: первенство решено проводить на стадионе «Динамо», под открытым небом, и Донцов сразу же перенес тренировки на площадку детского городка Центрального парка, где он шефствовал над юношеской спортивной школой. Тренироваться в помещении, а выступать на свежем воздухе — гиблое дело. Андрей никогда не забудет, как, боксируя до войны на летней эстраде в Сокольниках, он после первого же раунда в смятении обнаружил, что от непривычки к чрезмерному обилию кислорода задыхается. До конца боя тогда едва дотянул. Хорошо еще, противник попался не особенно опытный. И теперь был очень благодарен Донцову за оперативность. Вначале вместе с Голубевым и Антоном ездил в пустынный, тихий парк каждый день. Потом на семейном совете решили, что гораздо разумнее переселиться на время подготовки к первенству на Крымскую. Прав-

да, неодолимо тянуло повидаться с Женечкой, к которой все больше испытывал нежность и уважение. «Ну что я тебе про нее говорил?!» — торжествовал Мишка.

Андрей невольно вспомнил происшедшее недавно. В тот день он проснулся несколько раньше, чем зазвенел будильник, поскорей закрыл звонок, чтоб хоть в воскресенье дать поспать жене. Некоторое время вглядывался в ее освещенное пепельным светом ненастного утра поблекшее лицо. Вчера опять поймал на том, что она подсовывает ему свою долю мяса!.. Прерывисто вздохнув, он осторожно снял со спинки стула рубашку, тренировочные брюки, свитер и стал бесшумно одеваться, надеясь незаметно выскользнуть из комнаты. Когда же шагнул к двери, предательски скрипнула половица и сзади тотчас раздался встревоженный голос Женечки: «Что, я проспала, да?» Досадуя на себя, ответил, что вовсе она не проспала, что будильник не звонил и что ей совсем ни к чему так рано подниматься в свободный день. «Нет, нет — высказывая из-под одеяла и накидывая халатик, возразила она, — ты не знаешь, из чего приготовить завтрак. Так что иди умывайся, а я быстренько все сделаю...»

Браня себя за неуклюжесть, он поплелся на кухню, наскоро умылся. Когда же, торопливо поев, встал из-за стола и направился к двери, она подскочила, опустила ему в карман два куска рафинада, шепнув: «Калории на обратный путь!..» — «А сама опять будешь пустой чай пить, да?» — обернувшись к ней, воскликнул он; сунулся в буфет — так и есть: в сахарнице — ни кусочка. И вот во всем и всегда так...

Андрей скинул с дивана ноги, встал, оглядел комнату: постель матери убрана, значит, поехала на Бабье-городский рынок, чтобы купить на оставшиеся после строжайшей экономии деньги кусок мяса — день-то сегодня решающий.

Допущенные к первенству ученики уже закончили борьбу, заняв, несмотря на то что участвовали в таких крупных состязаниях впервые, неплохие места в своих весовых категориях. Сам опять вышел в финал без всяких осечек, успешно проведя две предварительные встречи. Дыхание не подводило. Справа бил все смелее. Особенно же выручали пигмейские удары, которыми

пользовался вольно. И теперь уже не ждал, когда цель окажется на требуемой высоте, а сам при помощи финтов заставлял противников нагибаться ровно настолько, насколько требовалось. И вот остался последний — Удальцов. Он в первый же день на взвешивании заявил: «Ну, Андрюха, я смотрю, ты уже работаешь в полную силу, поэтому разреши-ка и мне биться в своей привычной весовой категории». — «Пожалуйста, пожалуйста!» — ответил ему на это; с благодарностью подумал: «Ну, конечно же, тогда, осенью, пожалел меня, специально в другой вес перешел!..» С особенным вниманием смотрели потом с Донцовым его бои в надежде подметить в технике хоть малейшую недоработку. Однако ничего обнаружить не смогли. Удальцов по-прежнему был подвижен, стремителен и разнообразен в выборе боевых средств. К финишу он двигался уверенно: одного противника нокаутировал в начале второго раунда, другого заставил отказаться от продолжения боя в первом.

«М-да, вот тут-то она ему и сказала!..» — подумал Андрей излюбленной присказкой Громова; заметил, что опять всего охватывает волнение, повернулся к окну.

Улица за последнее время разительно изменилась. На месте Заботинского сада, среди искалеченных яблон и вишен которого еще совсем недавно торчали тонкие стволы зонтиков, был разбит сквер, широкая каменная лестница в четыре ступени вела туда. Зеленели, освещенные несмелым утренним солнцем, аккуратные газоны, желтели посыпанные песком дорожки, белели цементные вазы на высоких постаментах и длинные, с изогнутыми спинками скамьи. От сада уцелели всего две яблони в левом дальнем углу. Сама улица стала вроде бы уже, невзрачней, а главное, малолюднее — шли, шаркая по тротуару, в основном, старики да старушки.

Со стороны Крымской площади с грохотом, от которого зазвенела посуда в буфете, подошел трамвай, и Андрей заметил мать с сумкой в руке, спохватился, начал делать зарядку, снова видя перед собою огромную, ярко освещенную солнцем, переполненную зрителями трибуну стадиона «Динамо».

ГЛАВА 29

— Можно разогреться! — возбужденно сказал, входя в раздевалку в стареньком, выцветшем тренировочном костюме и потертых резиновых тапочках, Донцов. — Через пару наша очередь...

Истомившийся в ожидании выхода на ринг, уже давно переодевшийся в боевую форму Андрей встал с дивана, скинул на него с плеч желто-зеленый махровый халат и, прислушиваясь к себе, начал бой с тенью.

Все вроде как будто на месте. И в то же самое время чего-то недостает. Чего? Быстроты?.. Нет, удары получались стремительными. Силы?.. И это не так. Несмотря на то что предварительные встречи оказались на редкость напряженными и, что уж душой кривить, конечно, утомили, сил оставалось немало... Тогда в чем же дело? Неожиданно осознал: не хватало Женечки, которая, вчера простояв в очереди под проливным дождем за картофелем, теперь лежала дома с высокой температурой. И хотя с нею осталась Нина Аркадьевна и поводов для беспокойства, казалось бы, не имелось, тревожные мысли не покидали Андрея, мешали сосредоточиться, а потому и не было необходимой остроты в движениях и того радостного нетерпения в каждом мускуле, с каким ожидал обычно своего выхода. Какое! До сих пор не сложилось ни четких соображений, как держать себя на ринге, ни конкретных планов будущего поединка. Знал только одно: нужно! И все.

То есть представлял себе, конечно, в отдельности, какие приемы и серии ударов следует проводить, что ожидать от противника. А вот общей стратегической линии не было, не складывалась. И главное, все до мельчайших подробностей о сопернике было известно: с виду агрессивный, бросавшийся в бой, едва только раздавался гонг, Удальцов на самом деле предпочитал контратаки, так что весь его бурный напор, лихой натиск вначале был ни чем иным, как обманом, способом вынудить партнера развязаться, потерять бдительность, пойти вперед. И вот тут-то он, делая вид, будто не выдерживает ответных действий, незаметно уступал инициативу, а сам, оттягиваясь и маневрируя, начинал свою настоящую работу: с завидной легкостью уходя от ре-

шительных атак, проводил тщательно выверенные удары и серии ударов, которые в конце концов выматывали, ставили его соперников в положение тренировочных мешков. Так что, в сущности, требовалось одно: не попасться на его удочку, ни в коем случае не брать на себя роль атакующего, а вместо этого каким-то образом заставить атаковать его самого. Но вот как раз это и было главной трудностью.

«Что, что там еще Борис Сергеевич советует?.. — на некоторое время переставая втыкать в воздух кулаки, насторожился Андрей. — Ах, нужно заставить все же атаковать Удальцова... Легко сказать. Ну да ведь иного выхода и нет. Вот только как, каким образом освободиться от этих беспокойных мыслей о Женечке?! С таким настроением, конечно, о подобной тактике и думать нечего!»

Андрей почувствовал, что теперь его шлепают по спине, — обернулся: Борис Сергеевич, опять что-то говорит...

— О чем вы?.. — опуская руки, переспросил.

— Чаше бей по корпусу вначале, вот о чем! — громко, точно глухому, повторил Донцов. — Понял?! — Щелкнул секундомером, взял с дивана халат, накинул Андрею на плечи. — А теперь не теряй накопленное тепло. Запахнись как следует и сядь, посиди.

Андрей послушно завернулся в халат, расслабленно опустил на диван, положил на подставленный тренером стул ноги.

— Вот так, отдохни, — еще раз пытливо заглянув ему в глаза, сказал Донцов. — А я пойду погляжу, как там дела на ринге, скоро ли нам перчатки принесут. — И он, по-боксерски косолапя, вышел из раздевалки.

«Да что происходит с парнем? — недоумевал старый тренер. — За правую руку беспокоится? Но ведь, кажется, предварительные бои должны бы убедить, что, если разумно пользоваться пигмейскими ударами, опасности никакой нет. Удальцова опасается?.. Что ж, этот сейчас в великолепнейшей форме и работает как зверь».

Донцов остановился: кто-то окликнул его; обернувшись, увидел запыхавшегося Красикова.

— Ты что, тезка?..

— Как Андрюша? — вместо ответа спросил тот.

— Ну-у как?..— Донцов покосился на спящих туда-сюда секундантов, тренеров, судей; понизил голос: — Неважно. Боюсь, на пределе он — бои-то какие выдержал!.. И вот чем теперь на последний взбодрить, ума не приложу.

Красиков задумался, потом взволнованно сказал:

— А разрешите я!.. Позвольте мне это сделать!

Донцов посмотрел удивленно, пожал плечами:

— Что ж, попробуй.

Красиков сорвался с места, бросился к раздевалке. То, что он сейчас сообщит, не может не взбодрить Андрея: только что видел Вику, говорил с ней. Уж не та. Поблекла, пропал апломб. Жизнь у нее, оказывается, не сложилась: год уже, как разведена. Возвратилась вчера из эвакуации, услышала по радио, кто боксирует в финальных поединках, и, все еще надеясь на свою неотразимость, явилась. Правда, услышав, что Андрюша женат, счастлив, некоторое время стояла с полупрезрительной улыбкой в нерешительности. Затем молча повернулась и пошла прочь. Но об этом пока следует умолчать. Главное — здесь! На трибуне!.. А уж Андрюша, услышав этакое, сразу вспомнит ее предательство и сделает все, чтоб только не ударить при ней лицом в грязь!..

Вбежав в раздевалку и увидев задумчиво откинувшегося на спинку дивана Андрея, Красиков крикнул:

— А ты знаешь, дорогой, кого я только что на трибуне обнаружил?

— Нет,— равнодушно пожал плечами Андрей.— Кого же?..

Красиков интригуяще помолчал, потом выпалил:

— Вику, вот кого!

Андрей вскочил, опрокидывая стул и роняя на пол халат, с дивана, схватил его за руки так, что затрещали пальцы.

— Где... где она сидит?!

— Н-недалеко от нас... То есть совсем рядом...— не ожидавший, что его слова произведут такой эффект, растерянно ответил Красиков.— Она вчера возвра-

тилась из эвакуации, узнала, что ты дерешься, и вот...

Андрей смотрел на друга растерянно. Это что же, значит, Вика приехала на стадион ради него?! Сердце забилось так радостно, а неприязнь к ней и обида мигом пропали, и он, забывая обо всем, воскликнул:

— В таком случае проводи меня скорее к ней!

— Ты с ума сошел! — загородил дорогу Красиков. — Тебе же через минуту на ринг выходить!

— А, верно, верно, — опомнился Андрей. — Тогда вот что: я к вам после боя прибегу! Так и скажи!.. Вы где сидите?

Красиков отвел глаза, но потом, справившись с замешательством, ответил, надеясь, что по выходе на ринг Андрею будет не до них:

— Слева от главной ложи, понимаешь?..

— Понимаю! Понимаю! — кидаясь ему на шею, кричал Андрей.

— Друзья мои, друзья мои, что здесь такое происходит?! — раздался от двери возмущенный голос Донцова, через плечо у него, белея тесемками, висели боевые перчатки, небольшие, тугие. — Боря, дорогой, я ведь разрешил тебе зайти вовсе не для того, чтоб ты вызвал целую бурю нежелательных эмоций! — он с упреком посмотрел на Красикова. — Не ожидал такого от тебя, никак не ожидал!.. — Серdito обернулся к Андрею: — Зачем поднялся? Где халат?

Оставляя Красикова, Андрей подхватил халат с пола, с треском натянул на себя.

— А теперь садись и давай руки, перчатки надем! — приказал Донцов и опять укоризненно посмотрел на Красикова.

— Ну... я пошел... — пробормотал тот и двинулся к двери.

— Борис! — спохватился Андрей. — Ты это... ты все-таки лучше потом сам за мной забеги, ладно?

— Ладно, — ответил Красиков, выходя, а в раздевалку на некоторое время ворвался рев стадиона.

Андрей с волнением представил себе плотно забитую поклонниками бокса трибуну, ту, прежнюю Викторию среди них и ощутил острую потребность поскорее выйти на ринг: ему захотелось действовать, рисковать, биться.

И теперь он знал, неизвестно откуда явилась уверенность, что, начав поединок, сразу же решит, как быть, какой тактики разумнее придерживаться, так что до выхода нечего и голову над этим ломать!.. И он с нетерпением протянул тренеру руки, позволяя надеть на них перчатки.

— Ну, а теперь вставай, пошли! — снова раздался голос Донцова, и Андрей обнаружил перед собою его лицо: настороженное, тревожное. — Слышишь или нет?!

— Слышу, Борис Сергеевич, слышу! — вскакивая с дивана, воскликнул Андрей. — Да вы не беспокойтесь! Все будет в порядке! Вот посмотрите!.. — Первым вышел за дверь, видя, что из всех раздевалок потянулись на трибуны судьи, участники и секунданты, чтоб полюбоваться, как они с Удальцовым сейчас будут бороться за звание чемпиона.

И, гордясь этим и чувствуя звенящую легкость во всем теле, он зашагал к центральной, усталой красной ковровой дорожкой лестнице, стал под нарастающие аплодисменты и приветственные крики своих почитателей спускаться к рингу, четко белевшему на зеленом бархате футбольного поля, сразу за черной лентой беговой дорожки, на которую начала надвигаться густая тень трибуны.

Ветер развевал полы халата, отбрасывал их в стороны, приятно охлаждал горящее лицо. И все было чудесно: и трепещущие на длинных флагштоках разноцветные знамена спортивных обществ за рингом, и разница между освещенной солнцем и уже затемненной частями поля, и выделяющиеся белыми пятнами на зеленом фоне судьи за длинным столом, и белоснежные канаты ринга, из которого устало выбирались только что отработавшие бойцы. Все это бросалось в глаза мягко сбегавшему по лестнице Андрею, вызывало восхищение и радость. А еще его так и подмывало обернуться к трибуне, как бы благодаря своих сторонников за теплый прием, а самому попытаться отыскать глазами Викторию. Но этого делать нельзя, это нескромно, так настоящие мастера, не пижоны, не поступают. Нужно выдерживать, дойти до ринга, подняться на него по узкой деревянной лестничке, занять свой угол и только тогда уж посмотреть в сторону центральной ложи.

Вот и лестничка. Не спеши, дай сойти отбросившим, и осторожно, не споткнись о талреп, пролезай между верхним и средним канатами... Нет, нет, и сейчас еще рано оборачиваться! Дойди до своего угла... Та-ак. Вот теперь можно!

С остановившимся дыханием Андрей повернулся к трибуне и опешил: перед ним открылось волнуемое, круто уходящее в небо людское море, и вначале он самой центральной логи не увидел. Потом, все же овладев собой, успокоившись, различил, разглядел ее, нетерпеливо повел глазами влево от бетонного козырька, но в этот момент почувствовал, что кто-то бесцеремонно шлепает по спине,— удивленный, обернулся: рефери с узким галстучком на белоснежной груди, лицо деловито-строгое. Пришлось показать ему, как завязаны перчатки, дать убедиться, что имеется бандаж, а надбровные дуги и скулы не смазаны каким-либо маслянистым веществом; после этого он снова жадно обратился лицом к трибуне.

«Где... ну где же они?!» — до боли в глазах вглядываясь в волнующихся зрителей, весь дрожа, думал он.

— Так, Андрюша,— раздался над ухом голос Донцова.— Слышишь меня?.. (Андрей с досадой оторвал глаза от трибуны.) Только не забывай, не поддавайся на его провокации! Ни в коем случае не бросайся в атаку! Переиграй! Во что бы то ни стало переиграй! Любыми способами вынуди его самого атаковать! Ясно?!

— Угу,— кивнул Андрей, а внутри у него пело, звучало: «Виктория! Подумать только: вот на этой самой трибуне сидит Виктория!.. Да нет же, это какое-то чудо! Сказка!..»

Он поспешно вышел из угла и, чувствуя на себе ее взгляд, слегка наклонил вперед голову: диктор представлял его публике, которая оглушительно зааплодировала. Не без труда отвел глаза от трибуны, шагнул в свой угол: теперь представляли противника и аплодисменты уже относились к нему.

«Да где же в конце концов они?» — все еще пытаюсь отыскать Красикова, Алю и Викторию, с досадой думал он.

— Голову пониже держи,— снова заговорил Дон-

цов. — Правую перчатку не развешивай. А теперь ступай, ступай пожми этому баламуту руки и... начинай! — вдруг пошлепал он по плечу, и Андрей, оттолкнувшись от верхнего каната, полный нетерпения, зашагал к центру ринга, видя приближающегося Удальцова, — лицо беспечное, озорное; в первый раз неуступчиво подумал: «Ну нет, дорогой, ничего у тебя сегодня не выйдет!» Так же с улыбкой пожал ему перчатки, отскочил на шаг и радостно-решительно принял боевую стойку, чувствуя, что им овладевает веселое, задиристое настроение.

«Стоп! Так вот же, вот она, лучшая из тактик! — в следующую секунду обрадовался, вспомнив, каким образом обычно действовал сам Удальцов: невозмутимо следил за тем, как соперник готовит ему западню, старается загнать в нее, когда же тот, полагая, что спасения уже нет, приступал к завершению замысла, он с ухмылкой разрушал его, нередко оборачивая против самого атакующего, и тем самым крайне раздражал, выводил того из себя. — Да, да! Попробуем побить тебя, дружище, твоим же собственным оружием!..»

Андрей сосредоточился, чувствуя, что мысли становятся ясными, четкими, а все не относящееся к бою отходит в сторону. Теперь перед ним оставался один только Удальцов, и даже не он, а нечто безликое, безымянное, желающее того же, чего желает и сам Андрей, — доказать свое превосходство в быстроте, ловкости и сообразительности.

Бесшумно двигаясь друг перед другом на носках, пугая один другого обманными ударами и телодвижениями, оба по ответным действиям пытались, как положено вначале, определить скорость реакции, надежность защиты и, наконец, чем каждый запасся к данному поединку.

Вскоре выяснилось, что ничего особенного ни у того ни у другого на этот раз за душою нет: реакция — самая обыкновенная, защита — так себе, а уж в боевом арсенале имеются лишь самые примитивные вещи. Это означало: для того чтобы получить представление об истинном положении дел, требуется переходить к более истинным мерам — к разведке боем.

Первым, как казалось непосвященным, ее начал

Удальцов. На самом же деле, введя в действие «тяжелую артиллерию» — удары справа, — тот лишь старался втянуть в обмен любезностями партнера, чтоб, по его выражению, в мутной водичке рыбку ловить. Однако Андрей изо всех сил держался, не поддавался искушению, хотя ему крайне не терпелось показать всем, и в особенности Виктории, что у него предостаточно порошу в пороховницах. Будто совершенно позабыв о главной тактической уловке противника, он искусно притворялся, что охотно идет навстречу его желаниям, все горячее ввязывается в обмен ударами, сам же был постоянно начеку, то и дело блокировал коварные встречные или же уходил от мощных контрударов соперника.

«Не хотите брать инициативы?.. — действуя левой рукой, точно фехтовальщик шпагой, но при этом не упуская из виду правой перчатки партнера, с усмешкой думал он. — Пожалуйста, мы с удовольствием ее заберем... Вот так: защищайтесь!.. И то, что вы все больше откидываетесь, ставя себя на боевой взвод, и готовитесь к контратаке, мы также будто не замечаем... Готовьтесь себе на здоровье, готовьтесь...»

Но едва лишь Удальцов, посланный толчком правой ноги, словно мощной пружиной, полагая, что контратакует, ринулся вперед, Андрей, вместо того чтобы отскочить от разящей перчатки, стремительно нырнул под нее с серией из коротких ударов, которые беспрепятственно достигли цели.

Не поняв, что произошло, Удальцов поспешно вышел из-под «огня», поманеврировал и принялся вновь вызывать соперника на атаку, но неожиданно для себя опять оказался атакующим. Тогда он попытался поймать Андрея на другие свои излюбленные приемы, но и тут у него ничего не вышло: Андрей, всякий раз разгадывая его намерения, делал вид, будто идет в ловушку, когда же, как казалось Удальцову, требовалось лишь захлопнуть ее, он выскальзывал и осыпал соперника ударами.

Это начинало раздражать Удальцова. Он все с большей досадой убеждался, что из тонко знающего свое дело охотника сам превращается в травимого зверя. Ухмылка сошла с его лица, он время от времени не

выдерживал, очертя голову бросался в атаку, на которую только что провоцировал противника, и запутывался в собственных сетях.

— Ехидничаем, дорогуша? — придержав Андрея за локоть, когда гонг оборвал боевые действия, негромко с усмешкой сказал он, осознав, что все неудачи не случайны, что соперник не хуже его может действовать в роли загонщика.

— А что нам остается делать? — покосившись на рефери, в тон ответил Андрей.

— Ну-ну! — шутливо-угрожающе подмигнул Удальцов. — Сейчас мы переменим карту!.. — и, шлепнув Андрея по плечу раскрытой перчаткой, не обращая внимания на насторожившегося рефери, зашагал прочь.

И действительно, когда прозвучал гонг, пригласивший бойцов на второй раунд, Удальцов бурей вылетел из своего угла и бросился в атаку. Однако это не было неожиданностью для Андрея, они с Донцовым предусмотрели подобный вариант. Вот только в одном разошлись: тренер советовал — даже настаивал! — не ввязываться в «рубку»: маневрировать, встречать агрессора точными ударами и, лишь когда окончательно станет ясно, что он выдохся, забрать инициативу в свои руки. Сам же Андрей размышлял иначе. Но тогда что все подумают? Да нет, тут Борис Сергеевич не прав! Зачем ждать?! Нужно сразу же по-мужски повести встречный бой!

И он наперекор указаниям тренера принял вызов, двинулся на Удальцова. Однако вскоре стал попадать под случайные, совершенно неподготовленные противником удары, убедился, что старый тренер совершенно прав: вступать в откровенную перепалку, где от настоящего бокса не остается и следа и где все зависит от малейшей случайности, конечно, не стоило. Необходимо, как он и советовал, маневрируя и избегая лобовых столкновений, повести более тонкую игру: не ввязываясь в кутерьму, дать противнику основательно «вымахаться», потратить как можно больше сил, а потом взвинтить темп и подавить его!..

Заставив себя выйти из сферы боя, маневрируя, чтоб партнеру было сложнее вести прицельный огонь, Анд-

рей стал, как Борис Сергеевич и настаивал, уходить, отстреливаясь одиночными ударами.

Стадион взревел, поощряя Удальцова. Но Андрей, не обратив на это никакого внимания, крепко держал себя в руках, не позволил себе отступить от принятого решения: упрямо отскакивал то вправо, то влево или назад, после чего внезапно контратаковал и снова отскакивал. Напряжение поединка с каждой секундой стремительно возрастало. Вскоре Андрею уже казалось, что вот-вот из груди у него выскочит почти без пауз работающее сердце.

«Да должен же он наконец сдать, ослабить напор! Должен! Должен!.. Еще немного! Еще чуть-чуть!.. — яростно отбиваясь, убеждал он себя. — Да, я сейчас вынужден уступать и позволять ему набирать очки! Да, все видят, что инициатива в его руках! И все равно надо ждать, ждать, ждать, так как в данный момент это единственно разумный выбор, потому что... Но... до каких же пор может продолжаться подобное?! Когда у него наконец иссякнут силы?! А что если он заранее подготовился к такой изнурительной тактике, все рассчитал и не зря принял столь рискованное решение? А что если у него хватит заряда провести остаток боя вот в таком вот сумасшедшем темпе?! Да нет же, нет! Даже у машины есть предел!»

Рассуждая таким образом и кое-как успокаивая себя, Андрей твердо стоял на своем: по-прежнему отступал и проводил лишь неожиданные одиночные удары, хотя в душу все более закрадывались сомнения в разумности собственных действий. Откуда-то из глубины сознания поднималась тревога, даже страх, что они с Борисом Сергеевичем не все предусмотрели, не во всем должным образом разобрались, что задуманное может обернуться против них же, и уже не хватало доводов, которые могли бы остановить эти опасения. Срочно требовалась поддержка тренера! До крайности недоставало его беспристрастной оценки происходящего, а раунд, как нарочно, тянется нескончаемо долго!

«Уф, наконец-то!..» — услышав заглушенный ревом трибуны слабый звук гонга, облегченно вздохнул Андрей, ощутил, что ворвавшийся в близкую дистанцию Удальцов, обмякнув, не сразу отпустил его от себя и

даже явно оперся всем телом. С волнением вдруг понял, что противник поступил таким образом не от веселой жизни: устал! Явно устал! И, забывшись, хотел хоть немного, хоть мгновение не двигаться, постоять спокойно! Да, да, это так!.. Кроме того,— и это тоже немало важно! — он уже не шутил и двинулся в свой угол не так резво, как после первого раунда! Так, значит, поставленная задача выполнена! Выполнена!

К подобному выводу пришел и Донцов. Когда Андрей шагнул к нему и плюхнулся на подставленный им табурет, он возбужденно воскликнул:

— Начал неверно! Зачем рубился? Но молодец, что хоть не увяз, сразу поправился! — и, склонившись, оттянул резинку у трусов, чтоб легче дышалось.— А теперь внимательно слушай: второй раунд слегка проиграл. Но пускай, пускай! Зато своего добился! Удалец уже не тот! Так что в самом начале последнего сделай вид, будто ничего не замечаешь, тактику менять не собираешься, и дай ему опять как следует развернуться, ясно? А как только это произойдет, начинай при всякой его атаке оттягиваться, безо всякой паузы отвечать и развивать успех! Отвечать и развивать успех, понял?! Кстати, сейчас будут очень хороши пигмейские удары, про которые ты совершенно забыл! Он теперь сидит низко, и они пройдут за милую душу! Попробуй!

— Ладно,— кивнул Андрей, хотя сильно сомневался, что это ему что-нибудь даст.

Однако, используя первую же попытку противника войти в среднюю дистанцию, он все-таки провел один такой удар и удивился, до чего же действительно легко и просто достигнуть цели. Удалец словно специально шел в низкой стойке, и перчатка, беспрепятственно проникнув сквозь его небрежную защиту, ткнулась прямо в подбородок. И тогда окончательно выяснилось, что сил у него действительно осталось мало, что он держится на ногах лишь благодаря мужеству и воле. Напряжение, точно тяжкая волна, схлынуло с Андрея, раскрепощая его и высвобождая добавочную энергию. Он с облегчением осознал, что наконец-то наступил долгожданный перелом. Нет, Удалец, как и подобало бойцу высокого класса, не растерялся, больше сильных

ударов не пропускал, но Андрей все увереннее захватывал инициативу в свои руки, все настойчивее обрушивался на него с атаками, торопясь набрать необходимое для победы количество очков, видя, как у противника с каждой секундой слабеет воля к сопротивлению, что он все чаще оставляет без ответа пропущенные удары, что у него подчас нет даже сил уйти от них или же просто загорodиться.

Теперь на трибуне ликовали поклонники Андрея. Когда же он, убедившись, что бой все равно выигран, ослабил напор, давая возможность партнеру несколько оправиться, ему благодарно зааплодировала и другая половина стадиона.

Финальный гонг застал соперников вблизи Донцова.

— Обманул... — еле ворочая языком, пробормотал, обмякая, Удадьцов и уже открыто оперся об Андрея. — Все-таки обманул ты меня, злодей!..

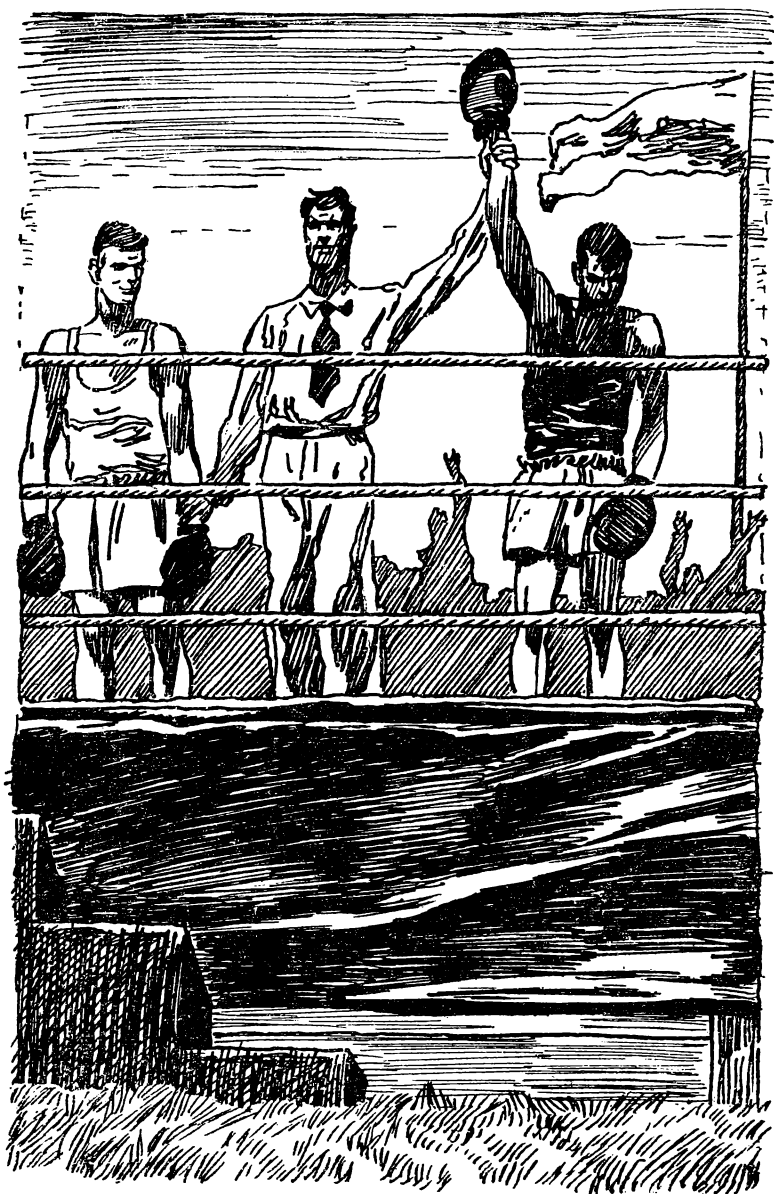
— Э, нет, дорогой! — перегибаясь через верхний канат и перекрывая рев трибуны, возбужденно крикнул Донцов. — На сей раз ты сам себя обманул да к тому же еще и обокрал: целиком положился на голую силу и совсем перестал мыслить! Да!.. А на ринге ведь, как тебе известно, вовсе не кулаки решают дело, понятно?!

Удадьцов выпрямился, подумал, уже глядя осмысленнее, — чувствовалось, что силы постепенно возвращаются к нему.

— Понятно, Борис Сергеевич! Все понятно! — ответил он, перевел озорной взгляд на Андрея: — Но особото нос не задирай! Наш спор еще не окончен! — и, пожав ему, затем Донцову руку, уже совсем твердо зашагал в свой угол.

— Правильно! — радостно крикнул ему в спину Донцов. — Спор — великое дело! Только в споре рождается истина и мужают люди! А нам сейчас крайне необходимо то и другое!.. — Еще более радостный обернулся к Андрею: — Вот теперь совсем другое дело! Молодец!

Виновато опустив голову, Андрей, учащенно дыша, подошел к старому тренеру, крепко пожал ему руку, стиснув ее с обеих сторон перчатками, дрогнувшим голосом сказал:

— Спасибо, Борис Сергеевич! За все большое спасибо!..— и, пряча глаза, поспешил в противоположный угол, обменялся рукопожатием с секундантом противника.

Выполнив этот ритуал, он, едва справляясь с дыханием, радостно шагнул в ту сторону, где, по его расчетам, сидели Красиков, Аля и Виктория, но диктор объявил, что Андрею Горячеву присваивается звание чемпиона страны, и рефери, подойдя, рывком поднял его мокрую, обессиленную руку вверх. Трибуна взревела еще сильнее, и сплошное мельтешение, трепыхание, волнение рядов мешали ему их разглядеть.

Сойдя с ринга и смущенно благодаря поздравлявших его знакомых судей, тренеров и фотокорреспондентов, Андрей стал нетерпеливо продираться сквозь толпу, наспех пожимая направо-налево руки и отвечая на приветствия, видя радостные лица знакомых, учеников, тренеров Дворца; вон тянется, побагровев от напряжения, кричит что-то Мишка — помахал ему. Заметил Красикова — потянул за собой. «Очень хорошо! Сейчас ты меня поведешь к Вике!»

Однако, когда они оказались в раздевалке и Андрей сорвал с вешалки тренировочный костюм, Красиков, насупливаясь, сказал:

— Не спеши...

— То есть как — не спеши?! — недоуменно обернулся к нему Андрей.— В чем дело?..

— А в том, что... Вики здесь нет...— глядя в сторону, пояснил Красиков.

Стиснув кулаки, Андрей подскочил к нему.

— Так, значит, ты... все выдумал?

Красиков вздохнул, переступил с ноги на ногу.

— Нет, не выдумал. Она была, хотела видеть тебя. Но, узнав, что ты... женат... ушла.

Андрей растерянно опустил руки.

— А куда ушла... не знаешь?..

— Где-нибудь еще счастье ухватить,— задумчиво ответил Красиков.— Ведь она же...

— Брось! — перебил Андрей.

— А что — брось?! — уже твердо глядя ему в лицо, возразил Красиков.— Ей же нужно счастье, понимаешь? И чего бы это ни стоило. Вот она его, в

меру сил своих, и пытается раздобыть. Правда, возможности уже не те: потускнела, гонор пропал, а главное...

— Перестань! — повысил голос Андрей и, круто повернувшись, шагнул в душевую. «Увидеть Викторию! Непременно увидеть ее и все, все рассказать, объяснить! Чтоб не думала, что я... что мне...» Замер: «А Женечка?! Она ведь будет ждать!» — Крикнул уже выходившему из раздевалки Красикову: — Боря, ты это... загляни, пожалуйста, к моим, скажи, что и сегодня я к ним не приду, а буду ночевать у матери, потому... оттого... — Он не мог подыскать подходящей причины, заметил отражение своего лица в зеркале, легкую тень под левым глазом, обрадованно закончил: — Потому что, скажи, ему фонарь подставили, и он в таком виде показываться не желает, хорошо?

— Ладно, — со вздохом кивнул Красиков и вышел.

Проводив его взглядом, Андрей шагнул в душевую, встал под горячие струи воды, принялся яростно смыть с себя пот.

«Значит, Боря сейчас зайдет, скажет, а я сразу же после награждения ринусь на Крымскую!» — с волнением думал он — и в следующую минуту застыл: «Но ведь, услышав о том, что со мною, Женечка не останется дома! Не считаясь ни с чем, она также помчится туда и может причинить себе непоправимый вред!..»

Грохнув о стену дверь душевой, Андрей подскочил к скамье, на которой лежала одежда, поспешно натянул на мокрое тело трусы, тренировочный костюм, боксерки.

— Нужно догнать Бориса! — шептал он, лихорадочно завязывая шнурки. — Во что бы то ни стало догнать!..

Вырвавшись из раздевалки, он метнулся к воротам стадиона, однако, словно на что натолкнувшись, резко остановился: на пустынной площади, неподалеку от гудящей голосами бетонной громады трибуны, ярко освещенная светом фонаря, кутаясь в материнскую шаль, стояла беспокойно озиравшаяся Женечка.

— Ты с ума сошла! — подбегая к ней и тревожно оглядывая ее лихорадочно горящее лицо, воскликнул Андрей. — Ведь тебе же запрещено вставать с постели!

— Не сердись, милый... — не умея сдерживать радость, просительно сказала она; черные глаза ее искрились, восторженно сверкали. — Не потерпела я... Не смогла усидеть дома, понимаешь?.. Поздравляю тебя! От всей души поздравляю!

— Спасибо, — не выдерживая ее любящего, восторженного взгляда, пробормотал Андрей, осторожно прижал к груди. — Большое спасибо!..

Из широкого, ведущего на трибуну прохода неожиданно появились Ходаков, Анечки, Аля и Невинский. Они с радостными возгласами окружили Андрея с Женечкой, жали им руки, обнимали.

— А-а! — вдруг раздался голос Донцова. — Я смотрю, здесь семейство Горячевых чествуют! В таком случае разрешите и мне, позвольте и мне присоединить свой голос!.. Поздравляю вас, моя дорогая, от всей души поздравляю! — приблизившись, обратился он к счастливо улыбающейся Женечке и, почтительно склонившись, поцеловал ей руку. — Но знайте: супруг ваш сегодня показал бы себя значительно лучше, если бы во всем слушался старших. Ну да ничего, мы с ним об этом еще потолкуем. Говорят, победителей не судят. Это, на мой взгляд, глубочайшее заблуждение: их нужно судить, и даже гораздо строже, нежели побежденных.

— Правильно! — делая свирепое лицо, поддержал Невинский.

Андрей смущенно улыбался, прятал от жены глаза. Донцов по-отечески оглядел Женечку.

— А вот когда у вас, дорогая моя, появится сын, приводите его ко мне, я из него настоящего мужчину сделаю. Лучше папы будет! Сам же он, хоть и великолепный боец и отличных учеников на ринг вывел, сыну, как это уже на многих примерах замечено, лишь помешать может. — Старый тренер задумчиво посмотрел на Андрея. — Конечно, ему и его соратникам нелегко, очень даже нелегко пришлось. Какие беспокойные, какие трудные годы-то на их долю выпали!..

— Да-а, что и говорить, — вздохнул Ходаков. — Теперь даже и не верится, что через такое прошли...

Перед Андреем отчетливо вырисовались заросшие

инеем окна, сверкающие разноцветными огоньками стены и потолок боксерского зала; истощенные, с неотмытыми руками и шеями ученики.

— Но что самое поразительное, — радостно оглядывая всех, продолжал Донцов, — первая же серьезная проверка показала: спорт-то наш — а я уже видел по борьбе, штанге и гимнастике первенства — не только сохранил довоенный класс, но по многим статьям и вырос! Стал более зрелым, технически разнообразным и красивым! А почему? Да потому что никто из настоящих спортсменов не испугался трудностей! — Он наступил. — К тому же учтите: многие наши выдающиеся мастера погибли. Немалое число вернулось, подобно Горячеву, покалеченными и так же, как и он, долго и упорно работали над собой, не имея абсолютно никаких гарантий на успех! — Взгляд его снова зажегся, он горделиво выпрямился. — Так каким же надо было обладать запасом мужества, веры в себя, чтоб, невзирая ни на что, начать все сначала и добиться самых высоких результатов. Это, конечно, подвиг. Самый настоящий, никому не видимый, скрытый от постороннего взгляда, подвиг, который мы будем в состоянии оценить лишь много лет спустя, когда уйдет, схлынет это ставшее нам уже привычным, всех нас приподнявшее на более высокую ступень страшное напряжение. И тогда главному нашему союзнику — стойкости, — без которого был бы невозможен ни один сколько-нибудь выдающийся поступок и который обеспечил нам спасительное второе дыхание, благодарные потомки непременно воздвигнут памятник!.. — закончил Донцов. Затем, насторожившись, кивнул на взрепевшую трибуну: — А сейчас — слышите?! — идите скорее туда, как раз одну из самых упорных встреч увидите! Мне-то, к сожалению, нельзя: следующую пару секундировать должен. — И он, проводив глазами Ходакова, Анечек, Невинского и Алю, снова улыбаясь, посмотрел на Женечку: — Так не забывайте, голубушка, нашего с вами уговора: присылайте первенца ко мне!

— Спасибо, — ответила Женечка. — Пришлем. — Оглянувшись на мужа, добавила звонко: — Обязательно пришлем!

— Вот и прекрасно, — кивнул Донцов; тронул Анд-

рея за локоть: — Ну, я пошел. А ты не забудь: через три пары — награждение победителей. Чтоб к этому времени быть при полном параде!

— Не беспокойтесь,— кивнул Андрей; взял Женечку под руку.— Пойдем, я тебя где-нибудь усажу.

— То есть как это «где-нибудь»?! — оборачиваясь, возмущенно крикнул Донцов.— На места участников веди! Пусть привыкает!..— шагнул было прочь — задержался: из-за трибуны с радостными возгласами вышла оживленная толпа молодых людей, среди которых выделялись несколько увешанных орденами и медалями военных.

«Постой-постой, так это же ученики Андрюши!..— вглядываясь в торжествующие лица идущих, подумал он.— Ну, молодец, молодец, вон какую гвардию вырастил! Да еще сколько воюет!..»

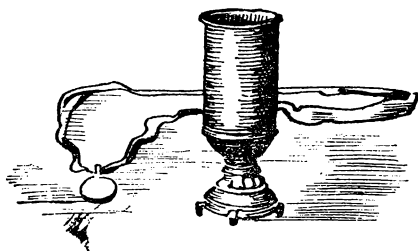
А молодые люди, сгрудившись вокруг Женечки и Андрея, толкались, тянулись к ним, наперебой поздравляли.

Стадион разразился оглушительными криками и аплодисментами. Андрей настороженно поднял голову.

— Внимание, внимание, друзья! — воскликнул он.— Это значит, на ринге начался один из самых интересных поединков!.. Пойдемте же скорее на места! Помните: смотреть — это учиться! А учиться, как показала жизнь, необходимо постоянно! — Взяв Женечку под руку, он увлек всех на ревущую трибуну — и перед ними открылся ярко освещенный, вырванный из темноты лучами юпитеров белый квадрат ринга, на котором два мускулистых, крепко сложенных бойца яростно обменивались сериями ударов.

«Что ж, война скоро окончится,— с волнением следя за молниеносно мелькающими перчатками боксеров, думал Андрей.— И Борис Сергеевич правильно сказал — начнутся другие сражения. На ринге, борцовском ковре, на гаревых, ледяных, водных дорожках, на лыжне и футбольных полях. Эти сражения будут очень трудными и значительными для престижа государств в послевоенном мире. И наша страна, предоставившая нам все возможности для приобретения высшего класса, вправе ждать от нас достойных ее величия результатов. А пока необходимо еще многих — и пусть

их будет как можно больше! — закалить, научить в совершенстве владеть своим телом, внушить веру в себя. В это суровое, до крайности напряженное время Родине нужны особой духовной и физической крепости люди. И мы, постигшие секреты стойкости, на себе испытавшие, каким образом этого добиваются, должны — да нет, обязаны! — не ослабляя упорства, помогать приходящим к нам в залы стать такими!»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	3
Глава вторая	12
Глава третья	20
Глава четвертая	30
Глава пятая	39
Глава шестая	46
Глава седьмая	51
Глава восьмая	55
Глава девятая	60
Глава десятая	63
Глава одиннадцатая	67
Глава двенадцатая	71
Глава тринадцатая	78
Глава четырнадцатая	81
Глава пятнадцатая	83
Глава шестнадцатая	88
Глава семнадцатая	92
Глава восемнадцатая	95
Глава девятнадцатая	103
Глава двадцатая	110
Глава двадцать первая	115
Глава двадцать вторая	120
Глава двадцать третья	137
Глава двадцать четвертая	141
Глава двадцать пятая	145
Глава двадцать шестая	151
Глава двадцать седьмая	163
Глава двадцать восьмая	168
Глава двадцать девятая	171

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Виктор Васильевич Пушкин

Второе дыхание

Роман

ИБ № 6903

Ответственный редактор

И. В. Пахомова

Художественный редактор

Н. З. Левинская

Технические редакторы

М. В. Гагарина и Е. М. Захарова

Корректоры

Л. М. Письман и Э. Н. Сизова

Сдано в набор 10.12.82. Подписано к печати 14.06.83.

A03138. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1.

Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08.

Усл. кр.-отт. 11,24. Уч.-изд. л. 10,23.

Тираж 75 000 экз. Заказ 2146. Цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Детская литература»

Государственного комитета РСФСР

по делам издательств,

полиграфии и книжной торговли.

Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени

фабрика «Детская книга» № 1

Росглавполиграфпрома Государственного

комитета РСФСР по делам издательств,

полиграфии и книжной торговли. Москва,

Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм

«Целлофот»

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Пушкин В. В.

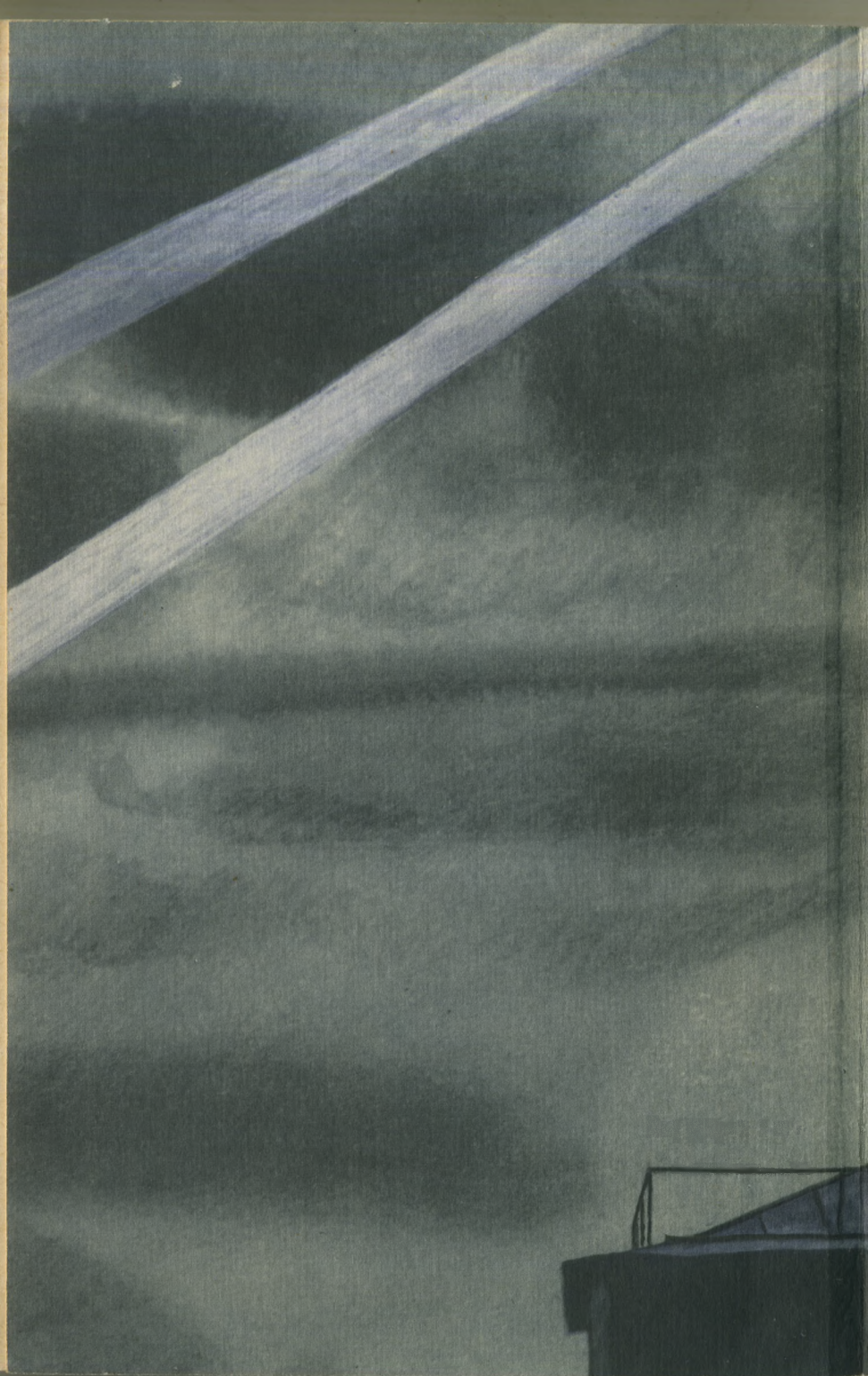
**П91 Второе дыхание: Роман/Рис. В. Юдина.— М.:
Дет. лит., 1983.— 190 с., ил.**

В пер.: 50 к.

Роман о судьбе молодого боксера, чемпиона страны, который после тяжелого ранения в тылу врага, справившись с тяжелой травмой, стал тренером и сумел вернуться на ринг. Действие происходит в Москве в 1941—1944 годах, в романе широко показана жизнь города, несгибаемая воля и мужество москвичей. Автор — в прошлом боксер, чемпион СССР.

**П 4803010102—350 291—83
М101(03)83**

Р2

E

50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»